© ГАЛИНА МАРКУС

Внимание: все права защищены. Любые ссылки, копирование, публикация и (или) иное использование только с разрешения автора.

АННОТАЦИЯ:

Они все разные... заломанные, битые жизнью, травмированные кто войной, кто поруганной любовью, кто обстоятельствами... просто разные... просто люди....
И не всех их выберет Иклона...

Повесть о том, как планета выбирает людей, которые будут жить на ней, а вовсе не сами люди выбирают планету...

Работа на недавно открытой планете не приносит героине ничего хорошего. Загадочная болезнь, заставившая ее отстать от своих, новый командир группы, который придирается почему-то исключительно к ней, недоброжелательные спутники, сразу ее невзлюбившие...
А кроме того, планета, похоже, отторгает любых гостей, и скоро земляне вынуждены будут ее покинуть. Останутся только те, кого она - странная планета Иклона - выбрала сама.
А может, дело обстоит совсем иначе — причем не только в отношении героев с планетой, но и – главное - между собой?
Какие же тайны хранит неприветливый шеф? И на чьей стороне окажется в итоге планета?

И К Л О Н А

ЧАСТЬ 1.

СЛУЧАЙНЫЕ.

Она оказалась среди них случайно. Ее собственная группа отправилась на неделю раньше. Где-то далеко впереди по розовым камням шагали милые сердцу люди: лучшая подруга Тоня, приветливая Лин со своим мужем, балагур Ивар, мудрая немолодая Кристина…

А она провалялась в палатке обездвиженная и могла только лить слезы, проклиная отвратительную местную болезнь, цепляющую людей непонятно, по какому принципу. Когда Серафима пришла в себя, выяснилось, что последняя партия уходит буквально на днях.

Исследования показали — пара месяцев, и эта стоянка «заболотится», как и все предыдущие. Но самое отвратительное, что таких больших дислокаций больше не будет, и Серафима может никогда не оказаться среди своих. Научное руководство приняло решение разделить экспедицию на небольшие отряды. Тогда есть шанс, что кто-то – хоть кто-то! - достигнет успеха. Успехом называлась возможность удерживаться на одном месте более полугода. Планета наотрез отказывалась принимать гостей, и уже не одно научное поселение было затоплено этой странной, блестящей зеленоватой жидкостью, неизвестно откуда просачивающейся из-под розовых скал.

Последнее указание с Земли было более чем странным. Экспедиция отправила домой образцы зловещего «болотного» вещества, а в ответ… Сумасшедший Бастуров рекомендовал землянам «понравиться» Иклоне.

А Иклоне не нравился никто. Открытая всего десять лет назад, планета внушала людям огромные надежды: климат, химический состав воды и воздуха оказались пригодны для жизни. Но…

-Эй, Гофман, тебя опять подгонять надо? И как таких набирают! - грубый голос снова прервал ее раздумья.

Серафима с трудом вытащила ногу из зеленой лужицы, вылезла на камни и подняла глаза на говорившего.

За что он так ненавидит ее? Все сегодня едва плетутся, а она еще и после мерзкой болезни. Конечно, Тимура, начальника группы, злит, что Серафиму навязали ему в партию. Но она-то чем виновата? При первой же возможности она с удовольствием покинет этих недобрых, хмурых, постоянно чертыхающихся парней и развязных высокомерных девиц. Все они изображают из себя «знающих жизнь», и ей непонятны их разговоры и шутки. Так что не обязательно еще и постоянно спускать на нее собак.

Остальные хотя бы не пристают, обращаются только по необходимости. А этот Тимур просто пяти минут не может пройти, чтобы не сделать замечание.

-Привал, - наконец, объявил шеф, и все с облегчением остановились, скидывая с себя рюкзаки.

Места пошли сухие и еще более красивые. Мягкий, чистый мох цвета ежевики (кстати, кое-где на нем действительно попадались съедобные ягодки) позволял расположиться с комфортом. С одной стороны поляну обступали все те же розовые скалы, с другой - спускался пологий овраг, по дну которого протекала маленькая, совсем земная речушка с отличной питьевой водой. В чем-чем, а в воде Иклона им не отказывала.

Серафима села, как всегда, чуть поодаль от остальных. Она залюбовалась открывшимся за оврагом закатным пейзажем. Солнце (так они условно называли местное светило) было крупнее, но холоднее земного. От этого закат переливался такими оттенками кораллового и фиолетового, что дух захватывало. Деревьев на этой части планеты не было, только кустарники, по природе своей напоминающие всё тот же мох, но очень высокий и сильно разросшийся. При желании на мягких кустиках можно было развалиться, как на высокой перине. Некоторые казались достаточно упругими для того, чтобы продержаться минут пятнадцать, но потом неизменно прогибались, выпустив влагу, и оставаться в них было неприятно.

-Гофман! – видимо, ему доставляло особое удовольствие склонять ее фамилию. - Хватит мечтать, помоги Элизе.

На прошлом привале Серафима готовила завтрак одна, и никто из женщин даже не поднялся помочь. Но спорить не стала, а предпочла встать и подойти к рыжеволосой девице в обтягивающем комбинезоне.

-Что надо делать?

Элиза презрительно подняла на нее свои жесткие светло-голубые глаза.

-Помой овощи, - коротко бросила она.

Серафима взяла котелок и отправилась вниз, к воде. Даже здорово… уйти от них хоть ненадолго. А как сейчас было бы уютно и весело со своими! Муж Лин рассказывал бы про китайскую кухню, Ивар подкладывал лучшие кусочки, а Тоня подшучивала бы над ними…

От речки шли влажные испарения. Здесь было теплее, чем наверху. Серафима уже заметила, что на Иклоне не бывает тех мелких летучих насекомых, отравляющих пребывание у воды. Она тщательно вымыла овощи, встала, вздохнув, и чуть не выронила от испуга котелок.

Шаха, как его называли дружки, нарисовался за ее спиной совершенно беззвучно. «Шаха» - потому, что, играя в шахматы, он громко и особенным тоном возглашал на всю

округу: «Шаааххх!» Из всей группы только он, кстати, числился геологом, но она ни разу не видела, чтобы Шаха занимался своими прямыми обязанностями. А ведь здесь так много интересных пород!

-Котелок тоже вымой… - Шаха постоянно что-то жевал. - Овощи грязные, еще инфекцию занесешь. Кто его знает, откуда здесь эти странные болезни, может, от грязи. А может, и от воды, черт его знает.

Тон у Шахи был скорее доброжелательным, чем назидательным, но его доброжелательности Серафима опасалась куда больше гнева Тимура.

Ей хотелось ответить, что на руках Шахи куда больше грязи, чем в этой блестящей, прозрачной, ласковой воде. Но с ним лучше быть краткой.

-Я вымыла, - она сделала попытку пройти и поняла, что тревога ее не напрасна. Шаха стоял, широко ухмыляясь и загораживая проложенную ею тропинку.

Ладно, пойдем напролом. Серафима решительно обогнула его крупную фигуру и ломанулась в кусты.

-Эй… - насмешливо понеслось вслед.

Она не оглянулась, но слышала, как он, не спеша, поднимается следом. Глядя себе под ноги, наткнулась на кого-то.

-Ну и долго тебя ждать? Все жрать хотят.

Тимур смотрел на нее, сощурив глаза. Потом перевел взгляд на Шаху.

-В другой раз пошлешь кого порасторопней, - не выдержала Серафима, с удовольствием заметив, как шеф переменился в лице.

Ах, вы не привыкли, что она огрызается. «Думаете, меня можно так просто затравить! Мало вы еще меня знаете».

Но порыв злости прошел, а тоска осталась. За время ужина она ни разу не перемолвилась ни с кем и словечком… Тимур недовольно поглядывал на нее, порываясь к чему-нибудь придраться, но повода так и не нашел. От Шахи она отодвинулась подальше, и, кажется, на сегодняшний вечер он от нее отстал.

Девицы – два биолога, медик и химик – то ли вяло переругивались, то ли перешучивались, Серафиме был непонятен их юмор. В работе ей никого из них видеть не приходилось, но она знала: все здесь профессионалы. Группа Тимура находилась на Иклоне дольше других. Не потому ли от них исходит один негатив? А ведь планета восхитительно красива. Серафиме, как художнику-любителю, нравились даже эти навязчивые болотца – их бутылочный, переливчато-зеленый, насыщенный цвет.

Кстати, с Элизой, медиком, ей пришлось пообщаться сразу после болезни – та молча осмотрела ее, не отвечая на вопросы, и только пожала плечами, когда Серафима поинтересовалась природой заболевания.

-Идти сможешь, осложнений ни у кого не бывает, - в конце концов, вяло сообщила Элиза, - но раз болезнь тебя выбрала, можешь не сомневаться, повторится.

-А как часто она может повторяться? – Серафима с содроганием представила, что снова может впасть в это «деревянное» состояние…

-У кого как. Может, через год, а может, через два дня, - обнадежила Элиза.

Интересно, что они сделают с ней, если она опять заболеет? Бросят здесь, укрыв мхом? Или она перебарщивает в своей неприязни к этим людям?

Установили палатки, и Серафима первая ушла к себе, не дожидаясь, пока обогревающее устройство доведет температуру до нужного уровня - на Иклоне по ночам сильно холодало. Палатка рассчитана на двух человек, но, конечно, соседки для Гофман не нашлось, чему она была несказанно рада. Наконец-то можно разуться и, ни на кого не оглядываясь, отдохнуть.

Она расшнуровала ботинки. Ноги, как всегда, сильно натерло. Это ее постоянная беда – еще на Земле Серафима умудрялась натереть ноги даже легкими спортивными тапочками. Когда их группа во главе с Кристиной высаживалась на планету, получилось, что на место предполагаемой стоянки они не попали – она заболотилась, а экспедиция

перебралась в другой оазис. Пришлось им проделать неблизкий путь. Ноги тогда страшно натерло, но идти было весело. Тем более что Лин дала ей классную мазь, заживляющую ранки за одну ночь.

Серафима потянулась за рюкзаком… Тьфу ты… Когда ужинали, она доставала пакет с лекарствами, чтобы принять витамины, на всякий случай назначенные медиками после болезни, и, кажется, оставила его, где сидела. Нехотя она вылезла из палатки.

У костра каждую ночь оставался дежурный. Правда, диких зверей здесь не водилось. А точнее, вообще никакой живности крупнее большого жука, яркой бабочки, маленькой рыбки и нескольких видов птичек, Серафима не видела. Так же, как и с деревьями – все формы жизни как будто были минимизированы. Одна из загадок Иклоны…

Сегодня дежурил Альбинос – все здесь имели какие-то клички. Ей не придумали кличку только благодаря фамилии, которая сама звучала, как прозвище. Альбинос поднял на нее мутные бесцветные глаза и снова уронил голову. Ясно, уже принял… Хорош дежурный!

-Я забыла пакет. Где-то здесь… Ты не видел?

Неопределенное пожатие плечами… любимый жест всех членов группы. Не обращая на него внимания, Серафима принялась шарить по земле, натыкаясь на неубранную посуду и остатки пищи. Свою Землю запакостили, со злостью думала она, и здесь тоже… трудно было сжечь… Ей принципиально не хотелось убирать за ними, но стыдно было перед планетой.

Да где же пакет? А, вон белеет под перевернутым котелком. Серафима отошла от костра и резко остановилась, услышав голоса. Разговаривали двое – она сразу узнала Элизу и Сурена, бородатого психолога с вечно циничной усмешкой, и, судя по некоторым высказываниям, весьма образованного. Сначала Серафиме даже казалось, что с ним, в отличие от остальных, можно поговорить. Но быстро поняла, что в каждом его слове - тщательно замаскированное под благодушие презрение к собеседнику. И как такой может помочь людям адаптироваться в новых условиях?

-Не знаю… Тимур еще не решил. Меня бесит его пофигизм… я бы при малейшем риске, - Элиза говорила, как всегда, отрывисто.

-Считаешь, это гуманно? – раздался равнодушный басок Сурена.

-Гуманней допустить гибель всей экспедиции на планете?

Стоп, это интересно. Надо было уходить, но Серафима напряженно вслушивалась. Элиза рассуждает о гуманности…

-Но ведь никто ничего не знает…

-Я - знаю… я все-таки медик… иммунолог, инфекционист, как тебе известно. Эта штука опасна.

-А как передается?

-Блин… кто бы сказал… ни воздушно-капельным, ни через кровь. Но всегда выбирает вот этаких… ты заметил?

-Что-то генетически общее?

-Ага, вот это, - видимо, Элиза покрутила пальцем у лба, потому что Сурен ответил:

-Ну, глупой ее не назовешь.

-Не в этом смысле… Короче… все они вызывают у меня дикую неприязнь.

-Отличный диагноз, Эли, и ясно, что делать… убрать всех, кто тебе неприятен.

-Плохая идея?

-Да нет, мне, в принципе, нравится… Да кури, кури, у меня есть еще.

-Главное, убедить Тимура. Я знаю, он человек дела и терпеть ее не может. Но даже слушать почему-то не хочет…

-Ну и ладушки. Хозяин – барин. Давай лучше по койкам, а то я что-то сегодня устал.

Но Элизе не хотелось заканчивать разговор, она явно нервничала.

-Нет, ну ты как считаешь?

-Эли, тебе-то чего беспокоиться? Ты не из таких, значит, не заболеешь. Те, кто тебе нравится, тоже, - Сурен, как обычно, посмеивался.

-Ты как всегда… ничего не добьешься от вас. Всем по фигу. Я не о себе думаю. А если на Землю попадет…

-Мало ли на Земле всяких вирусов. Одним больше, одним меньше. Бывает похуже…

-Ты не все знаешь…

-Эй, хорош трындеть! - из палатки Элизы донесся хрипловатый голос ее подружки Косточки — худющей и высокой как жердь Тани Костнер. - Я спать хочу. Эль, ты сегодня дома ночуешь или…

-Или, - Сурен ухмыльнулся, - давай, побеседуем лучше о чем-то приятном.

-Не сегодня… и не с тобой, - отрубила Элиза.

Серафиму, наконец, покинул ступор, и она, стараясь не шуметь, благо, что босиком, метнулась в свою палатку. Ее трясло, зуб не попадал на зуб. Но и в нагретой палатке дрожь не прошла. Так вот оно что… Ее здесь не просто не любят. Считают источником опасности или инфекции.

Но в экспедиции болела не она одна. Несколько человек точно, только за время ее пребывания на стоянке. Серафима постаралась вспомнить. Кто это – «они», неприятные Элизе люди? Если ей неприятны, наверняка должны быть симпатичны Серафиме. Но она была знакома, да и то поверхностно, только с одним – немолодым инженером-гидравликом. Ничего общего между ним и собой Серафима не находила. Разве что пару раз поговорили о живописи – да и то не сошлись во взглядах на абстракционизм. Может, сходство, если оно есть, видно только со стороны?

Так что же ей делать? Ждать, пока Элиза накрутит остальных и попытается от нее избавиться? Ну не убьют же они ее – взрослые, нормальные, хотя и малоприятные люди. Не преступники же они? Тогда что? Добьются отправки на Землю? Оставят одну? А вдруг приступ повторится? Значит, Тимур пока в нерешительности… А когда решится?

Серафима приготовилась ко сну, намазала ноги мазью Лин. А как заснуть? Тревога не оставляла, билась в висок, скручивала живот.

Усталость взяла свое только под утро. Но встала Серафима совершенно разбитой. Итак, она одна во враждебном лагере. Помощи искать негде. Уйти от них? Мысль, что она может остаться на чужой планете в одиночестве и брести в неизвестном направлении, показалась невыносимой. Значит, будь, что будет. Возможно, ничего и не случится. Сегодня, при ярком, лимонном Солнце, не жарким, таким приятным утром, все ночные страхи казались преувеличенными. Ну, подумаешь, Элиза занимается домыслами. Никто не примет это всерьез, да и Сурен не принял.

Серафима вылезла из палатки и увидела, что завтрак уже сворачивают. Проспала! И никто не разбудил. Значит, пойдет голодной – не просить же их подождать.

Она подошла, взяла несколько кусков рыбы с хлебом и наспех пожевала, собирая палатку.

-Давай быстрей, постоянно тебя ждем, - раздался привычный окрик Тимура.

Она всегда все делала быстро, и быстрее многих. Несправедливые нападки начинали доставать.

-Не жди, - спокойно сказала она, глядя прямо на шефа.

Интересно, Тимуру чуть больше тридцати, а уже столько седых волос в его иссиня-черной шевелюре. В черных глазах - привычная агрессия.

-Потом будешь ныть…

-Когда это я ныла?

Краем глаза Серафима заметила, что остальные прекратили свертываться и с нескрываемым любопытством прислушиваются. Еще бы, Гофман посмела подать голос.

Тимур передернул плечами и отвел взгляд.

-Ладно, хватит базарить, двигаем, - бросил он, не глядя в ее сторону.

Все разочарованно отвернулись. Чего они ждут? Склоки? Повода? Правильнее было бы не давать его им, но Серафима завелась. Она боялась, что долго не выдержит, и тогда начнется настоящая разборка. Ну что ж. Тем лучше...

Резким движением она закинула рюкзак. Оглянулась назад. На том месте, где только что на сухом сиреневом мху стояли палатки, выступали тоненькие штришки, трещинки зеленого цвета - болотце начинало просачиваться. Вот это да! Какие там полгода, когда они и суток здесь не простояли. Иклона, кажется, начинает их подгонять. Да, собственно, будь она хозяйкой планеты, на фиг бы выгнала таких гостей… Ученые… Медики, физики, биологи, геологи… Земля еще как-то вас терпит… и ее, Серафиму, тоже… Хотя на Земле-то как раз ее не ждут… и Земле она не нужна, и Егору тоже…

***

Милый, тихий, хороший мальчик. Так неуклюже и симпатично ухаживал. Из всего институтского курса выбрал именно ее. Не зачем было и сопротивляться – Егор ей очень нравился. Свадьбы давно стали немодными, но ей хотелось, чтобы все было красиво, так, как рассказывала бабушка. Длинное белое платье, кольца… Он не возражал – свадьба, так свадьба. Но и всерьез церемонию не принял, для него это было, как вызов Деда Мороза на дом – театральное шоу. Да какая разница! Любовь ведь. А потом у Егора появилась другая любовь. Тоже дело нормальное. Любовь – это святое. И каждая новая любовь – новое святое. Кто обязан оставаться с тем, кто уже не нужен, и жертвовать возможностью очередного счастья? Даст Бог, не последнего…

Эта легкость всем казалась естественной. А ей, Серафиме – нет… За что уцепиться? Что из существующего на Земле имеет постоянство, твердость, весомость? Живи и пользуйся моментом… наступая на других – ведь момент-то пройдет, и жизнь пролетит. Она сумела бы так при желании, но – не хотела… И не желала, чтобы наступали на нее. Бабушкино старомодное воспитание - с таким нечего делать на планете потребителей. А есть и иные планеты, где люди работают, приносят пользу, имеют цель.

Заработок – это не главное, организаторы не сулили золотых гор, но обещали интересную научную работу. А значит, люди здесь наверняка особые. Но была и обратная сторона медали. Разные причины заставляли людей покидать Землю… Попадались и совсем темные личности.

К примеру, она слышала еще на стоянке, что Тимура с родной планеты погнали серьезные неприятности. Серафима бросила взгляд в его сторону – он шел почти рядом, чуть впереди. Что ж… в это можно поверить. За все время перехода он ни разу не улыбнулся – ни только ей, это понятно, но и никому из группы.

Как будто почувствовав ее взгляд, Тимур резко обернулся. В глазах, как всегда – открытая неприязнь.

-Привал! – объявил он.

Короткий отдых давал возможность еще раз разуться и намазать натертые ноги. Нормальная еда была только за ужином, днем старались времени не терять. Открыли консервы, достали бутылки с водой. Альбинос потянулся за фляжкой. Еще столько идти, а он уже принимает… Взяв свою порцию, Серафима села в круг. Рядом плюхнулся Шаха, как будто невзначай оказавшись к ней вплотную. Она потихоньку, стараясь не делать это демонстративно, отодвинулась.

Сурен, наевшись, развалился, дымя сигаретой. Шаха встал, прикурил, и снова уселся рядом, выдохнув дым в ее сторону. «Биологички», как она называла про себя двух безликих женщин лет тридцати пяти – сорока – коренастую Инну и черноволосую маленькую Майю – улеглись на траве, лениво перебрасываясь репликами. Всем хотелось отдохнуть – до вечера им предстояло одолеть непростой перевал.

-А вот объясните мне кто-нибудь… - тоже затянувшись сигаретой, начала Элиза. - Что это за специальность такая – планетолог? Что он конкретно-то делает? Такое громкое название… а на деле – приют для бездарей от науки.

Даже не поднимая глаз, Серафима почувствовала, как все напряглись. Шаха выразительно крякнул, Костнер хихикнула, а биологички приподняли головы.

Раздался благодушный голос Сурена:

-Эли, планетология – это комплексное исследование планет. Понимание процессов возникновения и развития небесных тел, ключ к эволюции нашей собственной планеты… Что там еще… Поиск жизни и ее следов, подбор информации о физических и химических условиях на этих телах, изучение возможности их изменения…

Никого не обманули его добренькие интонации. Серафима ясно различила иронию - Сурен цитировал ее собственную статью. Точнее, даже не статью, а коротенькое интервью. Юркая молодая корреспонденточка отловила Серафиму перед отлетом и задала «несколько вопросов для простого читателя».

-Ну, все понятно, можешь не продолжать, - Элиза нарочито тяжело вздохнула. – То есть всё, что сделали до тебя настоящие спецы. Тогда я знаю: планетолог – это тот, кто пишет диссертацию по чужим исследованиям.

Костнер демонстративно захохотала во весь лошадиный рот, откинув голову назад.

-Ну, ребята, хватит вам, - Шаха масляно улыбнулся и дружеским жестом положил руку на плечо Серафимы. - Все мы здесь для чего-то нужны.

Серафима привстала и молча потянулась за рюкзаком, скинув при этом руку Шахи.

-Гофман, камушек в твой огород. Может, ответишь народу? – раздался голос Тимура.

Она подняла на него глаза. Взгляд Тимура казался странно напряженным. С чего бы ему тратить нервы на дурацкие разборки? Нет, не в инфекции дело... Ее бы отторгали здесь и без всякой болезни.

-Хорошо, если ты хочешь, - руки у нее дрожали, но говорить она старалась спокойно. - Если планетология – дело ненужное и бесполезное, то все-таки быть бездарным планетологом куда безопасней для окружающих, чем жестоким медиком или равнодушным психологом.

Такое впечатление, что все окаменели, только Шаха заерзал на месте. Ни Элиза, ни Сурен не нашлись, что сказать. Серафима продолжала смотреть Тимуру в глаза. Шеф внимательно щурился, а потом, как и в прошлый раз, первым отвел взгляд.

-Встали, - резко произнес он.

Дальше дорога пошла вверх. Солнце выглядывало из-за красноватой горы. Интересно, но местное светило хотелось называть не в среднем роде, а скорее в мужском. Большой, холодный, изысканно красивый… кто? Звезда, планета – все в русском языке женского рода. Даже Иклона. «Иклона» – да, пожалуй: капризная, неуловимая, странная и привлекательная. Женская планета. А вот подобное Солнце – однозначно «он».

За такими странными мыслями Серафима одолела половину подъема. Разговор на стоянке она не приняла близко к сердцу. Даже стало легче. Откровенная травля позволяла со спокойной совестью испытывать к другим неприязнь. Кстати, Тимур-то вообще не был ученым, на Земле он работал «экстремальным проводником», или кем-то в этом роде. Говорят, его нанимали для совершенно безумных и опасных походов. Ну, здесь-то ничего опасного, как ни странно, не предвиделось. Самая большая неприятность - это проснуться утром в зеленой луже и снова сменить стоянку. Ни хищников, ни туземцев, ни катаклизмов. Может, шеф потому такой злой, что ему тут скучно?

Подъем становился все труднее, и Серафима начала задыхаться. Левая рука затекла. Сначала она не обратила на это внимание, но потом встревожилась. В прошлый раз приступ местной болезни начался с чего-то подобного – тогда она почувствовала слабость в ногах. О Господи, только не здесь и не сейчас! Не прошло и недели, как она пришла в себя! И не

с кем даже поделиться. Элиза вполголоса переговаривалась с Костнер. К этому «доктору» Серафима обратится в последнюю очередь, даже будучи при смерти.

Тимур несколько раз оглядывался, и она каждую минуту ждала привычного окрика. На этот раз она действительно сильно отстала, на лбу, шее выступил пот, а рука совсем онемела.

-Шаха! Помоги Гофман, - раздался резкий голос шефа.

Надо же, какая забота… и даже не попрекнул. Что это с ним?

Шаха остановился, с участливой насмешкой поджидая ее, протянул руку. Серафима нехотя схватилась, и он втянул ее на последний розовый камень. Ладонь у Шахи была влажная, липкая. Серафима с трудом выдернула руку.

Они стояли на большой площадке холма высотой с пятнадцатиэтажный дом. По ту сторону открывался необыкновенно красивый вид. Камни там были уже не розового, а буро-коричневого цвета, а мох – если это мох – почти темно-синим. И гораздо больше разросшегося кустарника, который казался и тоньше, и выше. Можно было подумать, что сиренево-желтый лес окантовывает огромную синюю равнину. Где-то вдалеке летали маленькие яркие птички. Еще день или два пути. Сегодня до темноты они спустятся вниз, а завтра или послезавтра окажутся на новом месте.

Интересно, разведывательные спутники, расставившие антенны на каждой сотне километров, не забыли про этот чудесный участок Иклоны? Тогда можно будет быстро связаться с остальными. Кто знает, вдруг друзья обосновались неподалеку?

Эх, сюда бы мольберт — нарисовать этот пейзаж с такой высоты… Какой мольберт!? Дожить бы до следующей остановки.

-Будем спускаться или привал? – спросил Сурен.

Ей показалось, что Тимур бросил на нее взгляд, прежде чем ответить:

-Спускаться. До темноты надо быть внизу.

Вниз идти было труднее, ноги подгибались, скользили по гладким камням, а солнце светило прямо в лицо. К концу спуска Серафима уже не понимала, где она и что с ней, и передвигалась одним лишь усилием воли. Вне всякого сомнения, болезнь накинулась на нее снова или попросту была не долечена. Впрочем, ее ведь и не лечили — никто не знал, как.

Ну, вот они и в пригорье. Серафима села на землю, пытаясь отдышаться. Все уже ставили палатки, а у нее не было сил даже встать. В прошлый раз все произошло по-другому: слабость в ногах, а через какие-то десять-пятнадцать минут она уже лежала, не в силах пошевельнуться, словно все мышцы отказались служить одновременно. В тот раз она даже не помнила, как очнулась в палатке. Сейчас Серафима тоже чувствовала мышечную слабость, с трудом могла поднять руку, но шевелиться все же могла. И сознание не отключалось.

Мимо сновали, готовясь к ужину и ночлегу. Никто не подходил, чтобы спросить, что случилось и почему она вот так сидит. Наконец кто-то толкнул Тимура, указав на «бездельницу». Он быстро направился к ней, посмотрел встревожено.

-Гофман, ты что уселась?

Она попробовала ответить, но поняла, что язык уже не работает. Только слабо мотнула головой.

-Элиза, - крикнул Тимур.

Подошла Элиза, с подозрением глядя на Серафиму.

-Я так и знала, - прошипела она. – С ней жди неприятностей.

-Снова местная «малярийка»?

-Конечно, - во взгляде Элизы читалась откровенная ненависть – то ли к болезни, то ли к Серафиме, то ли к обеим.

Тимур подозвал стоящего поблизости Сурена:

-Поставь ей палатку, надо уложить…

Серафима улеглась на землю, сидеть она больше не могла. Солнце быстро зашло, на Иклоне моментально стемнело, и прямо над головой зажглась огромнейшая, нереальной величины звезда. Серафима уставилась на нее, стараясь ни о чем не думать. Через какое-то время Тимур вместе с Суреном втащили ее в палатку. Она легла, пытаясь пошевелиться, чтобы заставить мышцы работать. Ей это удалось, но она тут же задохнулась от чрезмерных усилий. Серафима закрыла глаза.

-Без сознания? – снаружи послышался голос Элизы. Она наблюдала, стоя чуть поодаль.

-Кажется, да, - отвечал Тимур, - не хочешь пойти к ней?

-Зачем?

-Не понял… У тебя больная. Выполняй свои обязанности.

-Это не лечится. Само пройдет.

-Послушай, Эли, - голос у Тимура стал тише и жестче, - что-то я тебя не понимаю. Какой-то уход ей нужен или нет?

-Послушай, Тимур! - вызывающе повторила Элиза. - Я не собираюсь за ней ухаживать. И нечего притворятся таким правильным боссом, ты ведь сам терпеть ее не можешь. Я с самого начала знала, что Гофман осложнит нам жизнь.

Несколько секунд длилось молчание, потом Тимур тихо произнес:

-Эмоции с делом не связаны. Моя работа – довести всех до стоянки. Твоя – лечить или что там еще...

-Брось, Тимур. Нам надо поговорить. Уже давно… Но ты не даешь мне шанса. С тех пор, как мы вышли, ты не только… Я тебя больше не интересую, верно?

-Послушай, Эль, не сейчас…

-Если бы ты поговорил со мной… У меня есть мысли по поводу этой, как ты выразился, «малярийки». Я думаю, всей экспедиции угрожает опасность.

-Елки-моталки… опять та же песня. Хорош накручивать, Сурен уже делился со мною твоими идеями.

-И что? Что он считает?

-Он, как всегда, обтекаем. Значит, ты не хочешь заниматься больной, потому что боишься заразы?

-Блин, Тимур, если бы я боялась заразы, я не пошла бы в инфекционисты! Тут другое. Люди, переболевшие этим, не выздоравливают. Они…

-Они что?

Голос у Тимура странно изменился. В нем как будто звучал страх. Тимур – боится?

-Не сочти за… В общем, они будут заодно… с Иклоной… Они выживут нас, нормальных людей.

-Уфф, - Тимур облегченно выдохнул. - Ты просто насмотрелась на Земле блокбастеров. Как думаешь, приступ надолго? Мне надо принять решение. Если выдвинуться завтра – к вечеру могли бы быть на стоянке.

-В прошлый раз у нее это длилось неделю. Последующие приступы обычно короче, но… для нас это хуже… она скоро поймет…

-Эли, не хочу больше слушать твой бред. Не сердись. Давай конкретно. День, два?

-День или два, - Элиза была вне себя от раздражения. - На твоем месте я бы оставила ее здесь. Со стоянки можно вызвать воздушный катер, пускай забирают. Мы избавимся от нее, и тогда, возможно, продержимся на стоянке подольше. Вдруг болото наступает тогда, когда появляются больные?

-А может как раз наоборот. Болезнь вызывается сыростью, или что-то в этом духе. И кстати, по твоей же версии, Иклоне должны нравиться «маларийные». Ладно, подождем до завтра, иди спать.

Серафиме показалось, что оба ушли. Так, теперь Элиза приписывает ей и другим заболевшим все беды экспедиции. Знакомая позиция. Найти крайнего… Плохо то, что как

раз в такие вещи люди охотно и быстро верят. Как просто – избавься от помехи, и все будет прекрасно! Агитация Элизы скоро принесет плоды, и тогда…

Неожиданно она почувствовала на себе чей-то взгляд и с усилием открыла глаза. В палатке горел переносной фонарик. Шеф? Что он здесь делает? Вглядывается ей в лицо, будто пытается оценить степень опасности. Поняв, что она в сознании, Тимур не отшатнулся, а продолжил молча смотреть. Эх, жаль, речь ей отказывает. Или нет? С трудом двигая языком, Серафима произнесла:

-Чего тебе?

-Можешь говорить? – удивился он.

-Трудно…

-Слышала разговор с Элизой?

-Да, - скрывать не было смысла.

-Она говорит, ты должна что-то знать. Ты понимаешь, о чем речь?

-Нет… Но вижу, куда она клонит.

-Не она одна. Этот слух пустили еще на первой стоянке. Она только повторяет чужие выдумки.

Значит, Тимур в это не верит? Человек он хоть и недобрый, но конкретный и здравомыслящий. Серафима почувствовала надежду.

-И что ты сделаешь? – с трудом произнесла она.

-Не волнуйся, экстремизма не допущу. Мне нужен порядок, ясно?

-Да…

Но сможет ли он справиться с остальными, вот вопрос. Особенно, если сам не слишком заинтересован.

-Сегодня дежурю я. Спи.

-Мне… легче… Чем тогда… - ей хотелось дать ему понять, что она не станет такой уж обузой.

-Хорошо, - коротко ответил Тимур и вылез из палатки.

Вот это да… Найти защиту – и в ком? Впрочем, шеф, как и сказал, просто добросовестно выполняет свою работу. Интересно, что там произошло у него на Земле? Что за темная история?

Серафима задремала... Ей приснилась женщина удивительной красоты. Такие даже не вызывают зависть – ими любуешься, как недосягаемым идеалом. Высокая, стройная, гибкая, с шикарной гривой каштановых волос, огромными карими глазами. Она заразительно смеялась, выходя из воды, выжимала волосы. Серафима любовалась ею вместе с сидящим на берегу мужчиной. Она узнала его. Мужчина ждал свою красавицу. Но произошло что-то непонятное. Какой-то короткий, тупой звук. Девушка покачнулась, схватившись рукой за грудь. Из-под руки побежала красная струйка. Последнее, что слышала Серафима перед тем, как проснуться - жуткий, нечеловеческий крик. Это кричал мужчина на берегу, бросаясь к девушке.

Серафима резко села. Она даже не сразу поняла, что к ней вернулась способность двигаться. Так быстро? Вот здорово! А может, это вовсе не та болезнь, а просто ее последствия - переутомление, слабость?

Но сон… Как будто моментальный ответ на ее вопрос о Тимуре. Что это было? Больное воображение? Отчего-то казалось, что красавица из сна существовала в реальности. Значит, у Тимура на Земле была девушка, и ее убили. Поэтому он и уехал на Иклону? Да ну, чепуха, мало ли, что приснится…

Пошатываясь, она выбралась из палатки. Оказывается, еще ночь, даже не утро. Костер слабо тлел, а Тимура не было видно. Вот тебе и охрана... Сильно похолодало. Серафима подобралась ближе к огню, подложила в костер несколько пучков сухого мха. Где взять топливо, она не знала. Только сейчас она поняла, как голодна - ведь накануне пропустила ужин. Серафима огляделась кругом. Как всегда, после еды никто не убрал, и на одной из тарелок она нашла нетронутые овощи. Выращенные здесь, земные овощи

приобретали совсем иной вкус, но ей они нравились. А сейчас показались голодной Серафиме необыкновенно вкусными.

Послышался треск, как будто сквозь кустарник пробирался медведь, и в круг у костра вывалился Шаха.

-Опаньки! – воскликнул он, - а говорили, что ты больна. А Элиза даже… Впрочем, неважно. Как ты себя чувствуешь?

-Лучше, я просто устала вчера… - Серафима была начеку. - А ты почему не спишь?

-Да так… по своей нужде вышел, - он гоготнул. - Вот и классненько, что ты здесь. Вместе не спать веселее, а?

Он подмигнул заговорщески. Серафима колебалась. Встать и уйти в палатку? Еще потащится за ней… Нет, пожалуй, тут безопасней.

-Наши бабы тебя невзлюбили чего-то, знаешь… Да и Балтышев придирается… Но ты не расстраивайся. Если что – кликни Шаху, Шаха тебя защитит.

-Спасибо, я сама могу за себя постоять. А любить меня или нет - это их дело.

-Слушай, я к тебе с чистым сердцем. И можно сказать, добрыми намерениями… Ну чего ты все одна да одна?

Этого она и боялась… Он придвинулся к ней, почти навалился, обняв здоровенной ручищей. Второй рукой ухватил за голову, придвигая к себе, жирными губищами прислонился к ее губам. Серафима попробовала его отпихнуть, но слабость давала себя знать, сил активно сопротивляться не было. Наконец она кое-как отвернула от него лицо, и изо всех сил впилась ногтями ему в руку.

-Вот стерва, больно же! Ну ладно, хотел ведь по-хорошему!

На лице у него появилось животное выражение. Тут Серафима по-настоящему испугалась.

-Тимур! – вырвалось у нее, - Тимур!

Послышались быстрые шаги, Шаха обернулся - сзади стоял Тимур. Раздался удар, неприятный хруст, и она увидела, как Шаха повалился на спину. Из сломанного носа текла кровь.

-Скотина, - сквозь зубы выговорил шеф, - только попробуй устроить еще что-нибудь в этом роде. Убью.

-Может, самому хочется? – отплевываясь от крови, угрожающе произнес Шаха, поднимаясь во весь рост. Выглядел он куда внушительней своего начальника. - То-то я погляжу, цепляешься к ней все время. Злишься, что не дают, да?

Эта свежая мысль показалась Серафиме совершенно абсурдной, однако Тимур пришел в бешенство. Он побледнел, сжав кулаки, а в глазах у него читалась такая ярость, что Шаха невольно отступил на пару шагов, потом смачно сплюнул, развернулся и ломанулся через кусты.

Оба молчали, избегая встретиться взглядом. Наконец Серафима проговорила:

-Мне стало лучше… может, это вовсе не приступ? В прошлый раз я лежала неделю и не могла говорить.

-А я отошел в палатку, карту искал. Хотел посмотреть, где ближайшая антенна, - зачем-то отчитался Тимур.

-Вызовешь катер и сдашь меня, как предложила Элиза? Ладно… это даже к лучшему.

-Тебе ведь с нами не нравится?

-А кому понравится быть с теми, кто терпеть тебя не может?

-А ты? Разве не презираешь каждого из нас? – он скривился непонятной гримасой.

-Не знаю… что первично. Наверное, ты прав, все взаимно.

-Слушай, если я цепляюсь… То только по делу. Ничего личного.

-Да ладно, я вижу, как тебя раздражаю.

Он неопределенно качнул головой – то ли «да», то ли «нет».

-Ну… можно и так, наверное, выразиться, - медленно ответил он.

-Ничего, скоро придем на стоянку. Буду очень тебе благодарна, если поможешь найти мою группу. И вам будет лучше, и мне.

Тимур смотрел на нее, как обычно, прищурясь. В его глазах снова появилась тяжесть и неприязнь.

-Боюсь, из этой идиллии ничего не выйдет. Насколько я знаю, Кристина ушла на север.

Серафима опустила глаза. Вот как… она не увидит своих. И что ее ждет?

-Что ты собираешься делать? Ну, в отношении меня, - она повторила вопрос, который постоянно ее мучил.

-А зачем что-то делать? Будешь работать, как все.

-Я… пойду к себе, - ей надо было переварить происшедшее. – И… спасибо тебе за… ну, что вовремя пришел.

-Не за что… хорошо бы всегда… вовремя.

Перед глазами Серафимы встала девушка из ее сна. Реальность и сон сейчас настолько переплелись в ее голове, что вопрос вырвался сам собой:

-А как ее звали?

-Кого? – вскинул голову шеф.

-Ту девушку… которую убили у моря, - она сама не понимала, что городит.

Вид у него стал ошеломленный.

-Откуда ты знаешь? – едва вымолвил он. - Откуда?

Серафима покачнулась, но удержалась на ногах. Что она делает, что говорит? Бред это - или не бред?

-Прости… я не знаю… это все сон. Я видела сон. Ты – и эта девушка. Ее убили. Прости, я не хотела… и не знаю, почему спросила, - она совсем запуталась и понятия не имела, как закончить разговор.

Он пристально смотрел на нее, словно что-то соображая. Потом ответил, спокойно и угрюмо:

-Ее звали Света. Спокойной ночи, Гофман.

Она повернулась и на непослушных ногах отправилась к себе в палатку.

***

Итак, Тимур. Первая мысль, с которой она открыла утром глаза. Кто он? Враг? Друг? Просто начальник? И как он будет относиться к ней после вчерашнего? Для чего она рассказала ему этот сон? Теперь он будет считать ее действительно странной, в подтверждение наговоров Элизы. Но как получилось, что ей приснилось его прошлое?

Тело уже вполне ее слушалось, от вчерашнего приступа не осталось и следа. Когда Серафима вышла к завтраку, почти все посмотрели удивленно - так быстро ее не ждали. Только Шаха сидел где-то поодаль и даже не поднял голову, нос у него был красным и опухшим. Зато Элиза разглядывала ее чересчур уж внимательно.

— Гофман, ты в порядке? Твоя вчерашняя порция, — шеф хмуро кивнул головой в сторону пластиковой коробки. Говорил он с ней все тем же резким тоном, выражение лица было непроницаемым.

После завтрака быстро свернули лагерь.

— Идти сможешь? — спросил Тимур.

— Да, — Серафима легко закинула рюкзак за спину. В прошлый раз она долго не могла восстановиться, а сейчас, казалось, полна сил.

— Ладно, тогда выходим.

Двинулись в путь. Несколько раз Тимур оглядывался на нее, но привычных окриков не раздавалось. То ли его интересовало ее здоровье, то ли вчерашний сон наводил на мысли.

День прошел без происшествий, шли бодренько, поскольку цель похода была уже не за горами. Тимур, безошибочно определяющий местное время, наконец, произнес:

— Отлично. Успеем до темноты.

И уже через полчаса остановил группу:

— Располагаемся.

Серафима отдышалась. Внизу плато выглядело еще более привлекательным, чем сверху. Было и просторно, и уютно, и… «цветно». Она любила такие насыщенные краски. Учительница живописи иногда хвалила ее за смелость в выборе цвета, а иногда укоризненно качала головой — перебор. Но только в ярких оттенках Серафима выражала себя наиболее полно. Вот и этот пейзаж на Иклоне нельзя было нарисовать нежными, пастельными красками. В свете быстро заходящего Солнца фиолетовый был по-настоящему фиолетовым, сиреневый — глубоко-сиреневым, а коралловые камни хотелось постоянно трогать руками, такой они имели теплый, приятный, даже вкусный цвет.

Она вздрогнула от типичного, но почти позабытого окрика:

— Гофман! Снова спишь. Ставь палатку. Раз здорова, помощников не будет.

Но почему-то обидно ей не было. Как будто он не всерьез на нее сердится. Или это ей просто мерещится, что Тимур подобрел с той ночи?

Раскладывая палатку, она случайно наступила на чей-то брошенный рюкзак и едва удержала равновесие. Тут же подвалил Шаха и молча забрал рюкзак. По его взгляду она поняла — он ничего не забыл и не простил. Настроение сразу ухудшилось.

Однако остальные выглядели преисполненными радужных ожиданий. Во-первых, больше никуда не надо идти. Во-вторых, наладили связь и передали, что они на месте — значит, скоро прибудут продукты и все необходимое. Это пока еще они сумеют (если сумеют) что-то здесь вырастить. А в-третьих, у Альбиноса нашлись (и откуда они у него находились в таком количестве?) непочатые бутылки водки, и всем предстоял приятный вечерок. Тимур в таких случаях не возражал, чтобы народ расслабился.

Вот только в планы Серафимы (как и в планы остальных) ее присутствие на вечеринке не входило. Она рано отправилась к себе, но спать не собиралась, оставаясь настороже.

Гомонили долго, она старалась не прислушиваться, боясь услышать скабрезности о самой себе. В какой-то момент ей показалось, что у костра идет ссора, но это частенько случалось на таких посиделках. Послышался резкий голос Элизы, истеричные нотки Костнер. Потом вроде как два-три резких слова Тимура, и наступила странная тишина. Затем кто-то из женщин взвизгнул, кажется, ее удерживали или уговаривали. Стало по-настоящему страшно. Она уже допридумала себе, что Элиза зовет всех идти по ее душу, а Тимур всех осаживает. А собственно, зачем сидеть в палатке, как загнанный кролик? На Иклоне безопасно в любом месте. Надо просто выбраться незаметно и уйти ночевать подальше отсюда, поближе к кустарникам. С другой стороны, если тот же Шаха найдет ее там одну… Ее колебания были неожиданно прерваны. Около палатки действительно послышался шум, и внутрь пролез Тимур.

Серафима не знала, можно ли ей вздохнуть с облегчением. Тимур был основательно пьян. Он уселся на свободное место и молча уставился на свои скрещенные ноги, как будто забыв о ее присутствии.

— Спишь? — наконец поднял голову он.

В голосе его слышались и вызов, и неуверенность. Серафима села напротив него.

— Нет, — она старалась отвечать спокойно и твердо, чтобы не выдать свои опасения, - но мог бы и постучаться.

— Считай, что я извинился, — буркнул он.

— Что там случилось? — не выдержала она. — Опять Элиза? Насчет меня?

Он поморщился.

— Да нет… ты тут… сбоку припеку. Здесь другое, короче, забудь. Я хотел рассказать тебе кое-что. Пока пьян. В трезвом виде не могу. Раз пошла речь… про ту девушку.

— Свету? — тут же сочувственно спросила она.

— Да, — он кивнул раздраженно. — Вот только не надо жалости. Все перегорело, как-то затянулось. Иначе бы не выжил. Просто голые факты. Чтобы ты не думала… В общем, не знаю, для чего я тебе это рассказываю, но должен.

— Ты вовсе не должен…

Он нетерпеливо мотнул головой, прерывая ее попытку расшаркаться.

— Я ее безумно… И, как можешь догадаться, был такой не один. Одержимый болезнью. Под именем «Света». «Света» — это было все. Замена солнцу, родителям, всему, что раньше было в жизни. Яркий, яркий блеск, так что невозможно даже смотреть. А для него этот день… когда она выбрала меня… стал черным-пречерным.

— Для кого?

Но Тимур как будто не слышал вопроса.

— Он убил ее на моих глазах, не мог не убить. А я не мог не найти его, чтобы… Ты понимаешь?

— Отомстить? Ты что, убил его?

— Мог, и ничего бы не остановило. Мораль, закон, Бог… У меня ничего больше не было. Без нее. Я его нашел, быстро нашел, раньше полиции. Но сразу не выстрелил. И… ушел.

— Почему?

— А в глаза ему посмотрел. Вижу — и он… тоже живет в этом мире… В глазах – черная дыра. И все равно ему. И я понял. Убью его — и сам, навсегда, в этой пустоте.

Он сделал паузу.

— Если бы мне тогда сказали, что когда-нибудь мир снова обретет цвет… Я слишком высокопарно говорю, да? Ты не представляла, что во мне это может быть?

— Я не знаю тебя. Ты — закрытый человек, никогда не улыбаешься.

— Это да, вот улыбаться я еще не научился. Но мир со временем обрел цвет — понимаешь? Хотя в нем осталась страшная дыра. И я всегда на ее краю. Но мир остался миром, он не рухнул. И… может, это как-то кощунственно прозвучит — мне даже как будто легче стало без *нее*… Раньше был постоянный страх, что она от меня уйдет; будет – но не со мной…

— Значит, ты сотворил себе кумира.

— Вот этого не надо… теорию подводить. Может, ты и права, конечно, но… Некоторые люди особенно подвержены этой болезни – сотворять кумиров… наступать на одни и те же грабли.

— Ты поэтому улетел с Земли? Где нет ее, Светы?

— Нет. Собственно, ради этого я и здесь. Хочу, чтобы ты знала. Я не стал убивать… Но его нашли убитым в тот же день, когда я приходил. Обвинили меня. Мне грозило пожизненное. В лучшем случае. Я сбежал и… Я здесь под фамилией друга, с которым мы вместе работали в Австралии. Уехал через Польшу. На Землю мне возврата нет.

Тимур поднял на нее свои тяжелые, черные глаза.

— Ты веришь мне? Вот только скажи правду — просто скажи, как есть — веришь или нет?

— Конечно, — твердо ответила Серафима, — почему я должна не верить? Зачем тебе тогда вообще рассказывать?

— А может, я боюсь твоих снов? Или придумал эту версию для своего оправдания? Как ты узнаешь?

— Каких снов? Был единственный сон.

— Будут еще… сны. Скоро ты будешь знать о нас все.

— С чего ты взял эту глупость? Элиза напела?

— Нет. Но она на верном пути. Думаю, ты действительно для нас опасна. Мне рассказывали. На стоянке. Я тогда не придал значения. Один из переболевших ребят каким-то образом узнал всю подноготную другого парня. Мы тогда решили, что он ясновидящий. Знаешь, бывали такие на Земле…

— Я не ясновидящая, никогда ничем подобным не занималась, и даже в лотерею никогда не выигрывала, — Серафима сделала движение, — и вообще, не скажут ли там… у костра, что ты здесь делаешь?

— Элиза рыдает в палатке, Костнер ее утешает. А может, сама утешается. Все разошлись по углам. Ладно, спи. Не бойся, Шаха давно в отрубе, нажрался, как свинья. Если что, моя палатка рядом. Специально так поставил.

— Спасибо, — слегка удивленно протянула Серафима.

Ей показалось, что не так уж он и пьян. Кажется, у него есть какие-то свои планы. Возможно, на ее открывшиеся, как он считает, способности?

Тимур ушел, а она так и не смогла до утра сомкнуть глаз, все перекручивала, переваривала каждое слово. Одно понятно – Тимур теперь ведет себя по отношению к ней почти по-дружески. И ей действительно жаль его. Только не слишком ли он переменчив, чего ждать от него завтра?

Утром, снова не выспавшись, она вылезла из палатки. Ого… можно оценить масштаб вчерашней гулянки по количеству объедков, стаканов и прочего дерьма. И они думают после этого, что Иклона даст им здесь поселиться!

Все, разумеется, еще спали, раньше одиннадцати не выползут. Серафима с удовольствием прогулялась: речка, огибающая холмы, как раз впадала тут в чудесное озеро. Как хорошо, что на Иклоне можно пить воду, не опасаясь. Она умылась, подумывала даже искупаться, но решила, что вода с ночи еще холодная, и просто присела на берегу.

Тишину нарушал только мягкий плеск крохотных желтых рыбок. Она видела почти таких же, когда отдыхала в детстве в Египте. Внезапно ей послышался иной, тихий звук, он усиливался, и вот из-за холма на синем небе показалась черная точка. Серафима вскочила. Точка приближалась, и она разглядела низколетящий воздушный катер. Она замахала рукой.

Наверное, это прибыли продукты, а все спят. Серафима побежала обратно в лагерь.

Катер снижался кругами. Обитатели стоянки, услышав шум, начали выползать из палаток. Похоже, мало кто в эту ночь ночевал у себя. Элизу, оказывается, утешал Сурен. Костнер вылезла из палатки Шахи. Соответственно, Альбиносу, которого из его палатки выжили, пришлось ночевать у Тимура. То есть, скорее всего, его туда затащили, как обычно, бесчувственным.

Но все это интересовало Серафиму, только пока из воздушного катера не вылез пилот.

Она бросилась к нему с радостным криком. Вообще-то они с Иваром всегда соблюдали дружескую дистанцию, но сейчас эмоции переполняли Серафиму. Она горячо обняла старого друга.

— Господи, Ивар! Миленький! Какое счастье, что это ты.

Ивар смущенно улыбался, одной рукой поглаживая ее по спине. Его непослушные черные кудри, как всегда, торчали в разные стороны.

Наконец она осознала, что вся группа стоит вокруг, наблюдая за ними, и отпустила бедного Ивара.

— Всем привет! – он огляделся вокруг. - Только расположились? Тимур, приветствую!

Ивар протянул руку. Тимур хмуро кивнул, нехотя ответив на рукопожатие. Примерно такие же лица были и у остальных. Брови у Ивара поползли вверх – онразумеется, не догадывался, что для подобного приема достаточно всего лишь его добрых отношений с Гофман.

— Помогите разгрузиться, это пока первая партия, — и Ивар, не дожидаясь ответа, принялся выгружать ящики и пакеты.

Тимур сделал знак, и мужчины начали разгрузку. Биологички так и не вышли из своих палаток, видимо, вчерашняя ночь далась им тяжело. Элиза и Костнер стали открывать коробки и высказываться по поводу содержимого. Серафима подошла поближе к Ивару, ей

надо было о многом его спросить. Она заметила, что Тимур прислушивается к каждому слову.

— Ивар, дорогой, где наша группа, далеко? Почему прилетел именно ты?

— Я был в центре по делам группы. Вот меня немножко и припахали, тем более я все равно летел сюда.

— А зачем? Где вы сейчас? — Серафима забрасывала его вопросами.

Ивар почему-то оглянулся на Шаху с Суреном, вытаскивающих ящик поблизости от них.

— Позже поговорим, ладно?

После разгрузки устроили завтрак. Серафима уселась рядом с Иваром, но вопросов больше не задавала.

— Спасибо, ребят, накормили, — он, наконец, встал. — Сим, пойдем, покажешь окрестности. Расскажу тебе про наших.

— Пойдем, — обрадовалась она.

С того самого момента, как она увидела Ивара, она вновь обрела надежду. Покинуть группу и никогда, никогда больше не видеть их всех. Вот только Тимур… Вроде как он хорошо к ней отнесся, доверил свою тайну. Но все равно, никакие добрые (в чем еще можно посомневаться) отношения с шефом не заставят предпочесть его родной, любимой Кристине.

— Значит, так, Серафимочка, — голос Ивара, только что беззаботно болтавшего за завтраком, стал серьезным, - я приехал сюда по делу. Я приехал за тобой.

— Класс! Спасибо… — у нее даже слезы выступили на глазах.

— Тебя здорово здесь достали? — сочувственно спросил он.

Она только кивнула, сглотнув комок.

— А как ты нашел меня?

— Я искал не только тебя. У меня целый список… То есть, разумеется, тебя мы бы нашли по любому, все по тебе дико соскучились. Но я собираю людей из разных мест — такое задание. Тебя, конечно, особенно рад забрать.

— Людей? Каких людей?

— Тех, кто переболел. Кого выбрала Иклона.

— Что? И ты тоже? Ты веришь в эту чушь? Нет, я понимаю, Элиза маньячка… но ты…

— Симочка, друг, подожди… Вечно ты сразу в бой. Бастуров считает, что тех, кто, так сказать, переболел, природа Иклоны сама адаптировала к местным условиям. И если этих людей отделить от других, тех, кто — уж по каким там причинам, неизвестно, — акклиматизироваться не сумел, то планета нас не отринет.

— Нас? Ты тоже болел?

— Ха… мы переболели все. Не успели отойти от стоянки, как слегли. Потом очень жалели, что не подождали тебя.

— И Кристина? И Тоня?

— Говорю же тебе — все.

— И у этой теории есть научная подоплека?

— Видимо, есть. Ты же знаешь, я — технарь, ничего в таких тонкостях не понимаю. Спросишь потом у Кристины.

— Послушай, Элиза говорила, что переболевшие опасны для остальных, выживут их с Иклоны. А Тимур вообще считает, что я стану ясновидящей…

— Им есть, о чем беспокоиться. Скорее всего, остальных со временем отзовут на Землю. Ну да это только мое предположение. Так что давай, собирайся по-быстрому. К тебе специально полетел первой, а так в этом районе надо попасть еще к одной группе — там два человека. Полетим вместе!

Вот это новости…

— Остальным что-нибудь скажем?

— Да в твоем случае, думаю, не за чем. Ты не из их группы, так что…

— Они будут только счастливы от меня избавиться, — закончила за него Серафима. — Только… поговорим с Тимуром вместе, ладно?

Они вернулись в лагерь. Тимура нигде не было видно. Пришлось подходить к Сурену.

— Где шеф?

— Кажется, в палатке. Отсыпается.

Ивар постучал по деревянному колышку у входа. Тимур откликнулся, и они пролезли внутрь. Шеф лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел в потолок. Серафима почувствовала себя неловко. Она раньше не бывала в чужих палатках.

— Тимур… — нерешительно начала она. — Надо поговорить.

Он медленно сел, по своему обычаю скрестив ноги по-турецки, и вопросительно уставился на них. Кажется, настроение его снова переменилось, и взгляд его трудно было назвать дружеским.

— Командир, — бодренько начал Ивар, — я девушку забираю, будем восстанавливать нашу группу. Ну… вот хотели тебя предупредить. Все выгрузили, так что вылетаем через часок, когда она соберется.

— Да мне и собирать нечего, — сказала Серафима.

На какую-то долю секунды ее вдруг охватило иррациональное чувство — что-то претило ей уезжать… чего-то было жаль. Но тут же она представила, что остается, и сама на себя изумилась. Остаться? Да ни за что на свете!

— Забавно… Охолонитесь, господа, — в голосе Тимура послышалась жесткая насмешка, — куда это вы собрались? Планетолога передали в мое распоряжение, я несу за нее ответственность. Ее работу в группе пока никто не отменял. Что за детский сад такой — хочу там, не хочу здесь?

Ивар с Серафимой изумленно переглянулись.

— Я не поняла, - раздраженно начала она, — с ума ты сошел, что ли? На кой я тебе понадобилась? Да все только рады будут…

— Не хами, Гофман. Эмоции сокращают жизнь.

— Надеюсь, ты шутишь, Балтышев, — вымолвил Ивар.

— Никаких шуток. Ты можешь себе лететь. А у Гофман есть обязанности.

— Какие? — Серафима потеряла дар речи.

— Узнаешь в свое время.

— Боюсь, мы друг друга не поняли, — Ивар стал очень серьезным. — Я не просто собираюсь забрать свою подругу. У меня есть распоряжение руководства. Каждый, кто переболел местной болезнью, должен быть доставлен в центр.

— Впервые слышу.

— Вот я тебе и сообщаю.

— Но только после того, как я запретил Гофман улетать. Почему я должен тебе верить? У тебя есть письменное распоряжение?

— По-моему, бюрократия на Иклоне еще не расплодилась. Всегда было достаточно передать информацию устно.

— Мы на чужой планете. Ты планируешь сделать нечто, противоречащее данным мне установкам. Я не знаю, какие цели ты преследуешь и куда забираешь сотрудницу, — отчеканил Балтышев.

— Я больше не собираюсь разговаривать в таком тоне, — вспыльчивый Ивар уже сжимал кулаки, — мы улетаем, и все. Интересно, как ты нам запретишь.

Тимур встал во весь рост, и в палатке сразу стало очень тесно. Все трое как по команде вылезли наружу и стояли теперь, глядя друг на друга.

— Раз интересно, — промолвил Тимур, — сейчас узнаешь.

Он демонстративно сунул руку за пазуху — командиру группы полагалось на всякий случай носить оружие, и во внутреннем кармане у него всегда был эксплазер. Этакий минибластер, или как это называется, Серафима в этом не разбиралась.

— Будешь стрелять? — засмеялся Ивар.

— Вот именно, — спокойно ответил Тимур.

— Ладно, Ивар, хватит, - не выдержала Серафима.

Ей стало страшно. Она не могла понять, что у Тимура на уме, знала только одно — он непредсказуем. Еще не хватало, чтобы она оказалась виноватой.

— Не связывайся. Я пока останусь.

— Ну, хорошо, — медленно ответил Ивар, стараясь сохранять спокойствие, но желваки так и ходили у него на лице, — я вернусь сюда с письменным распоряжением, и только попробуй тогда не отпустить ее. А про твои фокусы доложу.

— Да пожалуйста. Лично мне по барабану, в какой точке вселенной будет осуществлять свою деятельность Гофман. Но у меня есть правила и обязанности.

Ивар повернулся к Серафиме.

— Давай отойдем.

Они отошли на несколько шагов, однако Тимур смотрел на них, не вынимая руки из-за пазухи.

— Не бойся, Сим, надолго с этими ненормальными мы тебя не оставим. Скоро прилечу.

— Ничего не понимаю... Зачем ему это? Не хочет допустить, чтобы мне было хорошо? Даже в ущерб себе. А мне уже начинало казаться, что он неплохой. Да нет, просто псих…

— Знаешь… мне показалось, может… ревнует?

Как и в устах Шахи, это прозвучало нелепо, и она поморщилась.

— Нет… я не в его вкусе, — Серафима невольно представила себе девушку из сна и усмехнулась. — Тут иное…

У нее было предположение. Возможно, Тимур жалеет, что рассказал о себе, и боится, что она его выдаст. Ведь он жил здесь под чужим именем и на Земле был объявлен в розыск. Надо было ей самой подумать об этом и аккуратненько с ним поговорить. Ну ладно, что сделано, то сделано. Поговорит, пока будет ждать Ивара.

— Только ты возвращайся быстрее! Я так соскучилась по всем вам.

— Постараюсь. Но надо сделать еще несколько заходов по списку. А потом лететь за письменным распоряжением – тоже трата времени. Держись, Сим…

— Угу, — мрачно кивнула она.

Такое реальное, близкое счастье за несколько минут превратилось в мираж. Но теперь у нее осталась надежда.

Они тепло попрощались и обнялись под пристальным взглядом Тимура.

Катер взлетел, и Серафима осталась одна. Она чувствовала себя более одинокой, чем за все эти дни… Не глядя на Балтышева, которого сейчас просто ненавидела, она отправилась в свою палатку. И уже оттуда услышала громкий голос Элизы:

— Почему ты не отпустил ее — пока еще не поздно, пока она не успела нам навредить? Как у тебя с головой?

Ответа она не услышала, — кажется, Тимур тоже молча вернулся к себе. И тут она впервые за все дни разревелась.

***

Несколько дней шла тупая, чисто физическая работа. Прилетели еще два воздушных катера, с незнакомыми Серафиме пилотами. Установили «столовую», «лабораторию», обустроили «склад» в виде громадных, устойчивых палаток. Серафима смотрела на все это и думала, не придется ли в ближайшее время все это сворачивать. Правда, пока ни один

прибор не показывал, чтобы зеленые воды начали подниматься к поверхности, и это обнадеживало.

Дежурных выставлять перестали. Все как-то расслабились, как будто в лагере было надежней, чем на однодневных привалах.

С Тимуром она не разговаривала, приказы он старался отдавать ей через других. Сначала она даже смотреть на него не хотела, так была зла, но потом вспомнила свое решение поговорить по-хорошему. Однако шеф сам избегал ее. Возможно, мучила совесть, если она у него имелась.

Серафима постоянно думала о словах Ивара. Надо же — они все переболели. Может, тут имеет значение, что они все друзья и близки друг другу по духу? И чего хочет от них Иклона, наделяя своих избранников, если они действительно избранники, новыми способностями?

Кстати, Элиза улетела на одном из катеров на центральную стоянку, куда прибывали продукты и медикаменты с Земли. Ее чем-то не устроили привезенные лекарства, и она хотела подобрать препараты сама. С ее отлетом Серафима почувствовала некоторое облегчение. По крайней мере, остальные просто недолюбливали чужачку, а не плели против нее интриги. Костнер не представляет опасности без Элизы, биологички заняты собой. Психолог, правда, скользок и непонятен. Но он отправился в короткий поход на несколько дней — исследовать устье реки, и, как обычно, составить «проект надежды» — то есть проект расширения стоянки на случай, если именно их группа окажется наиболее удачливой.

Шаха, конечно, затаил зло. Сейчас его сексуальные потребности удовлетворяла Костнер. Но Серафима с тревогой замечала, что он снова начал кидать в ее сторону неприятные взгляды. Кажется, он не отказался от своей навязчивой идеи, но, наверное, побаивается Тимура или чего-то выжидает. Внимание Шахи заметила даже Костнер, и стала относиться к Серафиме еще враждебней.

Серафима давно хотела взять пробу воды из местного озера. Кроме речки, в него впадало еще несколько небольших источников, и с утра она набрала образцы из двух ближайших. В лаборатории, куда она отправилась, стучала пробирками Косточка.

— Привет, — поздоровалась Серафима.

Костнер не ответила.

— Я хочу проверить химсостав этой воды.

Ответа снова не последовало, и Серафима молча принялась доставать нужные ей препараты.

Тогда Косточка обернулась:

— Чего приперлась? Я уже проверяла здесь воду. Пить можно.

Проигнорировав грубость, Серафима ответила:

— Я знаю, что можно. Это из источников, интересно посмотреть, в чем разница. И зависит ли от местности, через которую проходит ручей.

— Это не твое дело. Я здесь химик. И не лезь больше в лабораторию, ясно?

— Не очень. Я тоже работаю в группе.

— «Работаешь!» — ухмыльнулась Костнер. — Все просто в трансе, для чего Тимур тебя оставил!

— Не поверишь, я тоже. Каждый день видеть, к примеру, тебя — сомнительное удовольствие!

И не дожидаясь ответа, Серафима в бешенстве вышла из палатки.

В упреке Костнер была справедливость. Да и в словах Элизы тогда, у костра, тоже. Планетологи готовили предварительные исследования перед высадкой на новые объекты, а потом, после изучения планеты узкими специалистами, делали свои выводы о ее пригодности для жизни. Что касалось ежедневной практической работы, тут Серафиме действительно нечем было заняться, хотя она и старалась без дела не сидеть. Чего стоили только ежедневные уборки общего мусора! Серафима давно плюнула на

принципиальность, слишком резало глаз это несоответствие между красотой Иклоны, ее яркой, как конфетная обертка, поверхностью, и этого земного мусора — бутылок, бумажных стаканчиков, целлофановых пакетов, объедков…

Инна с Майей уже провели исследование грунта на предмет посадок. В большинстве мест стоило только копнуть поглубже, как натыкались на твердые породы. Но, кажется, биологички сегодня нашли, наконец, подходящий участок и занимались сейчас огородничеством. Рискуя, что ее пошлют так же, как и в лаборатории, Серафима приблизилась к грядкам.

— Я хочу помочь. Не возражаете?

Инна подняла голову и немного пожевала губами. Помощь была нужна, но Серафиму полагается игнорировать.

Наконец биологичка произнесла нехотя:

— Вон там есть лопата и тяпки. Попробуй вскопать рядом. Надо еще посадить морковь и свеклу.

Серафима кивнула. Ей нравилось, какая здесь вырастала, если всё удавалось, морковка. Она была такого ярко-оранжевого цвета, какой земной морковке даже не снился. Правда, очень маленькая, но гладенькая, как игрушка.

Она принялась за работу. По ходу дела приходилось перебрасываться незначительными репликами с Инной. Майя упорно молчала.

— Не сходишь за водой? Мы маловато принесли утром, — даже попросила Инна, правда, не обращаясь к Серафиме по имени. Но хорошо, что не назвала по фамилии.

— Конечно.

Серафима принесла еще несколько ведер воды, и Инна заметно повеселела. Почему-то никто не любил ходить к озеру, а для Серафимы это стало одним из лучших удовольствий на планете.

— Как я соскучилась по нашей земной водичке, — сказала Майя, набирая себе лейку. — А от этой противной воды все овощи имеют такой странный привкус.

Речь эта, разумеется, адресовалась не Серафиме, но та не сдержала удивления:

— Противной? Здесь же бесподобно вкусная вода! У нее даже запах такой приятный… свежестью пахнет… И цвет… цвет морской волны, только светлее намного.

Обе женщины в недоумении уставились на нее. Майя фыркнула:

— Вода — это жидкость без цвета и запаха. Вот что такое идеальная вода!

— Может, это только на Земле? Или, может, настоящая вода и должна быть такая, как здесь?

Биологички многозначительно переглянулись. Конечно, мысленно обе уже показали ей на мозги. Увлеклась…

— Еще принести? — она попробовала вернуть разговор в практическое русло.

— На сегодня хватит, — Инна поднялась, отряхивая руки. — Ты свою грядку полила?

— Да. Интересно, взойдет здесь что-нибудь? — спросила Серафима скорее саму себя.

— Будем надеяться, — довольно доброжелательно ответила Инна.

На этой позитивной ноте отправились на обед. На полпути Серафиму что-то остановило. Она обернулась на оставленную грядку. Ей вдруг совершенно ясно: ничего в этом месте не взойдет, — и стало ужасно обидно. А где же тогда сажать? Ну где?

Ответ пришел сразу, будто толкнулся изнутри: «Ближе к воде». Как, на спуске к воде? Как сажать на спуске? Но перед глазами уже встала совсем реальная картинка: берег озера, склон и тоненькие полосочки грядок. Откуда все это взялось? Фантазия? Или Иклона снова дает ей быстрый ответ на вопрос? Серафима еще стояла, испытывая смесь восторга и страха, когда услыхала быстрые шаги.

Тимур. Даже видеть его не хотелось.

— Гофман! — снова этот командный, резкий голос. — Гофман! Ты мне очень нужна!

— А ты мне нет! — буркнула она.

— Тоже мне, новость, — в его голосе послышалась насмешка. — Пошли, говорю, нужна помощь.

Она нехотя двинулась за ним. Молча проследовали до его палатки. Тимур сделал пригласительный жест. Идти к нему? Ладно, послушаем, что он скажет.

Серафима вошла и остановилась, как вкопанная. Она и забыла, что Тимур делил теперь жилье с Альбиносом. Тот лежал, скорчившись, спиной к вошедшим. Обеими руками он держался за правый бок и стонал.

— Что с ним? Аппендицит?

— Не-а, у него вырезали. Печень, я думаю.

— Неудивительно, — Серафима кинула взгляд на несколько пустых и пару полных бутылок в углу палатки.

— Посоветуй что-нибудь. Не знаю, как с ним быть. Элиза уехала…

— Я тоже не медик… Может, Инна знает или Костнер?

— Нет, они не помогут. Только ты. Подумай.

— Ну, что там от печени, — растерялась она, — кажется, росторопша, потом что еще…но только это, кажется, при хронических… А тут… Слушай, а у него не цирроз?

— А кто его знает? Так, что ты там назвала? Может, поищешь у Элизы на складе?

— Ну нет. Чтобы она потом говорила, что я рылась в ее препаратах?

— Хорошо. Я пойду, поищу. Побудь с ним, ладно?

Тимур вышел из палатки. Она не знала, говорить с больным или нет. Его стоны действовали угнетающе.

Молча огляделась вокруг. На маленьком походном столике лежали метеорологические сводки, которые вел Альбинос. По этим таблицам трудно было сделать выводы о погодных изменениях на Иклоне, однако четко прослеживались те редкие периоды, когда Альбинос был в состоянии эти сводки вести.

Не прошло и полминуты, как Тимур вернулся. В руках у него ничего не было.

— Слушай, какие, к черту, лекарства? Ты должна знать, как ему помочь, по-другому, понимаешь?

— Ты опять? Я говорила, я не экстрасенс, и тот сон… он был единственным. Чего ты пристал? Откуда я могу знать?

— Ну, попробуй. Тот парень на стоянке…

Серафима возмущенно покачала головой.

— Пойду поищу сама. Кажется, у меня что-то было в личной аптечке.

Она вылезла из палатки Тимура и полезла в свою. Внезапно совесть кольнула ее. Так ли уж не прав Тимур? К примеру, сегодняшний вопрос с огородом… Но не факт еще, что ответ — тот самый! И все-таки… Надо попробовать. Сосредоточиться. Итак. Как помочь Альбиносу? Что может исцелить его? От приступа… и от пьянства…

Ну, вот, она так и знала. Полная тишина. Это было бы слишком просто: спросила — ответили. Но вдруг… Она снова ясно представила. Тот же берег озера. И источник. Из которого она черпала сегодня воду для пробы. И еще одно слово — «несовместимо». Несовместимо со всем остальным…

Серафима схватила фляжку. Через десять минут она снова была в палатке Тимура. Тот даже вздрогнул от того, как стремительно она влетела.

— Вот, — Серафима протянула фляжку, — и выброси все это!

Она кивнула головой на бутылки, пытаясь отдышаться.

— Хорошо, — послушно заторопился Тимур, — я их спрячу.

— Нет, ты не понял. Всё. Из склада, из всего лагеря. Чтобы не было ни грамма, нигде, ни у кого. А ему… лучше, чтобы даже пока не ел. Хотя бы три дня. И пить — только воду из источника, того, который у самого высокого спуска, там, слева, знаешь? Я принесу еще.

— Как это – выброси всё? А остальные? Да и он… вряд ли без этого сможет.

Серафима не выдержала и заорала:

— Да что с тобой?! Ты просил его вылечить, я говорю тебе, как! Не хочешь — не надо… но, но… я сама все уничтожу. Лагерь… Иклона — несовместима с этим, понял? Мы должны все убрать! Как ты можешь… поощрять это! Посмотри, до чего он дошел!

— Если пьет, значит, есть причины, — мрачно возразил Тимур, в отличие от нее, не поднимая голоса.

— Причины! Тоже мне, выход! От этого ведь только хуже…

— Слушай… ты, моралист! Если тебе легко… быть… то это не значит, что и ему — тоже. И нечего судить, коли сама не испытала…

— А я и не сужу, — она выдохлась, и произнесла это очень тихо, — я хочу помочь. А ты хочешь только сочувствовать. Человек загнется, а такие, как ты, скажут — да, жизнь доконала… и бросят комочек земли сверху на гробик.

Неожиданно Альбинос резким движением повернулся к ним лицом.

— Блин… Гады, хорош спорить. Дайте хоть что-нибудь.

Серафима молча протянула Тимуру фляжку.

— Слушай, Костян, давай, выпей вот это, — Тимур поднес питье Альбиносу.

Серафима впервые услышала настоящее имя Альбиноса.

— Костя, — неловко произнесла она, — ничего сегодня не ешь. И не пей, кроме как из этой фляжки. Выпей половину сейчас, половину попозже. А потом я еще принесу.

— А что это? — простонал тот, отхлебывая из фляги. — Это что, местная водица? Да я ее так-то не пью никогда, она с привкусом… Как она может помочь? Мне бы таблетки какие посильнее, а?

Тимур неуверенно посмотрел на нее. У обоих мелькнула одна и та же мысль: а вдруг и впрямь ерунда?

Тимур решился первым:

— Костян… Мы растворили здесь очень сильное средство. Поможет только, если не будешь ничего другого принимать. Давай, попробуй, должно полегчать.

Тот, сморщившись, выпил.

— Ага, есть какая-то химия… Сильное, говоришь?

— Да, очень сильное, — подтвердил Тимур, не моргнув глазом.

Альбинос глубоко вздохнул и выпрямился на спине, продолжая держаться рукой за бок.

— А скоро поможет? — спросил он настолько по-детски, что Серафиме стало по-настоящему его жалко.

— Скоро, — мягко ответила она, и присела рядом на корточки.

Он еще полежал молча, потом закрыл глаза и как будто заснул. Рука его опустилась, а дыхание выровнялось.

— Пойдем отсюда, пусть спит, — сказал Тимур.

Они вышли из палатки.

— Ты тоже без обеда? — деловито спросил он.

Раз у них теперь не просто стоянка, а «лагерь», значит, пищу надо принимать цивилизованно, в «столовой». Остальные уже пообедали и, как всегда, оставили за собой на раскладном столе кучу посуды. Даже в лагере они не утруждали себя вопросом, куда потом деваются их объедки. Серафима поморщилась.

Тимур одним движением руки сгреб все тарелки на край, затем достал и распечатал две обеденные порции.

— Я не знаю, поможет или нет. Мне показалось, что я услышала... Но вдруг это только мое воображение? – терзалась Серафима.

— Уверен, что не воображение, — Тимур бухнул на стол пару немытых помидорин.

— А что с ним такое? Ну, то есть — из-за чего он пьет? — неловко поинтересовалась Серафима.

— То бишь, почему Костик — алкаш? Ждешь душещипательную историю? Помнишь восстание в Н.?

— Да, конечно, — Серафима отложила вилку.

Жители Н. не захотели присоединяться к общей мировой хартии, объявив себя независимым государством. И надо сказать, у них нашлось бы немало сочувствующих. Такой угрозы мировому порядку правительство допустить не могло. И ради мира на Земле… ну, как обычно… Кровь потекла рекой.

— Значит, Альбинос участвовал в этом восстании? Или его близкие? Тогда понимаю…

— Понимаешь? — жестко усмехнулся Тимур. — Ну да, участвовал… в подавлении.

Серафима потрясенно молчала.

— Что, теперь уже не сочувствуешь бедному Костику?

— Конечно, оправдание у всех одно — такой был приказ, — нерешительно начала она, — но…

— Очевидно, он не слишком себя оправдывает, раз столько пьет. Как ты думаешь? — Тимур смотрел на нее с характерным прищуром.

— Очевидно, — она задумчиво ковырялась в тарелке.

Есть расхотелось. В Н. погибла одна ее знакомая. Серафима до сих пор помнила, как кричала мать девушки, узнав об этом.

— Подожди-ка, — вдруг встрепенулась она, — так что — Альбинос — полицейский? А как же он оказался в метеорологах-то?

— Ну, это долгая история. У него действительно образование метеоролога. Только ему все было скучно заниматься наукой. Некоторое время работал со мной в Африке, а потом черт дернул его в полицию…

— И как же он попал на Иклону? Раз он все-таки не ученый?

— Вместе со мной. Тот поляк, через которого я улетел, был обязан мне жизнью. Тоже старая африканская история. Да это неинтересно.

Остаток обеда прошел в молчании. Серафима так и не решилась завести разговор о своем отлете. Внутреннее чувство подсказывало, что сейчас не время. Господи, когда же прилетит Ивар? Как ей тоскливо среди этих людей…

— Ты уничтожишь спиртное? — ей не хотелось начинать заново, но…

Он неопределенно пожал плечами.

— Да или нет? Иначе все бесполезно, — настаивала она.

— Слушай, ты, максималистка хренова, — Тимур поднялся, — ты пойди, скажи об этом группе. Посмотрим, кого быстрее уничтожат, водку с вином, или тебя с твоей идеей.

— По крайней мере, нельзя допустить, чтобы Альбинос еще пил. С ним одним ты, надеюсь, справишься?

— Пока он болеет и помнит о боли, думаю, да. Но пройдет время…

— Вот поэтому и надо…

Не дослушав, Тимур махнул рукой и покинул столовую, разумеется, оставив на столе грязную тарелку. Вздохнув, Серафима принялась убирать. Она думала про воду из источника. А действительно, почему никто никогда ее не пьет? Да, они иногда кипятят ее, заваривают кофе, чай, но в основном хлебают напитки из привезенных пластиковых бутылок — родного детища земной цивилизации.

Да, кстати. Надо разыскать Инну или Майю. Лучше Инну. Поговорить про посадки. Вряд ли поверит, конечно, но...

Инна сортировала семена неподалеку от собственной палатки. Серафиму она встретила вполне доброжелательно. Это обнадеживало. Собственно, чего им делить, подумалось Серафиме. Но, услышав ее идею, Инна снова посмотрела на нее, как на ненормальную.

— У озера? Да там мох с меня ростом! Его что — пропалывать, что ли?

— Наверное…

— И там темно.

— Ну, давай я попробую, а? Сама?

— Ну, пробуй… — она пожала плечами, — если охота дурака валять!

Ладно, хорошо, хоть разговаривает. И не запретила взять инструменты.

Серафима решила, что пора навестить больного. У самой палатки слегка притормозила. Постучала по колышку. Никто не ответил, но она все-таки заглянула внутрь. Альбинос уже не лежал, а полусидел. Увидев ее, махнул рукой:

— Слушай, и правда, полегчало. Чего там насыпали-то, скажи, на будущее.

— Ты пил из фляжки второй раз?

— Ага, только что. Ну и гадость! Но — помогло, реально помогло!

— Значит, смотри. У тебя все запущено. Если хочешь поправиться нормально… не думай, что сейчас полегчало, и все. Завтра ничего не ешь, не пей, только то, что я принесу, ясно? Иначе даже тратить на тебя в следующий раз это лекарство не буду, дорогущее оно, понял?

— Понял… Завтра еще потерплю.

Весь оставшийся день Серафима провела у озера. Вспоминала, как выглядели грядки в ее видении. Повторять вопрос не стала, чтобы не злоупотреблять. А чем злоупотреблять-то? Добротой Иклоны, что ли?

Попробовала «выполоть» мох. И сразу поняла, что задача не из легких. Корни не вытаскивались, стебли не ломались, а тянулись, как резина.

Уставшая, она рано легла и моментально заснула, забыв про ужин. Но среди ночи проснулась и, как это бывает, начала думать обо всем одновременно. Интересно, на все ли вопросы ей будут отвечать? И насколько она имеет право их задавать? Серафима решила, что не будет любопытствовать без особой надобности. Про Альбиноса она спросила, как его вылечить. Вот и все. Только этот Шаха… Страх перед ним не проходил. Наверное, она может узнать, кем он был на Земле, чем занимался?

Серафима даже не сформулировала вопрос, как в тот раз, с Альбиносом. Она вроде как задремала, но в этот раз точно знала, что видит не сон, а ответ. Сознание полностью осталось при ней, позволяя делать выводы.

Это была чья-то шикарная квартира, Шахе она не принадлежала, но он развалился в глубоком мягком кресле, как у себя дома: бархатный халат на голое тело, перстни на жирных пальцах. Сзади стояла девушка, в которой ясно угадывалась «профессионалка». Заученными, равнодушными движениями она гладила его толстую шею — вероятно, это называлось «массаж». Другая производила подобные манипуляции с его ногами. Обеим девушкам явно не исполнилось восемнадцати. На коленках у Шахи лежала какая-то ведомость. Серафима захотела увидеть текст, и листок послушно приблизился, как при нажатии кнопки «увеличить». Напротив каждого женского имени — Люси, Нелли, Малышка — стояло количество отработанных часов, и Шаха вписывал в свободную графу сумму вознаграждения. Цифры были достаточно скромные — себе сутенер забирал гораздо больше.

«Сон» закончился так же внезапно, как и начался. Серафима открыла глаза.

Итак, она снова запросила информацию, и получила ее. Новые способности открывали неограниченные возможности и одновременно очень пугали.

Значит, она действительно может легко узнать про остальных. Но еще сильнее, чем до видения, росло убеждение, что переходить эту грань она может только в самом крайнем случае. Да нет, не хочет она знать ничью подноготную. Ее передернуло от мысли, что кто-то вот так же мог бы влезть в ее собственное прошлое.

Но на этого Шаху она теперь даже смотреть не сможет без гадливости. И теперь ей будет еще страшнее от его похотливых взглядов.

***

Новый день начался с неприятности — вернулась Элиза. Незнакомый пилот выгрузил из катера пару ящиков медикаментов. По тому, как Элиза на нее посмотрела, Серафима поняла — дальше будет хуже.

После завтрака она сразу отправилась к озеру, захватив садовый инвентарь. Работа приносила радость. Во-первых, Серафима была при деле, во-вторых, ни на кого не надо было оглядываться — к озеру ходили только по необходимости. К трем часам она уже очистила довольно большое пространство и села передохнуть. Дожди на Иклоне —явление редкое, но засухи или нестерпимой жары никогда не ощущалось. По ночам было прохладно, и влажность от многочисленных рек и озер насыщала воздух. Наверное, своеобразной флоре Иклоны этого хватало, но земным растениям нужен полив. Хорошо, что не придется далеко таскать ведра.

Каждый раз, отдыхая, Серафима пила из источника — того самого, из которого набрала воду для Альбиноса. Этим утром она снова принесла ему полную флягу. Альбинос спал, Тимур разговаривал с Элизой возле ее палатки, поэтому она поставила фляжку на видное место и ушла.

Удивительно, но вода так хорошо подкрепляла силы, что, сама того не заметив, Серафима увлеклась работой и забыла про обед. К вечеру были готовы две грядки. Осталось сделать еще одну и каким-то образом выпросить у Инны семена. Но с приездом Элизы все усложнялось. Сурен еще не вернулся, так что была вероятность, что свои душевные силы она направит на ненавистную Гофман.

Еще через несколько часов Серафима подняла глаза на небо: солнце начинает заходить, пора возвращаться и хотя бы поужинать. Или нет? Целый день без еды — и не хочется. Ладно, хочется-не хочется, а надо: силы ей нужны, да и разведать обстановку не помешает.

Все уже подтягивались в столовую, Тимур с Элизой шли последние. Серафима сразу заметила, что отношения между ними напряжены до предела. Перед тем, как зайти вовнутрь, Тимур сделал Серафиме знак притормозить.

— Проблемы... — заявил он сразу же.

— Я так и знала…

— Элиза не одобрила наших методов лечения Костяна. Альбинос выложил ей, что лекарство принесла ты. Популярности нашей микстурке сей факт, как ты понимаешь, не прибавил. Пришлось признаться, что никакого средства в воде не было. Элька в бешенстве. Едва уговорил ее скрыть этот факт от Костяна. Ему явно лучше, но я пока удерживаю его в палатке. Элиза считает, что это так называемый эффект плацебо, внушение. Костнер ей тоже напела, что ты лезла в лабораторию, ну и так далее.

— Альбиносу нельзя ничего пить, кроме этой воды. Не знаю, как ты будешь уговаривать Элизу. Боюсь, мои объяснения сделают только хуже.

— И я боюсь. Ладно, пошли ужинать. Что-нибудь придумаю. Есть еще кое-что. Но это потом.

Все с подозрением уставились на задержавшихся. Серафима старалась не смотреть на Элизу, но всем существом ощущала исходившую от нее ненависть. Возможно, поэтому аппетит так и не пришел. Поковырявшись в тарелке, она стала выходить из палатки, как обычно, первая. И под нацеленными на нее взглядами умудрилась споткнуться на ровном месте, растянулась и больно ударилась ногой о скамейку. Дамочки захихикали, как злобные школьницы. Сидевший ближе всех Шаха, насмешливо улыбаясь, предложил ей руку. Она сделала вид, что не видит, и попыталась встать.

Ужас... Тело снова ее не слушалось.

Более некстати приступ начаться не мог. Но она ни в коем случае не должна показать остальным, что с ней. Каким-то чудом Серафима смогла подняться, вцепившись в краешек стола, и, с трудом передвигая ноги, двинулась прочь. Отошла на несколько метров и ухватилась за колышек палатки Костнер. Нет, сесть или упасть — нельзя, а то потом не сможет встать.

Она не помнила, как дошла до «дома». Хорошо, что было темно, и ее странных телодвижений, кажется, никто не видел. Она рухнула на постель, как подкошенная. Да еще и не ела весь день... И все-таки шевелиться, как и в прошлый раз, она немного могла. Кажется, Серафима все-таки отключилась и поэтому не знала, сколько времени прошло до того момента, когда она вдруг резко открыла глаза. Вход в палатку загораживала чья-то фигура. Тимур? Догадался, что у нее приступ и пришел проведать? О, нет!

Это был Шаха. В одно мгновенье она осознала — Шаха терпеливо выжидал нового приступа, зная, что у нее не будет сил сопротивляться, и что на помощь никто не придет. От отвращения ее затошнило. Все казалось страшным сном, смрадным и мерзким, как дыхание этой скотины. Сопротивляться она не могла, попыталась позвать на помощь, но ни одно слово так и не сорвалось с ее губ.

Но помощь пришла, она услышала возглас, и кто-то со страшной силой ударил Шаху сапогом в бок. Тот скатился с нее на землю, но быстро поднялся на ноги. Кажется, в этот раз он хорошо подготовился. Даже в темноте Серафима увидела, как сверкнуло лезвие большого ножа.

Каким образом двое немелких мужчин умещались у нее в палатке — непонятно, она ничего не могла разобрать.

—— Пшел вон отсюда, мразь, — услышала она тихий голос Тимура, — пока я тебя не убил.

— Тебе надо, ты и иди, — смачно сплюнул Шаха, — видишь, девушка не возражает?

Невероятным усилием воли Серафима присела, подтянув под себя ноги. Сейчас Шаха пырнет Тимура ножом, и все… Больше ее никто не спасет.

Она скорее почувствовала, чем увидела в темноте, как Тимур сделал резкое движение, и тут же Шаха взмахнул рукой. В следующий момент раздался странный громкий щелчок. Она не сразу осознала, что это был выстрел. Грузное тело Шахи снова повалилось на нее, задев все, что стояло вокруг. Палатка перекосилась набок. Тимур с усилием ухватил его за ноги, и подтащил к выходу. Шатаясь от слабости, она тоже попробовала выползти, но Тимур остановил ее, прикоснувшись к плечу.

— Подожди. Не надо шуметь.

— Он… мертв? — едва двигая языком, проговорила она.

— Да, мертв. Если я стреляю, то попадаю.

— Ты… мог бы целиться в ноги.

— Тебе его жаль? Может, я и правда помешал?

Жаль? Да она с удовольствием сама бы всадила пулю в этого гада. И не одну... Но ее пугал сам факт смерти. Такой противоестественный здесь, среди сказочной природы Иклоны. Мертвое тело. И главное — что теперь будет?

— Заткнись! То есть… спасибо!

— На здоровье. Если честно, можно было бы и в ноги. Только я не успел подумать —— рефлекс. Стрелять — так на поражение. Я чего-то подобного ждал сегодня, да вот, заснул. Проснулся, как будто толкнули. А эта скотина уже… Ты как? — вдруг неловко поинтересовался он.

— Нормально. Но ты вовремя опять… очень вовремя.

Серафиму трясло мелкой дрожью. Они помолчали. Потом она спросила:

— Что будем делать?

— По правилам надо сообщить в центр. Ты же у нас сторонница правил. Ну и давай…

— Что давай? Я, что ли сообщать, буду? Это ты у нас… любитель письменных разрешений.

Язык снова начал ее слушаться, да и тело, кажется, тоже.

— Остальным придется сказать по любому, — отрезал Тимур.

— Я не знаю, чего от них ждать. Они могут решить по-всякому.

— Тебе-то что? Только лучше, — он многозначительно замолчал.

Серафима сразу поняла, о чем он. Если у Тимура начнутся проблемы, будет расследование, докопаются до его прошлого… Наверное, он считает, что тогда ей будет проще покинуть стоянку.

— Думаешь, можешь снова не позволить мне улететь? Приедет Ивар, и никуда ты не денешься! Боишься, я на тебя доносить побегу? Ты ведь из-за этого не отпустил меня с Иваром? Плохо же ты разбираешься в людях.

— А-аа… Вот как ты решила? Хорошо я разбираюсь в людях. И знаю, что не донесешь. Хотя, и вправду, давно могла бы…

— Тогда почему не отпустил? — не скрывая изумления, вымолвила она.

— Потому, почему и сказал. А ты не подумала, куда он собирается тебя везти? Зачем всех больных свозят в центр? И в центр ли? Тоже мне… центр. Сами заболачиваются каждый три месяца и меняют место. Что там собираются с вами делать? Я, может, о тебе забочусь.

Что-то ей в это не слишком верилось… Серафима пыталась разглядеть его в темноте.

— Ивар говорит, есть такая идея… Что переболевшие адаптированы к климату на планете. Бастуров проводит новый эксперимент.

— Слышал я… Элиза приехала, рассказала уже. Я так думаю, она специально на разведку и летала. Только… насколько все так — еще неизвестно. Может, вас обманывают.

— Ивар никогда не причинит мне зла.

— Ну, да, ты же хорошо его знаешь.

— Тебе не понять этого. Да, знаю.

— Куда уж мне…

Серафима попыталась поднять руки и пошевелить ногами — получается! Но общее состояние было нереальное: ужас перед тем, что могло с нею случиться, еще не отступил. Шаха мертв, и в это тоже не верилось.

— Ладно, скоро рассветет. На пороге труп, а мы тут… Послушай, если ты действительно заботишься обо мне — отпусти меня, а?

— Снова-здорово. Ты нужна здесь. Ясно?

Серафима вздохнула. Ей не было ясно.

— Я знаю, где посадить огород, — вспомнила она. — Надо, чтобы Инна дала мне семена. Я все тебе объясню. Отпустишь?

— При чем тут твой огород? — голос его стал злым и раздраженным. — Всё, давай, выбираемся отсюда. Ты можешь вылезти?

— Кажется, да. Помоги… — медленно, с помощью его протянутой руки, она поднялась.

Тимур подхватил ее под мышки и вытащил из палатки. Действительно, на горизонте появилась яркая светлая полоса. Тело Шахи черной грудой лежало у входа. Серафима отвернулась, посмотрела на Тимура.

— У тебя кровь, ты ранен?

— Да, собака, успел пырнуть, целил в сердце, попал в плечо.

— Надо разбудить Элизу, я не умею обрабатывать раны.

— Наплевать, это не рана. У меня не такие бывали.

— Хоть доказательство, что ты защищался!

Он пожал плечами.

— Знаем мы эти доказательства…

Они уселись на земле подальше от трупа. Серафима кое-что вспомнила.

— Ты в курсе, что Шаха — бывший сутенер?

— Кто? — удивился Тимур. — А я-то думал, просто дерьмо… А ты откуда… а, ну да.

— Нет, я только… только про него и знаю. Я боялась, вот и захотела узнать.

— Не оправдывайся. Неплохо было бы и мне узнать поподробней. Не, я был в курсе, что у него проблемы с полицией.

— И взял в группу?

— Меня ведь взяли, верно?

— Ты — другое дело. Тебя обвинили ложно, но это не значит, что настоящих преступников не существует. Погоди, погоди… А остальные здесь — тоже?

— Нет. Остальные ученые настоящие. А тараканы у каждого из нас свои. И у тебя тоже, должно быть, а?

Серафима помолчала.

— И у меня.

— Ну, вот видишь. Но с Элизой будь осторожна. Она тебя боится, и потому опасна.

— А что так пугает Элизу?

— Наверное, то, что ты сама говорила — избранных оставят, остальных отправят назад. Думаю, это пугает не ее одну. А может, есть что-то еще.

— Ты ее вроде хорошо знаешь?

Тимур ухмыльнулся.

— Хорошо знать можно по-разному.

— Понятно.

Он бросил на нее насмешливый взгляд.

— Да что ты… Сегодня, кстати, должен вернуться Сурен.

***

Было так странно сидеть рядом с Тимуром и встречать рассвет. Особенно когда рядом лежал мертвый Шаха.

Первая вылезла из палатки Майя. Огляделась, увидела эту картину и ахнула. Через полчаса все были в сборе. Тимур объяснил ситуацию просто: Шаха напился, полез на него с ножом, пырнул, пришлось стрелять. Поверили ему или нет — неизвестно, но почему рядом оказалась Серафима, никто не спросил. Промолчала и Элиза. Она уже забинтовала Тимуру плечо. Но Серафиме показалось, что случай этот потряс Элизу иначе, чем остальных. Губы были поджаты, в глазах — слезы. К ее обычной ненависти добавилась еще какая-то мысль, и она смотрела на Серафиму с особым прищуром. Однако больше всего Серафима опасалась глядеть на Костнер.

Та не проронила не слезинки. Лицо ее напоминало сморщенное яблочко, под глазами — мешки. А ведь ей не больше тридцати пяти…

Тело Шахи лежало поодаль, накрытое его собственной курткой. Все это было страшно и гнетуще. Но обсуждение прошло наредкость быстро и без обычных распрей.

— Вечером будет связь. Значит, решено — в центр ничего не сообщаем. Если вдруг возникнут вопросы — скажем, ушел, — подытожил Тимур.

— А она? — Майя кивнула на Серафиму. — Не продаст?

Серафима поморщилась.

— Не продаст, не продаст, — неожиданно пропела Элиза странным голоском, — ее ведь отсюда никто не отпустит, правда, Тимурчик?

Тимур нахмурился, но ответил:

— Правда, Элиза. Именно так.

— Эх, ну и сволочь ты, Балтышев, — неожиданно произнесла Костнер. — Где я теперь мужика найду?

***

В этот день действительно вернулся Сурен с готовым планом окрестностей. Присвистнул, услышав про ночное происшествие, но и только. Все спокойно позавтракали, и только Серафиме кусок в горло не лез. Впрочем, чувствовала она себя хоть и потрясенной, но бодрой, снова попила воды из источника и принесла новую порцию Альбиносу. Тот уже

выполз из палатки; принимая участие в утреннем совещании, позавтракал, но вместо кофе или «колы» Тимур протянул ему фляжку. Элиза скосилась, но промолчала. Она еще больше замкнулась в себе после утренних событий, даже возвращение Сурена оставило ее равнодушной.

После завтрака мужчины втроем вырыли яму подальше от лагеря и похоронили Шаху без почестей и речей. Серафима все-таки заставила себя отнести на эту ничем не обозначенную могилу крестик из двух палочек. Но не осталась там ни минутой дольше.

Она чувствовала необъяснимую вину — и за эту смерть, и перед Тимуром, который, защищая ее, втянул себя в новые неприятности. И все-таки, надо признаться, факт, что Шаха покинул Иклону, принес ей немалое облегчение.

Слава Богу, теперь у нее есть дело. Она отправилась на свой огород. Осталось немного потрудиться, и можно идти за семенами. День был очень теплым, и столовую палатку целиком открыли с одной стороны. Проходя мимо, она увидела, как Сурен вместе с Тимуром рисуют план. Сурен — он ведь очень умен, подумала Серафима. Возможно, удастся уговорить его принять ее сторону — касательно огорода.

Серафима зашла в палатку.

— Не помешаю?

— Проходи, — махнул рукой Тимур, — хочешь взглянуть на план?

Сурен скептически поднял брови.

— Да, — ответила она, — я как раз по этому поводу. Помнишь, я говорила тебе, что знаю место, где можно сажать?

Серафима склонилась над схемой. Рядом лежал корявый эскиз Сурена, но план, который начертил с его слов Тимур, выглядел очень прилично. А она и не знала, что он так хорошо рисует. Уж в этом она разбиралась. Линия у него была очень четкая, уверенная, глаз точный.

— Так ведь девочки, кажется, уже все посадили, — удивился Сурен, — или я чего-то не знаю?

— Да, посадили, — нехотя произнесла Серафима, — но там ничего не вырастет…

— Даже так? И откуда такая информация? С неба? Или планетологи способны прозревать грядущее?

Не обращая внимание на насмешку, она ответила:

— Когда ничего не вырастет, будет поздно метаться. Надо сажать у озера. Грядки я уже сделала. Теперь не знаю, даст ли Инна семена. Тимур, я хочу, чтобы ты попросил.

— Ух ты! А у вас тут большие перемены, — закатил глаза Сурен. — Как она тебя, а? «Я хочу, чтобы ты…» Мы выбрали нового босса?

— Да заткнись, — отмахнулся Тимур, и обратился к Серафиме:

— Я поговорю насчет семян.

— Спасибо, — обрадовалась Серафима. — Тогда пойду, доделаю там все.

Но, работая, она постоянно думала о происшедшем с Шахой. Все-таки странно, что все так спокойно и единогласно приняли решение ничего не сообщать в центр. Получается, никому из них не нужно лишних разборок. А ведь за укрывательство положено серьезное наказание. Однако все снова заняты своими делами - как ни в чем ни бывало. Одна только Элиза не в себе. Странно, и чего ей дался Шаха? Серафима не замечала, чтобы они близко общались.

Она снова проработала до самого вечера без еды, на одной воде, и даже не вспомнила про обед. В принципе, все грядки готовы, просто не хотелось возвращаться в лагерь. Про семена узнает вечером, а завтра тогда и посадит.

Она отряхнула руки и разогнулась. Вниз, по протоптанной ею дорожке, спускался Тимур.

Вид у него был странный. Спокойное, деловитое настроение куда-то пропало. Лицо — решительное и злое. Да что это такое, в самом деле! Только все должно было наладиться…

— Что-то случилось? Инна не даст семена?

— Значит, так… — он говорил медленно, как будто подбирая слова. — Я тебя отпускаю. Сегодня была связь, завтра прилетит твой дружок. Можешь улетать.

Завтра прилетит Ивар? Ура! Ей хотелось сказать что-то ехидное, типа, а куда бы ты делся, отпускает он, видишь ли! Но решила его не злить. Тем более настроение у него было очень уж нехорошее. Вдруг и с письменным разрешением возьмет да не выпустит?

— Спасибо, — произнесла она.

— Все. Можешь собираться. Твой обед остался на столе. Ты что, объявила голодовку?

— Да нет, просто не хочется есть…

— А, ну мы же впечатлительные натуры. Ладно, все, — и он повернулся к ней спиной, чтобы уйти.

— Эй, подожди, а как насчет семян? Я успею, посажу с утра.

— Какая тебе разница? Летишь — и лети. Сама сказала — так лучше для всех.

— Нет, ну как же? Мне надо закончить дело. Или чтобы вы закончили. И насчет Альбиноса тоже. Вот, видишь, надо давать ему воду из этого источника.

— Послушай, Гофман, — глаза у него сузились. — Еще раз повторяю тебе, ты больше не член группы, и все это не твоего ума дело!

Он ушел, не дожидаясь ее ответа, и спина его говорила о крайней степени упрямства и озлобления.

Серафима бросилась в свою палатку. А вдруг Ивар не прилетит? Вдруг его что-то задержит? Так и сидеть здесь на чемоданах? Какие там чемоданы! Рюкзак, палатка… или палатку надо оставить?

В результате ее метаний все было собрано за полчаса. Неужели завтра ее уже здесь не будет? Если не случится еще какого сюрприза... Но — откуда эта неудовлетворенность? Она не успеет закончить с посадками… чепуха, неужели это может ее удержать? Тимур прав, теперь это их проблемы.

Сидеть в неизвестности было тяжело. Она решила пойти забрать свой обед или ужин, хотя есть по-прежнему не хотела — ей хватало воды из источника. Но ведь завтра она уже будет от него далеко.

В столовой сидели Костнер, Сурен и Элиза.

— Как успехи, дорогая ты наша? — поинтересовался Сурен.

— Прекрасно, — с вызовом ответила она.

Костнер осталась вялой и апатичной, а вот Элиза… теперь в ее глазах светилось странное торжество. Она оживленно болтала и шутила, поглядывая на Серафиму. Наверное, уже в курсе, что Тимур ее отпустил, а больше, похоже, никто об этом не знает. Уж не Элиза ли его уговорила, уж больно резко он изменил свое мнение. Да, ладно, теперь все равно, пусть смотрит, как хочет.

Надо найти Инну и рассказать ей об огороде. А то Тимур, похоже, пропустил все мимо ушей.

Серафима решительно направилась к палатке женщин. Биологички сидели неподалеку и вяло перебрасывали карты. Кажется, Майя гадала или раскладывала пасьянс.

— Инн, можно с тобой поговорить?

Инна подняла голову.

— Я там подготовила все. Ну, грядки… Если у тебя остались семена… Я не знаю, успею ли завтра, если что, хорошо бы посадить.

— А что будет завтра? — поинтересовалась Инна.

— Возможно, я все-таки улечу.

— Ну и чего ты волнуешься? Разберемся без тебя, — зевнула Майя.

— Я знаю, что разберетесь. Но на том огороде у вас ничего не вырастет. Ну, хотя бы ради эксперимента, посадите у озера, там же только семена кинуть в землю осталось!

— Ни фига себе! Ничего не вырастет, а? Нет, ты совсем обнаглела, — возмутилась Майя.

Инна пожала плечами.

— Ну, кинуть можно, как ты говоришь, ради эксперимента. Значит, там все готово?

— Да, все-все. И поливать легко — далеко не ходить, — обрадовалась Серафима.

— Ага, раза в два нам работки прибавила, и — улетаю! — снова вступила Майя.

— А вы бросайте тот огород. Поверьте, мне, — почти взмолилась Серафима.

— Ладно, посмотрим, — неопределенно ответила Инна.

На этой обнадеживающей ноте Серафима и отправилась спать. Она не была уверена, что ей поверили. Но что она еще может сделать?

Утром ее разбудил знакомый, нарастающий звук. Она моментально выскочила наружу: Ивар!

Это был он. Довольный, уверенный в себе. Они обнялись. Серафима оглянулась.

Возле своей палатки стояла, сложив на груди руки, Элиза. Следом вылезал Сурен. Тимур тоже был здесь, буквально в двух шагах, но головы в ее сторону не повернул. Ивар направился прямо к нему.

— Вот. Письменное разрешение. Доволен?

— Засунь его себе в… — медленно ответил Тимур.

— Не понял? Ты что, опять? — закипел Ивар.

— Да охладись... Забирай Гофман и мотайте отсюда.

— Спасибо, разрешил! Кстати, держи еще вот, специально для тебя, тоже в письменном виде, — Ивар протянул Тимуру сложенную бумагу.

Тимур развернул листок:

— Им нужен отчет?

— Да, с полным описанием лагеря, членов группы, результатов исследований и планов на будущее. Собирают со всех групп.

— И когда, по-твоему, я должен его подготовить? За те пять минут, что вы будете садиться в катер?

— Ты должен был вести записи и готовить отчет к следующей связи.

— Ничего об этом не знаю.

— Ну, хоть какие-то записи и результаты у вас есть? Дай их Серафиме, думаю, она сможет привести их в порядок.

Тимур впервые за это время посмотрел на нее со своим любимым прищуром.

— Хорошо, — неожиданно покладисто сказал он, — сейчас соберу.

И ушел к себе в палатку, выпустив оттуда протирающего глаза Альбиноса.

— Слушай, Костя, — тихо сказала Серафима, шагнув к Альбиносу, — ты продолжай пить только то, что будет давать Тимур, это надо долго пить. Ты как себя чувствуешь?

— Чувствую — нормалек. Спасибо, Гофман. Элька совала какие-то таблетки, но я решил, твои лучше.

— Да, правильно, больше ничего не пей! Костя, запомни, и ни капли спиртного, иначе все насмарку, понял?

Тот неопределенно мотнул головой.

— Да… все… завязывать надо…

— Вот, вот, — обрадовалась Серафима, — это не только от печени, это поможет завязать. Я все у Тимура оставлю, для тебя, но он только сам будет тебе выдавать.

— Ну что, долго он там? — Ивар приплясывал от нетерпения.

Элиза, Сурен, биологички — все стояли вокруг, словно в театре, и молчали.

Серафиме стало не по себе. Как будто она что-то забыла сказать или сделать. Чего-то не хватало, но она никак не могла поймать, уловить эту ниточку. Почему-то хотелось оттянуть момент отлета. Да и с Балтышевым надо попрощаться по-человечески. Хоть и дурацкий у него характер, но сколько раз он ее выручал!

Она решительно повернулась и постучала по колышку. В ответ — тишина. Помедлив несколько секунд, Серафима влезла в палатку без приглашения. Тимур сидел без движения, перед ним лежали разбросанные бумаги. Увидев ее, он начал собирать листы, достал из рюкзака еще одну тетрадь, что-то в ней подписал, сложил все в стопку и протянул ей, усмехнувшись:

— На, изучай. Пригодится… для исследований планеты и человека.

— Хорошо. Тимур… — начала она, не зная, как найти нужную интонацию. — Я… хочу расстаться по-хорошему. Не думай, я тебе очень благодарна. И никому тебя не выдам, — она чувствовала, что говорит не то, но не знала, как надо.

Ей хотелось увидеть приветливое понимание, но его лицо осталось непроницаемым. Ну почему он не может вести себя, как человек!

— И еще… Я сказала Альбиносу, что лекарство оставила тебе.

Он молча кивнул.

— Слушай, так и будешь на меня злиться? Ну что я плохого тебе сделала?

Тогда он, наконец, поднял на нее глаза. Но взгляда его она не поняла. Точнее, могла бы понять, но… что-то мешало. Очень тяжелый, недобрый какой-то взгляд… Или подавленный. Ей вдруг стало жалко его. Обидно, что он остается здесь один со своими проблемами. Хотя — почему один, у него есть советники, к примеру, та же Элиза. Ну, не хочешь по нормальному, как хочешь, решила Серафима и поджала губы.

— Ладно… Я пошла?

— Да, так лучше, — ответил он, скорее самому себе, чем ей, и снова отвернулся.

Когда-то — когда? — она уже слышала у него эти интонации.

Стало ясно, что больше ничего сказано не будет. Серафима помедлила еще секунду и вышла из палатки. Она сама себя не понимала, но будто свинцовые гири привязали к ее ногам, когда она залезала в долгожданный воздушный катер. Веселый Ивар втащил ее вещи. Серафима обернулась и неловко проговорила:

— Всем до свидания и удачи!

Ответом было гробовое молчание. Только Сурен деланно помахал рукой и по-клоунски произнес:

— Пока-пока!

Катер взлетел. Она глянула в окошко и увидела около озера свои аккуратные темно-фиолетовые грядки. У нее сжалось сердце. Да что же это такое! Она радоваться должна. Чтобы хоть чем-то занять себя, она развернула бумаги Тимура. Так, что тут у нас… График маршрута, которым они шли, карта местности с отметками, химический состав грунта и воды, недоделанная метеосводка Альбиноса. А это что?

Между бумаг лежала тетрадь, которую он положил в последний момент. Серафима пролистала ее — совершенно пустая тетрадка. Только в середину вложен неразграфленный листок. Рисунок. Внизу, в левом углу автор изобразил мужчину, похожего на Балтышева. Он сидел на камне с опущенными руками и смотрел вверх, в сторону нарисованной в центре листка горы. Над горой в правом верхнем углу сверкала, разбрасывая свет, огромная звезда. А по горе поднималась девушка. Она шла по направлению к звезде, обратив к ней восторженное лицо, протягивая к ней руки. На спине у нее был рюкзак. Девушка ничем не напоминала Свету из того сна. Ни длинных волос, ни высокого роста, ни прекрасного бюста. Маленькая, худая, с короткой лохматой стрижкой. В принципе, рисунок был сделан настолько ярко, что подпись в левом нижнем углу была не нужна. Но подпись стояла. Только одно слово. «Прощай».

Серафима тупо уставилась на листок. Ее мир как будто перевернулся с ног на голову. Несколько секунд она сидела неподвижно. А потом словно с глаз спала некая пелена, и она увидела картинку целиком. Всё сразу, все разговоры, взгляды, каждый жест. Она видела со стороны себя — эгоистичную, высокомерную, зацикленную на себе и ничего не желающую знать. И впервые за долгое время сказала самой себе: «Ну и дура же ты, Гофман. Дура и сволочь».

ЧАСТЬ 2.

ЗВАННЫЕ.

Последние два дня прошли суматошно. Встречи, разговоры, ночевка в одном месте, перелет в другое. Только сейчас, когда они с Иваром прибыли на экспериментальную стоянку, она начала осознавать, что в жизни произошли перемены. Но мысли и чувства так и не пришли в порядок. Нет, всё, надо убедить себя — вот ее дом, по крайней мере, пока. И, конечно, здесь ее друзья.

Возможно, она слишком долго ждала, находясь в трудных условиях, мечтала о встрече. А ее друзья жили в это время нормальной жизнью. К тому же, кажется, все очень заняты. Поэтому, хотя и ужасно обрадовались, но… Как-то она все представляла себе по-другому. Может, они попросту отвыкли друг от друга? Тоня, конечно, крепко ее обняла, сразу потащила к себе в палатку, напоила чаем. Но у нее уже была соседка, а Серафиме надо было устраиваться на новом месте. Лин с мужем радостно ей улыбнулись, и только. Но они и всегда были сдержаны в проявлении чувств. А Кристина собиралась принять ее на следующий день. Серафима с приятным удивлением узнала, что именно Кристина назначена на стоянке главной. Хотя — чему тут удивляться? Она всегда знала, что Кристина — необыкновенная.

Но вечером ее ждал настоящий праздник — друзья подготовили сюрприз. Все собрались у палатки Кристины, развели костер и устроили пир. Сама Кристина подошла чуть позже, усталая, но веселая. Ей было около пятидесяти, но на вид — не больше сорока. Красивая, полная сил, с умными серыми глазами… Серафима кинулась к ней. Кристина обняла и поцеловала ее.

— Ну как ты, дорогая?

— Не знаю… У меня столько вопросов, что голова трещит!

— Сегодня никаких вопросов. Завтра у нас будет большой разговор. А сейчас — отдыхаем.

Лин с Тоней потеснились, усаживая свою начальницу.

— Давайте петь! — предложила Тоня. — Мы теперь все в сборе, ну давайте!

— Давайте, давайте, — улыбнулась Кристина.

Она окинула Серафиму внимательным, заботливым взглядом:

— Ничего, ничего, девочка моя, все у нас наладится.

Разница между недавним прошлым и сегодняшним вечером была столь велика, что Серафима не выдержала и разревелась. Тоня тотчас бросилась ее обнимать. Она привела свою соседку по палатке — Марину. Миловидная девушка тихо сидела рядышком и улыбалась.

А Ивар притащил приятеля. Тот деловито представился, наполнил бокал и начал прогуливаться вокруг костра, подходя то к одному, то к другому, и прислушиваясь к разговорам.

Серафима уселась с Тоней в углу — та жаждала рассказа о приключениях подруги в группе Балтышева.

— Ну, как ты, бедненькая наша? Ивар рассказывал всякие ужасы, как плохо к тебе там относились… Не могу поверить!

Пока Серафима находилась в группе Тимура, она только и мечтала, чтобы вот так посидеть с Тоней и поплакаться ей в жилетку. А сейчас…

— Да… — махнула рукой она, — не вписалась я к ним, конечно. А так — нечего рассказывать.

— А этот Тимур, как говорит Ивар, редкая сволочь! — продолжала возмущаться Тоня.

— Это неправда… Он просто… со своими тараканами. И он относился ко мне лучше других.

— Ну, значит, Ивар просто ревнует, — лукаво улыбнулась Тоня. — Он тут рвал и метал, когда тебя не выпустили. Эх, бедная Мариночка…

— А почему бедная? — Серафима оглянулась на Марину.

— Ну… она у нас от Ивара без ума. А он об этом и не подозревает. Слишком она у нас скромная.

— А кто этот парень с Иваром?

— А, нравится? Симпатичный, правда? Это у нас первый парень на деревне — научный руководитель, Андрей. Очень активный и умный.

— Эй, девочки, вы что там уединились? — позвал Ивар.

Он встал, взял Серафиму за руку и потянул к костру, ласково глядя на нее своими блестящими черными глазами. Кажется, он все еще не хотел выходить из роли ее спасителя. Они сели рядом, но ладони ее он не отпустил, а наоборот, горячо сжал своей сильной, загорелой рукой.

Ее это тяготило, но не хотелось обижать Ивара, и она улыбнулась ему. К ним подошел Андрей.

— Ну вот, видите, ***наши***, — с ударением произнес он, — наконец, собираются. Говорят, скоро приедет сам Бастуров.

— А что, уже понятно, по какому принципу люди заболевают?

Андрей многозначительно усмехнулся:

— Заболевают… Не каждый может так «заболеть»!

— Это я понимаю, — нетерпеливо перебила Серафима, — вот и хочу узнать, по какому принципу… известно это уже?

— Ну-у… теорий-то много. И каждый придерживается своей.

— То есть определенно ничего не известно? — продолжала давить Серафима.

— Пожалуй, что нет.

— А у вас есть своя версия?

— Конечно, — Андрей уселся рядом с ними. — И давай сразу на «ты».

— Эй, только не сейчас, — засмеялся Ивар. — Сим, не позволяй ему, он как начнет — и на пару часов. К тому же, Андрюша у нас географ. А теория у него почему-то зоологическая.

— Нет, мне как раз очень интересно, — Серафима потихоньку вытащила свою руку из его руки. Ивар глянул обиженно.

— Ну, вот посмотри, — начал Андрей, отмахиваясь от Ивара, который пытался заткнуть ему рот большим куском рыбного пирога, — посмотри, оглянись вокруг. Какие формы жизни выбирает Иклона?

— Иклоне нравится минимализм. Но при такой красоте — наверное, ничего лишнего и надо.

— Я не совсем про то. Все формы жизни на планете — безобидные, не способные нанести вреда ни планете, ни человеку, ни друг другу. Где хищные звери и рыбы? Растения, выживающие друг друга? Грозы? Засухи? Стихийные бедствия? Конечно, мы еще здесь недолго... Но всё подтверждает, что... Да вот, кстати, и человек — тоже отсутствует. А кто на Земле приносит больше всего вреда и себе, и всему окружающему?

— То есть принцип Иклоны, по-твоему, это безвредность?

— Ага, очень верно подмечено. Мы тут ей, конечно, совсем не нужны. Но! Иклона не приемлет насилия, и избавиться от нас с помощью катаклизмов, видать, не желает. И вот из людей, которые тут появились, планета выбирает самых безвредных, не способных на преступление или уничтожение жизни. Остальных она просто аккуратно выживает, — Андрей огляделся с видом победителя.

— Что-то мне не кажется, что все, кого Иклона не выбрала — опасны, — пожала плечами подошедшая Тоня.

— Иклоне лучше знать, — многозначительно произнес Андрей.

Серафима задумалась. Что-то в этой теории было похоже на правду, но что-то ей совершенно не нравилось. Безобидность… Себя она безобидной не считала. Хотя, по большому счету… Нет, не понятно.

— А как же, к примеру, слоны? — вступил Ивар.

— Слоны? Какие еще слоны? – удивился Андрей.

— Ну, есть же крупные виды совершенно безвредных животных. Где они на Иклоне? Где высокие деревья? Какой от них вред?

— Слоны не так уж безобидны, — вмешалась Тоня, — в гневе они могут растоптать и убить.

— Ну, пусть не слоны, так жирафы! Верблюды… Все равно.

— Наверняка, есть причина. К примеру, деревья могут загораживать свет другим растениям, а жирафы… жирафы — вытаптывать насекомых.

Тут Серафима, Тоня и Ивар, не выдержав, рассмеялись.

— Послушай, Андрюх! Ты, пока размахиваешь руками и ерзаешь здесь, уже не одного жучка раздавил! А сколько ты сегодня рыбы съел… Нет. Тебя надо срочно отправить на Землю. Ты чрезвычайно опасен, — хохотал Ивар.

Андрей обиделся и встал.

— Я и не говорю, что теория стройная. Но надо еще думать. В конце концов, остальные теории не лучше.

У Серафимы слипались глаза. Муж Лин увел жену спать — они всегда соблюдали режим дня. Ушла, договорившись об утренней встрече, Кристина. А вот у Тони началось самое веселье — ей как будто смешинка попала в рот, хохотала над каждым словом. Марина по-прежнему только тихо улыбалась, молча глядя на Ивара. А тот вовсю спорил с Андреем, причем уже было не понятно, кто какую теорию защищает.

Наконец Серафима не выдержала.

— Ребята, вы меня простите, я — всё. Очень спать хочется.

— Конечно, — засуетилась Тоня, — ты так устала, пойдем, мы с Мариночкой тебя проводим.

— Идите, идите, я сам провожу, — Ивар сразу забыл про Андрея и спор.

— Ну… ладно, — с хитрой усмешкой сказала Тоня, — тогда спокойной ночи.

Она подхватила погрустневшую Марину под ручку и удалилась в темноту, все еще напевая.

Серафиме совсем не хотелось романтических проводов. К счастью, Андрей увязался за ними и до самой палатки развивал свою теорию, впрочем, сам в ней изрядно запутавшись. Пожелав мужчинам спокойной ночи, она юркнула к себе. Но, как только легла, поняла, что спать больше не хочет. Мысли пошли по прежнему кругу: Тимур, Иклона, источник, Альбинос, Элиза, Кристина, Ивар, огород, снова источник, снова Тимур.

Тимур… Ей было больно думать о нем. Теперь она постоянно представляла его таким, как на его рисунке — одиноким, растерянным, обозленным. Чувствовала, что ему плохо. И ей было страшно за него.

Если эксперимент удастся, что будет с лагерем Тимура? Судя по всему, его судьба решится в ближайшее время. Серафима не выдержала и вылезла наружу, все равно не заснуть. Вот опять над ней эта огромная яркая звезда. Сейчас она видна и из лагеря Балтышева… Ничего, ничего, завтра они поговорят с Кристиной. Она что-нибудь придумает…

Успокоившись, Серафима отправилась спать. Ей приснился Тимур. Это был обыкновенный, не «иклоновский» сон. Тимур сидел на берегу озера и вертел в руках пистолет. Она видела его из окошка воздушного катера. Надо было крикнуть ему, чтобы не

играл с оружием — это опасно. Но катер улетал все дальше и дальше… Господи, неужели выстрел? Серафима резко села. Нет, это просто снаружи грузили какие-то ящики.

Значит, новый день. На новой стоянке. Эх, сейчас бы не помешало глотнуть водички из того источника. Может, здесь есть такой же поблизости? Пока она видела только небольшую речушку.

Перед завтраком Серафима прогулялась к воде, с удовольствием умылась. Но вода здесь была попроще, не такая, как в том источнике. Надо рассказать об этом Кристине. Ой, нет, пока нельзя. Отправят кого-нибудь на их стоянку, привлекут внимание к лагерю Тимура… Ей надо быть осторожней. Конечно, здесь все друзья, но она не может предать его.

Кристина приняла ее в просторной светлой палатке с прозрачным потолком. На ее добром лице лежала печать заботы.

— Симочка, я рада, что ты вернулась. Если честно, у меня огромные надежды, связанные именно с тобой.

— Со мной? — растерялась Серафима. — А что я?..

— Я видела вчера… ты хочешь докопаться до сути. Ты поняла уже, наверное, как много у людей догадок и теорий. Но внятного ответа ни у кого нет.

— Я думала, он есть у вас.

— Нет, дорогая. У меня тоже — одни вопросы.

— Значит, у меня будет определенная работа?

— Ты будешь делать то, что тебе хочется. Отвечать на собственные вопросы, думать. У тебя логический склад ума, ты способна видеть то, чего не замечают другие.

— Я? Не уверена… Если вы имеете в виду эти «сны», то…

— Нет, дорогая, эти, как ты говоришь, сны, способны видеть все переболевшие. У нас договоренность — мы не лезем в память и прошлое друг к другу. Что касается остальных… это не возбраняется.

— Разве мы имеем право — в чужую жизнь?

— Хорошо. Давай начнем сначала. Как думаешь, для чего Иклона наделила нас новыми способностями?

— Не знаю… возможно, чтобы мы узнавали, как лечить людей или где лучше выращивать овощи, — вспомнила свои подвиги Серафима.

— Но ведь способности этим не ограничены.

— Тогда почему одни люди получают право изучать других? Чем они лучше? В чем их избранность?

— Вот на этот вопрос я и хочу, чтобы ты мне ответила. Пока могу высказать только легкую догадку. Единственное, что объединяет нас всех на этой стоянке — это то, что здесь собраны… как бы лучше выразиться? Люди порядочные.

— Я знаю порядочных людей, которых здесь нет, — упрямо сказала Серафима.

На самом деле она вовсе не была уверена, что Кристина сочтет Тимура порядочным человеком. Но та согласно кивнула:

— Разумеется. Значит, со временем они будут здесь. А пока нам придется изучить оставшихся людей, пользуясь нашими способностями. Остальных, кто не пройдет отбора, отправят назад. В этом и будет спасение эксперимента.

— Может, предоставить все-таки это право Иклоне? Пока она справлялась сама…

— Проблема в том, что время не терпит. Мы можем погубить все дело, выжидая, остался ли еще хоть кто-нибудь, кто имеет право остаться.

— Но как мы можем взять на себя ответственность… Нас самих только недавно… и в точности неизвестно почему. Как я могу изучить кого-то, не зная даже себя!

— Бастуров считает, что сама Иклона и наделила нас этим правом, выдала нам мандат в виде наших способностей. С нашей помощью планета быстрее произведет отбор.

Серафима молчала — ей не хотелось противоречить Кристине. Но откуда она или Бастуров могли знать, чего ждет от них Иклона?

Кристина мягко улыбнулась.

— Детка… Знаешь, почему я хочу, чтобы мне помогала именно ты? Как раз из-за твоих сомнений в своем праве судить. Ты не представляешь, сколько на свете желающих решать чужие судьбы. Но тем, кто жаждет это делать, нельзя доверить даже судьбу муравья. А мы — мы никому не причиним зла. Те, кого не оставят, всего лишь вернутся на Землю, что тут ужасного?

Кое для кого это ужасно, подумала Серафима. Кристина тронула ее за плечо.

— До этого пока далеко. Сейчас — просто пообщайся с людьми на стоянке, послушай их, подумай, и мы поговорим с тобой через несколько дней. Возможно, ты найдешь между всеми нами что-то общее. Есть разные теории — талант, интеллект, безобидность и тому подобное. Общаясь со мной, каждый, понятно, хочет выглядеть как можно лучше. А тебе будет проще разговорить их.

Серафиме все это не нравилось. Конечно, она слишком уважала Кристину, чтобы ей отказать. Но сейчас ее больше заботила не судьба экспериментальной стоянки и даже не исход экспедиции. Наверное, она стала мелкой эгоисткой, но волновало ее сейчас только одно: что будет дальше с Тимуром? Однако никакого иного пути помочь ему, как работать на Кристину, у нее не было.

И она нехотя кивнула.

Выходя, она столкнулась с Андреем. Тот важно поздоровался. Интересно, а что поручено ему?

— Кстати, Серафима, — он задержался при входе, — Ивар сказал, что список группы Балтышева у тебя?

—Д-да-а… кажется… Надо разобраться в бумагах. Пока не было времени, но я сделаю отчет…

— Да-да, сделай. И обязательно — напиши про всех членов группы, по пунктам. Сейчас дам тебе анкетку, заполнишь на каждого.

И он протянул ей листок. Серафима пробежала анкету глазами.

— Настоящее досье… Я вряд ли смогу такое заполнить. Я очень плохо их знаю.

— Ну, так узнай! — Андрей удивленно поднял глаза. — Разве ты не понимаешь, как?

— Нет, извини, — произнесла она тверже, — не смогу.

— Почему? — деловито осведомился тот.

— По многим причинам. Например, ничего не хочу о них знать. А главное, никогда ни на кого не доносила.

— При чем тут донос? — изумился Андрей. — Ты на Земле писала характеристики на сотрудников? Разве это донос?

— Если как их начальник — это одно. А я была простым членом группы, и не считаю себя вправе…

— Да ты не понимаешь до сих пор! Ты — не простой член группы. Ты — выбрана, избрана, ясно?

— Нет, пока не ясно, — коротко ответила она.

— Странно. Кристина сказала, что на тебя можно положиться… Да и группе Балтышева ты этим добра не сделаешь. Их просто тогда придется отправить обратно, без всякого разбора. Кроме тебя некому их охарактеризовать.

Серафима задумалась. Действительно, возьмут и отправят. Или начнут копать, если она откажется, и докопаются до истинной биографии Тимура. А она могла бы преподнести все иначе. То есть… соврать? Неужели она готова врать Кристине, своим людям, друзьям, ради Балтышева?

Готова, поняла вдруг она. И… пожалуй, не только ради одного Балтышева.

— Хорошо, я попробую заполнить, — Серафима быстро спрятала листочек в карман.

По привычке она отправилась думать к реке. Значит, ее главная работа здесь — это доносительство. Кристина просит поговорить с людьми на стоянке, а потом отчитаться. Андрей выдает заполнять досье. И это и есть то, к чему она так рвалась? А к чему,

собственно, она действительно стремится? И как представляет себе свое светлое будущее на этой планете?

Серафима остановилась. А ведь ответ лежит на поверхности. Надо было просто жить, жить на Иклоне. Любоваться закатами, выращивать овощи, войти во вкус нового существования. Почему же люди все время суетятся и пытаются диктовать друг другу? Конечно, надо что-то придумать с этими болотцами. Но ей почему-то казалось, что Иклона примет их, стоит им только расслабиться, не делать столько усилий.

— Симочка! — это Тоня нашла ее. — Ты чего здесь прячешься? Пойдем к нам, мы сейчас с Иваром будем облетать местность, поможешь нарисовать план.

— А разве за целый год никто не нарисовал? — удивилась Серафима.

— А ты не знаешь? Иклона постоянно меняется. Как ни проверишь старые планы — уже все по-другому. И речка течет на несколько градусов ниже, и холмы какие-то новые. Вот и пытаемся найти закономерность этих перемен.

— Кажется, Андрей у вас — географ?

— Не «у вас», а ***у нас***, Сим, теперь — у нас, — рассмеялась Тоня. — Да, он тоже полетит. Идем.

— Нет, Тонь, с ним не хочу, не обижайся.

— Почему? Он очень серьезно относится к делу.

— Да, я заметила. И еще он слишком серьезно относится к самому себе.

— Ну… Такая у него должность. Ладно, вижу, ты от него устала с утра, да? Отдыхай. Увидимся вечерком.

Серафима согласно махнула рукой. Она вернулась в палатку и принялась систематизировать бумаги Тимура. К вечеру научный отчет был практически готов, но Серафима уже поняла — Андрею и Кристине нужны совсем не метеосводки... Она открыла анкету. Вопросы касались и прошлого анкетируемого, и его характера, склонностей. Требовалось даже привести типичные высказывания человека относительно Иклоны, экспедиции и своей роли в ней.

Чтобы помочь Тимуру, надо выполнить поручение. Ладно, с кого начать? Про Альбиноса она знает, про Шаху тоже. Кстати, непонятно, что писать про него — что он покинул стоянку? И его тут же начнут разыскивать. Ладно… там будет видно. Значит, Сурен, Элиза, Костнер, Инна и Майя.

Начнем с Элизы. Как поставить вопрос? Что самое главное в жизни Элизы? Серафима села поудобнее и закрыла глаза.

Теперь увиденное напоминало просмотр эпизодов из кинофильма. Все четко, последовательно. Вот Элиза-девочка. Очень серьезная, умненькая, настоящая отличница. Ее пригласили в кабинет директора школы: лучшую ученицу направляют в медицинскую академию в особую группу, где готовят специалистов для исследования жизни на других планетах. Счастливая, Элиза выбегает в коридор и хватает за руку какого-то мальчика.

— Слышал? Меня тоже… Вместе с тобой, вот здорово, да?

Мальчик снисходительно кивает. Элиза не замечает, но Серафима видит: мальчику этот засматривается совсем на другую — вон ту, веселую, со светлыми косичками.

А вот Элиза дома, несколько лет спустя. Амбициозные родители настраивают дочь на карьерный рост. Им удалось найти для нее место в лаборатории при институте, связанном с космическими исследованиями. Но Элизе не до того. Серафима откуда-то знает — ее снова бросил молодой человек, ушел к другой, менее умной и успешной, но веселой и открытой девушке. Серафима искренне ей сочувствует — эта боль ей самой хорошо знакома…

Новый кадр: Элиза в лаборатории. Теперь она сосредоточена только на работе. Но что это? Они работают с трупами? И Элиза не падает в обморок, держится деловито… Какой кошмар, это что… эмбрионы? Или новорожденные дети? На заданный вопрос в голове немедленно возникает ответ. Это — отказники, брошенные в роддомах. В секретной лаборатории изучается новый тип генетического отклонения, возникший недавно,

вследствие полетов к другим планетам. Родители таких отказников чаще всего члены межкосмических экспедиций. А причина отклонений — неизученное влияние новых типов излучений. Отклонение приводит к отвратительному уродству и умственной отсталости. Пока эти случаи единичны, и их удается скрывать. Элиза уже написала целый научный труд, выявляя планеты, на которых влияние излучения особенно пагубно.

Сначала Серафима решила, что исследования проводятся на умерших, но… настоящий ужас охватил ее, когда она поняла: сначала изучают живое человеческое существо, а уже после его умерщвляют. И это творится на планете, провозгласившей человеческую жизнь самой большой ценностью, под самым носом, да что там? — с санкции Правительства.

Не успела Серафима прийти в себя от этих мыслей, как возник новый, мучительный эпизод. Ей хотелось вырваться из этого «кино», но оно не отпускало, продолжало выдавать информацию за информацией.

Элиза беременна. Ее новый друг — межпланетный летчик — пропал куда-то за месяц до родов. Значит, ее снова бросили… Бедняга. Вот она лежит в родовой палате, а врачи унесли куда-то ребенка. Она все ждет, ждет, никто не идет, и Серафима изнемогает вместе с ней в неизвестности. Наконец появляется человек — его Серафима видела с Элизой в лаборатории — ее научный руководитель.

— С ребенком что-то не так? — выдавливает из себя Элиза, и страх заполняет все внутри Серафимы.

— Эли… Объясни, пожалуйста, почему за девять месяцев ты не прошла ни одного генетического теста? Ты ведь ученый, должна понимать…

— Что с ребенком?

— Скажи, что ты знаешь об экспедициях твоего… ну, отца ребенка. Он был на…

— Не знаю. Он никогда не рассказывал об экспедициях, у него подписка о неразглашении.

— Эли… У тебя еще будет все хорошо. Ты молодая, красивая, здоровая женщина. Виноват, конечно же, он.

— Покажите мне ребенка, — Элиза с усилием приподнимается.

— Не стоит, дорогая, не стоит. Так будет легче.

— Покажите мне ребенка, — орет Элиза и заливается слезами.

— Эли… Нет, милая. Ты знаешь сама, для него это намного гуманнее — безболезненный укол, и все… Чем мучиться ему и тебе всю жизнь. Загубленную жизнь. А так — будешь свободна, еще родишь.

Элиза обмякает на постели. Серафима как будто читает ее мысли. Да, Элиза сто раз видела таких детей. Оставить ребенка и ухаживать за ним — значит схоронить себя заживо. А она молода, у нее интересная научная работа. Перспективы. И потом, с ребенком-уродом ей уже никогда не встретить человека, который…

— Хорошо, — выдавливает из себя Элиза, — но только пообещайте мне… Что его просто… не будут использовать для опытов, просто сразу, ладно?

— Я так и собирался сделать, не волнуйся. Мало того, я сделаю это прямо сейчас, и мы про все забудем. Выпишем тебя домой, пришлем сиделку, ты покинешь эти стены сегодня же.

Да, все будет, как прежде. Ничего не изменится. Она одна, она не может взять на себя такой груз. Иначе — конец всему… Элиза кивает. Человек покидает палату.

Проходит несколько секунд. И вдруг Элиза вскакивает с постели, срывая с себя многочисленные трубочки, как есть, босиком, шатаясь, вырывается в коридор и истошно кричит:

— Нет! Нет, нет, нет, постой. Не надо! Не надо, я прошу, я должна видеть, я не решила, еще не решила…

Навстречу бегут испуганные санитарки. Из какой-то двери выходит ее босс.

— Успокойся, успокойся, все уже кончено. Это просто нервы…

Элизу укладывают и вкалывают ей успокоительное. Все затуманивается в глазах Серафимы… Наверное, от слез.

Господи, пусть это закончится, она не может больше смотреть! Но нет. Еще один эпизод, как будто насильно, всплывает в голове Серафимы. Элиза ходит по квартире и собирает вещи. Она спокойна и сосредоточена. Серафима видит такой привычный взгляд своей недоброжелательницы: злость, ищущая выхода. Но тут раздается звонок в дверь, и лицо Элизы меняется. Оно светится радостью…

Это Тимур. Серафима из-за всех сил пытается покинуть «сон», но у нее снова не получается.

— Наконец-то, — Элиза бросается к нему в объятия.

Тимур тоже обнимает ее, но Серафима видит пустоту и равнодушие в его глазах. Зачем, зачем ты это делаешь, хочется крикнуть ей, зачем добавляешь страданий?

— Я уже уложила вещи, и свои, и твои. На фиг… побыстрее, с дурацкой Земли. Что говорит твой Янек? Когда вылет?

— Завтра… — Тимур о чем-то отстранено думает, но в его мысли Серафиме проникнуть не удается, она видит его глазами Элизы.

Она знает откуда-то, что Элиза познакомилась с Тимуром всего несколько дней назад, при подготовке к полету. И его прошлое для нее закрыто — он представился ей Тимуром Балтышевым.

Кажется, теперь действительно все… Серафима бросилась на постель. Ощущение, что всю душу выкрутили, выжали… почти физическая боль. Какой отвратительный дар… мерзкий! Не нужно ей этого, не нужно… И Тимур… Боль стала сильнее. Конечно, она догадывалась, что между ним и Элизой что-то было, но… Увидеть это своими глазами — еще куда ни шло. Но глазами Элизы…

И что она может написать после этого в характеристике? Что она влезла, разворошила чужую жизнь, узнав про Элизу главное? Не слишком ли велика цена? Теперь она всегда будет помнить выражение глаз Элизы, когда та бежала по коридору больницы. И то выражение, с каким она смотрела на Тимура…

Нет, она больше ни про кого не станет узнавать. Что, если за каждым стоит такая страшная история? Палатка Серафимы как будто наполнилась призрачными видениями, и она поскорее выскочила на воздух. Было совсем темно, но она все равно направилась к реке.

Постепенно в голове что-то укладывалось. Нет, Элиза не казалась теперь добрее или приятней, просто стала понятнее. В свое время строгие родители нацелили ребенка на карьеру и не научили быть любимой. И она ненавидит Серафиму, потому что с образом Гофман для нее связано все, чего она лишена сама — незамутненной судьбы и неомраченного прошлого. И еще — Элиза ненавидит любые отклонения от нормы. Она ненавидит всё. Кроме Тимура. А Тимуру она не нужна. Теперь стало понятно, почему она так боялась способностей Серафимы. И почему не хочет возвращаться на Землю.

Серафима умылась, постояла еще немного и, ступая наощупь, пошла обратно. Сегодня огромную яркую звезду закрыло тучами. Начинал накрапывать легкий дождик, приятный и грустный; редкое явление на Иклоне. Мысли возвращались к Тимуру. Сможет ли она простить ему то, что видела? Нет, не то, что он был близок с Элизой. А то, что он, поглощенный собственной болью, вот так запросто приблизил и отдалил, приручил и выкинул человека.

Впрочем… сама-то она чем лучше? И думала ли когда-нибудь по-настоящему о чувствах другого?

Убегая с Земли, считая, что оставляет там ненужную часть себя, она, как и другие, привезла с собой и свой эгоизм, и своих, как выразился бывший шеф, «тараканов».

***

На другой день Ивар по поручению Кристины начал знакомить ее с обитателями стоянки. Всего в лагере жило около тридцати человек, но народ еще прибывал.

К примеру, Серафима встретила того самого человека, заболевшего на старой стоянке — любителя живописи. Она застала его как раз в тот момент, когда тот любовался закатом.

— Не правда ли, что ни закат — то шедевр? — спросила она у него. — На Земле бы не поверили, если нарисовать.

— А зачем здесь рисовать? Ведь на Земле как? Мелькнуло и исчезло — скорее бы запечатлеть, а потом вспоминать. А здесь эта красота всегда с тобой — наслаждайся, сколько хочешь.

— А сам процесс рисования?

— Процесс ради процесса? Да ты сама подумай, как ты это нарисуешь? Это же никаких красок не хватит.

Серафима еще долго с ним спорила, но в его словах была своя правда.

— Интересно, а много здесь людей, любящих живопись или поэзию? — нащупывала почву она.

— Что касается живописи — ты вторая, — засмеялся он.

— Ну, что-то общее здесь есть у людей — увлечения какие-нибудь?

— Ха. У моего соседа по палатке, к примеру, интересное увлечение — клептомания!

— То есть? — не поняла Серафима.

— А он бывший вор. Его сюда как разнорабочего взяли, в самом начале освоения, вместо исправительных работ. Так он сначала продукты таскал из чужих мешков. А потом — назад несёт, обратно подкладывает. Все делали вид, что не замечают. Смешно…

— А теперь?

— Теперь и сам про это забыл, по-моему.

— Вы меня с ним познакомите?

— Да пожалуйста, раз такой интерес к необычным увлечениям.

Ну и что, что вор, подумала Серафима, возможно, он обладает какими-то талантами. Но бывший вор оказался очень простым, даже можно сказать, примитивным человеком.

— Эх, ну что я про себя расскажу-то? Я тебе, девушка, сразу скажу — нич-чеего интересного! Как с детства в подворотне оказался — так там и проторчал до самой тюрьмы. Но, имей в виду, меня только пять лет назад поймали — ловкий я очень был, да. Ну, дурак, конечно. Лень по-хорошему-то жить. Дурак. А в тюрьме насмотрелся. Нет, думаю. Хватит тебе, Серега, дурку валять. Предложили сюда — я обрадовался. Нравится мне здесь. По-простому как-то. И теперь — веришь? Никакого желания опять за свое… Ну то есть, сначала чуть было не принялся за старое. Привычка… сволочь. Вот знаю — нельзя, назад отправят, посадят опять, — а руки так и тянутся, заразы. А потом вдруг думаю: ну и зачем? И не хочется, и незачем. Так мне хорошо здесь, что и стыдно-то вспоминать теперь. Вот. А ты говоришь — расскажи про себя! Вот здесь чуток поживу — может, и захочу чё про себя рассказать.

***

Серафима попросила Ивара показать ей посадки. Она не забыла свой огородик у озера и часто гадала, посадила Инна семена или нет. Там они наткнулись на Марину, которая работала здесь одна. При виде Ивара она покраснела и еще ниже опустила голову.

— Слушай, Ивар, дай нам поговорить, а? — прямо попросила Серафима.

Ивар, пожав плечами, отправился гулять вдоль берега — огород был устроен у самой реки.

— Здорово здесь все растет, — Серафима оглядела грядки. — Хотя, чему удивляться, здесь знают, где и как сажать.

Марина немножко ожила и согласно кивнула.

— А ты давно здесь? На этой стоянке? — поинтересовалась Серафима.

— Несколько недель.

— Нравится?

— Ну да… Здесь все очень хорошие.

— А что у тебя за группа была?

— Нормальная группа, из нее сейчас еще двое прилетели. А здесь я только с Тоней дружу, я медленно с людьми схожусь.

— А ты бы хотела вернуться на Землю? — осторожненько спросила Серафима.

— На Землю? Наверное, нет…

— А почему? — каждое слово из Марины надо было вытягивать.

— Мне здесь хорошо. Я имею в виду на Иклоне. Она такая… добрая, что ли. Все подсказывает. Что не посадишь — вырастит. Вложишь труда чуть — и отдача такая! Хочешь, я покажу тебе мои розы? Вообще-то, они в план посадок не входят, но я тут посамовольничала.

Кажется, Марина оживляется, только когда речь идет о растениях. Но, увидев цветы, Серафима сама замерла в восторге. Вот это розы! На Земле она никогда таких не видала. Кажется, это не роза, а мечта о розе, идеал розы.

Марина явно наслаждалась произведенным эффектом.

— Это еще что! Я тут выписала еще много интересных семян с Земли. Иклона — все как будто преображает, так красиво!

Серафима понимающе кивнула. Она и забыла, что на Иклону ее погнали земные неурядицы. И вдруг поняла, что наслаждалась здесь, даже когда шла с группой Тимура. А ее источник! Как она скучает по своему источнику. Найти бы здесь такой же…

***

Несколько дней Серафима просто знакомилась с людьми. И дело было не столько в поручении Кристины, сколько в том, что ей самой стало интересно. И еще… не хотелось рыться в прошлом Сурена, Инны и остальных. Хотелось об этом забыть.

Она много времени проводила теперь в обществе Марины. Во-первых, ей тоже нравилось сажать, во-вторых, общение с ней успокаивало. Марина была прирожденным огородником, растения радостно тянулись к ней. Каждый день они вместе ходили к посадкам.

Ивар тоже постоянно крутился возле них, но в его присутствии Марина замолкала совсем. До сих пор Серафиме удавалось сохранять с ним исключительно дружеские отношения. Лин с мужем чертили новую карту по данным Андрея, которого Серафима старательно избегала, при встрече отделываясь дежурными фразами, что материал еще не готов.

Кристина постоянно летала куда-то по делам. Наконец Тоня сообщила Серафиме, что ее вызывают. Кристина встретила ее радостно.

— Кажется, все в порядке! Все исследования показывают, что в нашей местности болотцем и не пахнет. Сегодня приедет Бастуров, и мы окончательно начнем формировать лагерь.

— А что с остальной экспедицией?

— Вернется назад. Кого-то пока оставим, но будем рассматривать каждого отдельно, по характеристикам. Андрей сказал, что ты занимаешься группой Балтышева. Как успехи?

Серафима молчала, думая, что ответить. Кристина подошла к ней, мягко погладила по руке.

— Не надо переживать. К тебе обязательно прислушаются, я обещаю. Но ты должна подумать об интересах экспедиции. В ней нет места опасным или случайным людям.

— Я просто еще не закончила исследование.

— А что касается моей просьбы?

— Про стоянку? — оживилась Серафима, — да, я хотела бы поделиться… Но только вы будете смеяться… над моей идеей.

— Не буду, — серьезно ответила Кристина, — здесь было много идей — смешных и не очень, простых и сложных. Так что ты подметила?

— Что… остается тот, кто хочет остаться.

— Не понимаю. Остаться хотят все, насильно никого не держат.

— Нет… Мне кажется, планета принимает только тех, кто принимает ее. Кто готов сказать про Иклону — вот мой дом. Кому здесь нравится больше, чем на Земле. Есть много людей, которым Иклона нужна для своих целей — личных, карьерных. Кто-то не хочет или не может вернуться из-за земных неприятностей. Кого-то на Земле никто не ждет. А кому-то здесь хорошо, просто хорошо! И он не прячется здесь от Земли, а хочет здесь ***жить***. Я, наверное, непонятно говорю. Думаете, глупость?

— Почему глупость? — задумчиво протянула Кристина. — Это очень интересно. Тогда тем более, здесь должны остаться лишь те, кто действительно этого хочет.

— Но я как раз думаю, нам надо помочь остальным. Мне кажется, Иклона готова принять любого. Но человек должен сделать шаг ей навстречу. И уж в любом случае тех, кто прячется на Иклоне от земных неприятностей, нельзя отсылать обратно. Их надо научить жить здесь, жить с удовольствием, а не ради каких-то целей.

— Сложно будет объяснить это Бастурову, — засмеялась Кристина, — он любит четкие формулировки. А мы скажем ему: «Надо, чтобы они захотели остаться не ради чего-то, а захотели просто остаться».

— Да, ради Иклоны. Чтобы им тоже здесь понравилось, — Серафима оглянулась.

В палатку без стука вошел Андрей.

— Бастуров прилетел! — громко объявил он и добавил с почтительным уважением:

— Обедает.

— Очень хорошо, — встрепенулась Кристина. — Симочка, будь поблизости, пожалуйста, вот и поговорим как раз.

— Я буду у себя.

Через пару часов за ней прислали Ивара.

Бастуров оказался энергичным пожилым мужчиной с гладко выбритым лицом и острыми, умными глазами, сверкающими из-под густых бровей.

— Знакомьтесь, Илья, это наша Серафима. Чтобы стало понятней, к этой девушке я стараюсь прислушиваться, — улыбнулась Кристина.

Бастуров улыбнулся, но только губами. Глазами он сверлил ее, как будто хотел вывести на чистую воду. Серафима сразу потеряла страх. Бастуров в ее представлении был кем-то вроде гениального блаженного ученого. А этот человек — всего лишь человек, хотя и очень умный.

— Здравствуйте, — она присела на краешек скамейки.

В палатке еще находился Андрей, и остался Ивар.

— Кристина ознакомила меня с вашей романтической теорией, - отрывистым, почти лающим голосом произнес Бастуров.

— Из чего я заключаю, что вы считаете ее чушью? — спросила Серафима.

Бастуров откинулся на скамейке, все также изучающе разглядывая ее.

— Я не вижу возможности практического применения этой теории. А значит, как научная теория она для меня не существует. Что вы предлагаете? Сидеть и ждать, пока все, как вы выразились, возлюбят Иклону и возжаждут на ней жить? Простите, но это какая-то утопия, идиллия, а речь идет о реальном небесном объекте и его использовании для человечества.

— Кажется, вы сами считали, что мы должны понравиться Иклоне, — покраснев, возразила Серафима, — разве в этом утверждении нет утопии, а только практический смысл?

— Разумеется, — не моргнув глазом, ответил Бастуров, — для этого достаточно понять, что «нравится» Иклоне, что она приемлет. Это чисто научный подход. Иклона может принять одних индивидуумов и отказаться от других, а наша задача — выявить, с чем это связано.

— Но ведь вы тоже поняли, что это не связано с количеством хромосом или состоянием здоровья. Все выдвинутые теории каким-то образом увязываются с личностными качествами людей. Разве, с точки зрения науки, небесное тело может «хотеть» от них определенной модели поведения?

— Хм, хм, вы думаете, я поддался этой заманчивой идее — одухотворить планету? Нет, конечно, у меня есть научное объяснение. Вы не слышали, что за каждую эмоцию отвечают определенные зоны мозга, что от генетического набора зависят склонности, например, к насилию? А вы говорите, не связано…

— И за совесть тоже отвечают гены или хромосомы?

— Мы начинаем спор о существовании души. Так и до существования Бога дойдем, — раздраженно ответил Бастуров.

— Здорово, что вы это поняли. Мне кажется, на Иклоне речь должна вестись именно о душе.

Андрей в изумлении взирал на Серафиму: как она позволяет себе так разговаривать с начальством! Кристина загадочно улыбалась. Но Бастуров не рассердился.

— Ну что же, любопытства ради ступим на этот скользкий, недостоверный путь. В свете утопической теории должен быть и утопический проект. Итак, что же вы предлагаете?

Тут Серафима заволновалась по-настоящему.

— Речь идет… о природе нашего дара. Я слышала… — она искоса глянула на Андрея, — что некоторые из нас считают себя избранными и уполномоченными судить других. На чем основано это право, мне до сих пор непонятно.

— Очевидно, на способности избранных видеть прошлое и решать задачи настоящего. Это ли не сверхчеловеческое качество?

— Нет, — в очередной раз покачала головой Серафима. — Настоящее человеческое качество — это не считать себя лучше на тех основаниях, что у тебя имеется что-то отличное от других. Цвет кожи, размер черепа, положение в обществе, ум… или уникальные способности.

— Вы приписываете нам почти фашизм. Однако уникальные способности и цвет кожи — вовсе не одно и то же.

— Тогда объясните мне на пальцах, чем те, у кого появились эти способности, их заслужили. Конкретно — чем они лучше?

Все молчали.

— Наверное, чем-то все-таки заслужили, просто пока мы не знаем, — попробовал вставить слово Андрей.

— Нет, нет, — отмахнулся Бастуров, — по теории Гофман как раз все пока стройно. Способности получили те, кто сделал шаг навстречу Иклоне, полюбил ее, так?

— Так. Кстати, среди них есть бывший наркоман, а еще — вор-рецидивист, тоже бывший.

— И ваши предложения?

— Я считаю, что дар нам дали… как аванс. Не для наших целей, и ни в коем случае не для целей отбора, чтобы кого-то отсеять и выкинуть. А чтобы знать, как помочь другим.

— А вот теперь настоящая утопия! — вскричал Бастуров. — Как можно помочь людям, если они сами не захотят? Не заставишь же их насильно любить Иклону? Любовь — дело добровольное.

— Возможно, они просто не видят этого выбора. Если они улетят, то шанса уже не будет. Кто-нибудь должен дать им этот шанс?

— Здесь слабое место вашей теории, милочка. Весьма слабое. Вы сами плохо себе представляете, как это можно осуществить на практике.

— Ну… наверное, надо попробовать жить вместе с остальными?

— Бред, — вскочил Андрей, — мы уже жили с остальными, и каждые три месяца меняли стоянку!

— Действительно, — серьезно вступила Кристина, — получается, не мы их вытаскиваем, а они нас в свое болото затягивают. В прямом и переносном смысле.

— Это потому, что мы не знали, что делать. А теперь будем знать. И тогда сможем вытянуть остальных. Конечно, тех, кто все-таки захочет… Но каждого, кто решит попробовать и остаться, надо оставить.

— Можно мне? — Ивар неловко поднялся с места. — Сим, ты меня прости… ты знаешь, я всегда за тебя, но… Давай перейдем к конкретным людям. К тем, которых мы оба знаем — к группе Балтышева. Вот ты с ними жила. Скажи, можно таким людям вообще что-то объяснить про любовь и красоту? Давай, не стесняйся, расскажи, как они травили тебя, игнорировали, как они с тобой обращались.

— Я и…я и не говорю, что они все поймут. Но многие смогут.

— И ты хоть за кого-нибудь там поручишься?

— Да. За Тимура поручусь, — Серафима опустила глаза, - может, и за других, если узнаю получше.

— Поручишься? У тебя было столько времени узнать про них, — снова вступил Андрей, — так расскажи нам про Балтышева. Ты досконально его проверила?

— Я… мне не надо его проверять. Я поверила ему еще на стоянке. И поручаюсь за него сейчас.

Она старалась не смотреть на Ивара, но знала, что он ошеломлен.

— Но почему бы не проверить? Узнать всю подноготную? — с любопытством спросил уже давно молчащий Бастуров.

— Потому что недоверие будет предательством, — она схватилась руками за горящее лицо, понимая, что подписывает себе приговор.

— Мне ясен диагноз, — удовлетворенно заключил Бастуров. — Вера, доверие — вот ваши «научные» инструменты, Серафима. Вся ваша теория — вопрос веры. Но люди науки не могут на нее полагаться. Предположим, мы начнем играть в эту игру и поверим для начала в вашу теорию. Пока мы будем пытаться внушить не-избранным возлюбить Иклону, планета выживет отсюда нас всех, в том числе и их. Факты говорят, что наша стоянка — самая успешная, а значит, у избранных есть шанс. И мы не можем его упустить. Что толку, что мы поверим в сказку? И кто будет виноват, если вся эта сказка окажется чепухой? За экспедицию отвечаете не вы, и вам легко предаваться утопиям. А на Земле нужны результаты освоения, и мы дадим им результаты.

Кристина молчала, Андрей удовлетворенно кивал, а Ивар нервно постукивал пальцами по столу.

— Итак, разговор окончен. Кристина, за эту неделю мы должны закончить с характеристиками.

— Хорошо, — спокойно кивнула Кристина.

— Я считаю, надо поручить сбор информации о группе Балтышева кому-то другому. Мы не можем полагаться на доверчивость Гофман, — Андрей повторял слова Бастурова, но даже тот поморщился.

— Не зарывайся, — Кристина сердито нахмурила брови. — Будешь полагаться на мою доверчивость. Серафима никогда не представит ложной информации. Сима, у тебя есть время до конца недели, — мягко добавила она, — доделай все, пожалуйста.

Битва была закончена, бой проигран. Очень болела голова. Не говоря никому «до свидания», только кивнув, она вышла из палатки.

— Сим, — кинулся вслед Ивар, — Сим, подожди, надо поговорить.

— Не сейчас, — резко ответила она.

— Нет, ну ты что, и вправду готова им все простить?

— Ты дурак, Ивар? — не выдержала она. — Причем тут мои личные отношения и чья-то судьба? Ты простых вещей не понимаешь, что ли?

— Нет, — помрачнел он, — и тебя не понимаю тоже.

— Мне жаль, — сухо сказала она и отвернулась.

***

Слабое место в ее теории. Да, слабое. И она не сможет помочь им. Точнее, смогла бы, наверное, если бы поняла. Но чтобы лечить, нужен диагноз. Значит, надо снова… лезть в их жизнь. Но только теперь уже не для того, чтобы написать пасквиль. Теперь это надо ей. Иначе она не сможет преодолеть эмоции, увидев ту же Костнер или Майю.

Начнем теперь с Сурена. Он ей непонятен больше других. Итак, вопрос. Что представляет собой Сурен?

Однако ничего трагичного, страшного и криминального в его прошлом она не обнаружила. Единственная неприятность — его воспитывал не родной отец. Впрочем, банальный случай. Тем более, отчим был человеком мягким и совестливым. Мать Сурена баловала — любимый сынок. Отличник, как и Элиза. Еще с детства мальчик усвоил ту самую иронично-презрительную манеру общаться с людьми. Только с ровесниками это проявлялось более грубо, и Сурен сразу стал авторитетом в кругу одноклассников. А вот с учителями и родителями Сурен разговаривал подчеркнуто вежливо, заглядывал в глаза, так, что взрослый не мог до конца понять — издевается над ним этот ребенок или на самом деле такой правильный и уважительный.

Увы, кажется, профессию психолога Сурен выбрал не для того, чтобы помогать людям. Он снова самоутверждался за счет своих жертв… то есть, пациентов. Они этого не замечали, смотрели врачу в рот, рассказывая о проблемах, и постепенно начинали чувствовать себя полными идиотами, не способными решить ни один вопрос без помощи гениального психолога. Как ни странно, он быстро завоевал популярность в медицинских кругах, читал лекции и издавал статьи. Все восхищались его остроумием, женщины, особенно пациентки, таяли от его взгляда.

Так что потянуло Сурена на Иклону? Ответ оказался слишком прост. Скука. И желание написать новое эссе, выйти перед научной публикой с новой темой.

После просмотра этого «клипа» на Серафиму напала тоска. Она ума не могла приложить, каким образом можно найти общий язык с этим Суреном. Есть ли в нем хоть что-то не напускное, настоящее? Но ничего обнадеживающего она, увы, не обнаружила.

Ладно, надо идти дальше. Костнер. Что главное в жизни Косточки?

Тут все было грустно и стандартно. Отец — алкоголик, все виды подросткового «спорта» — курение, алкоголь, ранний секс. Беременность в восемнадцать лет неизвестно от кого. Аборт. Дальше — смена половых партнеров, работа в медицинской лаборатории. А потом — она как-то потихоньку вытянулась… Даже поступила учиться — сначала в училище, потом, по протекции взрослого любовника — в институт. Способностей особенных не наблюдалось, и на лицо была некоторая душевная ограниченность, но трудом и упорством институт «взяла», устроилась химиком и достигла определенных успехов. Очередной знакомый устроил в лабораторию космических исследований, и на Иклону отправил он же. Серафима видела — у него появилась новая протеже, а Косточку надо было аккуратненько выпроводить. Прекрасный способ — отправить на другую планету.

Майю с Инной Серафима пока оставила в покое. На сегодня хватит.

Не хотелось врать Кристине, но… Она и так скрыла слишком много. Смерть Шахи, целебный источник. Кристина ей доверяет… наверное, зря.

Она написала в характеристиках общие слова: общителен, замкнут, образован, ответственен и т.д. и т.п. Все члены группы получились у нее почти близнецами. Она не была уверена, что Андрей, к примеру, поверит в эти характеристики, но не могла прибавить

больше ни слова. В графе «перспектива для адаптации на планете» каждому вписала «перспектива реальная».

Серафима постучалась в палатку к Кристине. Та поднялась ей навстречу, как всегда, доброжелательная и светлая, но очень усталая.

— Входи, милая.

— Вот… Серафима протянула заполненные анкеты. — Сделала, что могла.

Кристина взяла бумаги и пробежала их глазами. Потом внимательно посмотрела на Серафиму.

— Послушайте, — не давая ей сказать, нервно начала Серафима, — я знаю, что вы думаете. Что вы доверяли мне, а я… Но я хочу, чтобы вы мне действительно поверили. Не в эти характеристики… А в главное. Пожалуйста, оставьте этих людей на Иклоне.

Кристина сделала останавливающий жест.

— Дорогая, я вижу больше, чем ты можешь сказать. Не мучайся. Я обещала, что к твоему слову прислушаются, и так оно и будет, пусть это даже будет дорого мне стоить. Скажу тебе больше. Я не уверена, что прав Бастуров, а не ты. Но я должна подчиняться, и, кроме того, логика действительно за него.

— Да, логика… По логике вещей, я должна радоваться, что я здесь.

— А ты? Чего хочешь ты? Главное — понять это.

— Я уже поняла. Я хочу вернуться на стоянку Балтышева, — и Серафима подняла на нее глаза.

— Ну, ничего удивительного в этом нет. Тебя что-то связывает с Тимуром, верно? Конечно, можешь не рассказывать…

— Нет, я хочу рассказать. И да, и нет. Это дало толчок, но не только. Просто я теперь смотрю на все совсем иначе. Как будто мир раздвинулся, и вижу не только со своей колокольни, но и откуда-то сверху… или чужими глазами… нет, не могу объяснить, чепуха получается!

— Не объясняй, я понимаю. Возможность «видеть», которую подарила тебе Иклона, этому способствует, у тебя, возможно, больше, чем у других. Но и ты пойми. Илья прав в одном: эти люди сами не хотят и не захотят измениться. И ты зайдешь в тупик.

— Наверное, так и будет. Но я знаю одно — мне надо вернуться. Сама я не справлюсь, но может помочь ***источник***. Простите, что не рассказала сразу. И прошу, не говорите Бастурову. Ему все равно это не нужно, он не поверит.

— Хорошо, обещаю. А что за источник?

— Он целебный. Когда из него пьешь — не хочется ни есть, ни пить ничего другого. Мне кажется, если бы они пили из него…

— И опять тот же тупик… Источник у них рядом, никаких препятствий нет — приходи и пей. И что же? Пьют они?

Серафима молчала.

— Ну, ладно, иди. Сегодня Бастуров будет лично составлять списки. А после поговорим еще.

На другой день Бастуров собрал всех возле белой палатки. Серафима села рядом с Мариной и Тоней. Бастуров зачитал список тех, кто остается на экспериментальной стоянке — разумеется, все, здесь присутствующие, плюс еще несколько человек, которые должны прибыть на днях. Затем — то, что с таким напряжением ждала Серафима — список людей, остающихся на своих стоянках на испытательный срок. Она заметила, как сосредоточенно вслушивается Кристина. Наверное, она и правда выдержала небольшой бой с Бастуровым, но вся группа Тимура (даже давно погребенный Шаха) в этом списке была представлена в полном составе. Испытательный срок составил один месяц. По его истечению все не заболевшие отправляются на Землю.

После того, как остальные разошлись, Кристина сделала знак, и Серафима зашла к ней в палатку. Бастуров тоже был там.

— Мне сообщили, вы желаете отправиться обратно в группу Балтышева? Должно быть, для практического осуществления вашей теории? — спросил он.

— Да.

— Наверное, теперь, когда вы знаете, что срок — только месяц, вы передумаете. Мне и так представляется сомнительным, что можно «заразить» до сих пор не заболевших «иклонофилией», а уж за такой мизерный срок…

— Можно, я поеду?

— А потом, когда группу отправим на Землю, что будете делать? Опять вернетесь сюда, к нам на стоянку?

— Не знаю. Для чего говорить заранее?

— Но за свои убеждения надо расплачиваться. Что, если мы откажемся принять вас обратно? Отправим на Землю?

— А что, если я сама к вам не захочу? — вызывающе подняла голову Серафима.

— Вы еще попроситесь, через несколько дней, — зло усмехнулся Бастуров. — Вы просто их подзабыли немножко, вот и маетесь дурью. Думаете, если я включил их в список (тут Бастуров бросил взгляд на Кристину), я не навел справки? Здесь многие очень красочно описали характеры ваших протеже.

Серафима невольно представила себе злую морду Элизы, надутую Майю, противного Сурена. Что, если ей станет среди них невыносимо? Что, если Тимур давно забыл ее, снова спит с Элизой и будет только зол, если она вернется? Скорее всего, так оно и произойдет. И все-таки отступать некуда.

— Не попрошусь, — твердо произнесла Серафима, понимая, что вот сейчас обрубает последние нити. — Однако, забавно. Из каких соображений вы меня тогда вышлете на Землю? Просто из принципа? По своей воле, против воле Иклоны? Ведь она меня выбрала.

Бастуров впервые за все время растерялся.

— Я… я руководитель проекта. Мне решать, а не Иклоне, кому здесь работать, а кому нет.

— С ума сойти. Иклона выбирает одних, не выбирает других. Иклона рассказывает нам про чужое прошлое и подсказывает, где выращивать наши овощи. Вы составляете списки на основании ее выбора, так и не придумав других критериев отбора. И вам все еще кажется, что это вы здесь что-то решаете? Как бы вам не разочароваться!

И Серафима, круто развернувшись, вышла вон из палатки.

ЧАСТЬ 3.

ИЗБРАННЫЕ

Летели молча. Ивар, конечно, затаил обиду, и его можно было понять. Наконец, началось снижение, и она прильнула к окошку. Вот он, лагерь, черные точки — люди. Катер мягко приземлился, и Ивар распахнул дверцу, пропуская ее вперед.

Накануне отлета у нее произошел очередной приступ, но прошел так легко, что, если бы не тревога, она бы спокойно проспала всю ночь. Но сейчас в ногах чувствовалась слабость.

Серафима дрожала от волнения, спускаясь на землю. Сначала она вообще не могла заставить себя поднять глаза, но потом справилась с собой и как можно уверенней сделала несколько шагов навстречу.

Пока Ивар зачитывал приказ Бастурова, она переводила глаза с одного на другого. Лицо Сурена выражало, как обычно, насмешливое безразличие. Элиза, конечно, смотрела с ненавистью и страхом, а Костнер пыталась продрать опухшие глаза. Инна сложила руки на груди и внимательно слушала. Из палатки выползла недовольная Майя. Альбиноса не

было видно. Все выглядели… запущенно, что ли? Кажется, много пили и ничего не делали. Но ведь не заболотились! Значит, она права, Иклона дает еще шанс.

Тимур стоял чуть сбоку, и она, наконец, решилась взглянуть на него. Он был не брит, бледен. Слушая, смотрел исподлобья — не на Ивара, на нее. Во взгляде — вопрос и недоверие одновременно.

Ивар закончил чтение, молча передал приказ Тимуру и, не прощаясь с Серафимой, улетел. Ей было жаль его, но…

Как только катер поднялся в воздух, молчание прервал Сурен:

— Вот сюрприз, так сюрприз! Сколько лет, сколько зим… И чем мы заслужили столь высокое посещение?

Серафима молча ждала продолжения.

— Чё тут непонятного? — как скрежет железа по стеклу, раздался голос Элизы. — У нас теперь есть надсмотрщик, мы под колпаком.

— Тебя и правда прислали следить за нами? — нервно спросила Инна.

— Думайте, как хотите, — спокойно ответила Серафима, пряча в карманы трясущиеся руки, — но меня никто не назначал, я вернулась сама.

— Соскучилась, да? — с притворным сочувствием сказал Сурен.

— А вот мы – представь себе, нет, — пролаяла Костнер.

— Представляю, - ответила Серафима, — но это дела не меняет. Я остаюсь. Моя палатка еще существует?

На Тимура она больше не смотрела, а он не произнес ни слова.

Не дожидаясь ответа, Серафима подняла рюкзак и отправилась в лагерь. Ее палатка стояла на прежнем месте, видимо, им просто лень было ее разобрать. Она вошла внутрь. Наступила разрядка, ее колотило мелкой дрожью. И все-таки… Нет, она не жалеет, что вернулась. Как странно, но… ей как будто комфортнее здесь, среди ненавидящих ее людей, чем в благожелательной атмосфере экспериментальной стоянки. Дышится свободнее. Здесь она снова будет собой: Гофман, которую не за что любить, Гофман, которую никто не считает избранной.

Серафима разложила вещи и села. Что делать дальше, она плохо себе представляла. Как быть с питанием? Не просить же их поделиться? А, собственно, для чего ей еда? Серафима радостно вскочила, схватила фляжку.

А у озера остановилась, расстроенная: на ее грядках ничего не посажено, они снова оплелись мхом, как будто их накрыли сиреневатым кружевным платком. Она принялась было снимать эту паутинку, как вдруг почувствовала чье-то присутствие, выпрямилась и обернулась.

За спиной стоял Тимур.

— Привет… — только и нашлась сказать она, отряхивая руки.

— Привет, — его голос звучал вызывающе, — зачем вернулась?

Вопрос был задан жестко, прямо в лоб. По идее, и отвечать надо было так же. Но Серафима растерялась. Рад он или не рад? И что здесь происходило, пока ее не было? Если он снова с Элизой, возвращение Гофман выглядит для него нелепым, ненужным.

— Захотела и вернулась, — почти враждебно ответила она, с досадой сознавая, что стиль их общения не изменился.

— Ясно. Значит, Элька права — следить приставили?

— Ты сам-то в это веришь? — Серафима почувствовала страшную усталость и разочарование. Ничего она ему объяснять не будет! Хотя… а чего она ждала?

Он не ответил, продолжал ее молча разглядывать. Она решила сменить тон.

— Как вы тут? — спросила как можно доброжелательней.

— Как видишь.

— Инна с Майей так ничего и не вырастили?

— Нет. И новых поставок продовольствия нам не высылают.

— Я же говорила — надо сажать здесь.

Тимур пропустил это мимо ушей.

— Так зачем? — повторил он настойчиво.

— Я прочитала твой отчет, — неожиданно для самой себя произнесла Серафима.

Тимур деланно усмехнулся, но ей показалось, что он смутился.

— Что, так впечатлилась?

— Да, — просто ответила она, — ты хорошо рисуешь.

— Издеваешься? — тихо спросил он.

Все, так больше нельзя! Или этот барьер сейчас рухнет, или останется навсегда.

— Нет… Просто, как улетела, только и думала о том, чтобы вернуться. Ничего не хотелось.

— Разве там хуже, чем у нас? — прищурился Тимур.

— Нет, намного лучше. Но мне там было плохо… Без тебя, — губы у нее задрожали, и она отвернулась:

— Отойди, мне надо набрать воды…

Серафима сделала несколько шагов к Источнику, протянула фляжку, но никак не могла попасть под струю. Сзади было тихо, и она не знала, о чем думает Тимур. Зря она сказала ему это, зря… Да наплевать! Сказала — и все тут. Остальное — его дело!

— Меня больше не волнует эта планета. Мне все равно, вернут ли меня на Землю… Было все равно, — глухо произнес Тимур. — Так зачем ты вернулась?

— Что ты хочешь услышать? — резко обернулась Серафима. — Я плохо объяснила?

Она испытывала настоящую злость. Первая призналась… что ему надо? Пусть скажет что-нибудь, ответит или сделает вид, что не понял, если…

Серафима повернула прочь. Тимур загораживал ей дорогу. Расплескивая воду, она оттолкнула его и попыталась пройти. Но он ухватил ее за локти.

— Пропусти!

— Ну уж нет, теперь нет, больше ты не уйдешь, — он стиснул зубы, — ни к этим избранным, ни к своему Ивару.

Долго, не отпуская ее, вглядывался в лицо, потом судорожно вздохнул.

— Я тебя правильно понял? Мне не послышалось? Ты вернулась… ко мне?

— А я нужна тебе здесь или?.. — на глазах у нее выступили слезы.

— Пусть месяц… — Тимур разговаривал сам с собой. - А потом…

Он привлек ее к себе, сжал так крепко, что ей показалось, что у нее хрустнули ребра. Потом снова отодвинул, не отпуская плеч, посмотрел в глаза. На секунду она потеряла чувство реальности, почувствовала, что ничего от нее не зависит, а все будет так, как хочет этот сильный мужчина с обветренным лицом. Это ему-то нужна она? Именно она, странная неловкая Гофман?

Захотелось что-то сказать, сделать. Серафима провела рукой по его щеке.

— Ты колючий, почему не бреешься?

— А потом ты останешься здесь… А меня вышлют. Лучше бы ты не возвращалась. Иклона нас разделила. Я привык к этой мысли…

— Нет, Тимур, не вернут! — заторопилась она. — Я сделаю все, чтобы все остались на Иклоне. А если вышлют… значит, уеду с тобой… Но этого не будет! Мы просто откажемся уезжать. Посмотрим, посмотрим…

— Как? Что посмотрим? — невесело засмеялся Тимур.

— Ты ведь хочешь остаться?

— Я хочу быть с тобой, — твердо ответил он, — а это возможно только здесь.

— Все останутся. Все, кто захочет.

— Думаешь, кто-то спит и видит Землю?

— Им надо не прятаться здесь от Земли. Им надо захотеть *жить на Иклоне*.

Путано и сумбурно, потому что Тимур не выпускал ее из объятий, Серафима выложила ему свои мысли, разговоры с Кристиной и Бастуровым, короче, все, что пережила и передумала за это время.

— Значит, ты решила поэкспериментировать? – Тимур помрачнел. — Тогда при чем тут я?

—Да ты что, спятил? — разозлилась Серафима. — Да я это слово «эксперимент» терпеть не могу. Я хочу только, чтобы вы все остались. И ты в первую очередь.

— А причем тут все? Не замечал между вами любви.

— Я и за тобой не замечала, между прочим… — и она приложила ладонь к его губам, не давая возразить. — Потому, что это неправильно… выкинуть людей и все. Ты мне поможешь? А кстати, где Альбинос? Как он?

Честно говоря, Серафима боялась, что с Альбиносом все хуже некуда. Ответ ее поразил.

— Он ушел, точнее, постоянно где-то бродит. Гуляет вокруг озера, ходит в горы. Даже на обед не является.

— Как? Он не пьет?

— Пьет, еще как пьет! Водичку твою, — усмехнулся Тимур. — Такой у него новый алкоголизм.

Серафима изумленно глядела на него.

— Ты улетела, а меня тоска взяла… А Костик каждый день — дай мне то лекарство, мне от него так хорошо, к спиртному вообще не тянет. Тут Элизка возьми ему и скажи: да пойди сам набери — вон оно, твое лекарство, вода простая. Пришлось признаться, что лекарства нет. А он обрадовался, говорит — родник-то всегда под рукой, и начал ходить сюда.

— А потом?

— А потом и вообще пропал. Ну вас всех, говорит, пойду, окрестности обойду, полюбуюсь. Это Костян-то… ценитель пейзажей. Вот теперь и не видим почти.

— Необычная водичка, — осторожно начала Серафима. — А тебе она нравится?

— Не пробовал, — отрезал Тимур. - У меня ничего не болит. Только душа…

— Отчего?

— От бессмысленности существования.

— Попробуй, может и «от души» поможет.

— Ты — моя водичка, — он улыбнулся, но как-то грустно посмотрел на нее.

— Разве не от тебя самого зависит, имеет ли существование смысл?

— Любишь ты, Гофман, мораль читать, — хмыкнул он. — Слушай, я ведь тебя даже ни разу по имени не назвал. Ты обедать-то пойдешь?

— А стоит? — задумалась Серафима. — В принципе, мне хватает этой воды. Но ты прав, надо поговорить с остальными. У тебя есть еще фляжка? Давай наберем?

Тимур кивнул. Ей показалось, он хотел спросить что-то еще, но промолчал, задумчиво глядя на озеро, только рассеянно сжимал и разжимал ее руку. Она аккуратно высвободила ладонь и протянула руку за фляжкой. Как будто что-то решив для себя, он сам набрал воду:

— Пошли!

***

Ее появление в столовой было сравнимо с выходом примы на театральную сцену. А какой там творился бардак! Ели, пили, не убирали за собой и снова ели и пили, отодвинув мусор в угол.

Тимур вошел следом, и каким-то безошибочным женским чутьем она сразу отметила, что Элиза все поняла. Не обращая внимания на косые взгляды, Серафима достала пластиковые стаканы и наполнила их водой из фляжки.

— Господа… — она старалась говорить непринужденно, — всего одна, маленькая просьба. Это — чистая вода из источника. Она очень поможет.

— В чем поможет, позвольте спросить? — Сурен сделал вид, что всматривается в стакан через пенсне, и Костнер заржала.

— Остаться на Иклоне. Тому, кто захочет, разумеется. Это ускорит и облегчит дело.

— Га-ханти-хуете? — теперь Сурен изображал из себя дотошного профессора, нарочито грассируя на букве «р».

— Да хватит тебе паясничать, — не выдержал Тимур, демонстративно взял свой стакан и осушил его. — Говорят, как лучше вам, может, послушаем того, кто знает?

— Ой… кажется, в лагере избранных прибыло, — едко вступила Элиза, но глаза у нее были совершенно потухшие. — Тебя как туда приняли — на общественных началах или за особые заслуги перед Гофман?

— Подожди, Элиза, — Серафима старалась быть терпеливой, — я никому ничего не навязываю. Просто прошу — попробуйте пить чистую воду. Воспользуйтесь тем, что дает планета. Хуже не будет, не отравитесь. Да поглядите хотя бы на Альбиноса!

— Ага. Квасить он перестал, зато умом совсем повредился, — сказала Майя.

— Ну, если считать умом то, как вы тут живете, — Серафима огляделась кругом, — то уж лучше безумство.

— Не нравится — вали отсюда, — заключила Косточка.

— Таня, — тихо спросила Серафима, — а тебе самой — что, нравится? Действительно хочется так жить? Что здесь, что на Земле?

Костнер опешила, завертела головой, не зная, что сказать. Серафима повернулась к остальным:

— Насильно, конечно, мил не будешь. Да я и не претендую. Попробуйте все-таки воду.

И она вышла из столовой, гадая, выпьет ли воду хоть кто-нибудь. Но к себе не пошла. Вокруг лагеря валялись мусорные кучи. Она взяла пакеты и принялась сортировать мусор, чтобы потом сжечь или закопать. И вдруг услышала неожиданно приветливые интонации:

— А, вернулась!

Она с удивлением обернулась. Это был Альбинос, но почти не узнаваемый. Чистое, свежее лицо, ясный взгляд — такого она не видела у него никогда.

— Привет! — радостно ответила она. — Как у тебя дела?

— Как видишь, прекрасно! Тебе спасибо!

— Зд*о*рово!

— Знаешь, я как будто был без сознания. А теперь очухался. Гляжу кругом — и не понимаю: что со мной было?

Она кивнула.

— И со мной так же…

— А чё ты тут возишься? Зря вернулась… С ними каши не сваришь. Они будут гадить, а ты убирать? Беспонтово. Пошли лучше со мной — я тебе такие места покажу!

— Нет, Кость. Я ради них и вернулась. Им тоже нужна помощь, не только тебе.

— Ну, да… Твоя правда, чего это я тут… тоже, нашелся. Да только меня болезнь подтолкнула. А их — что заставит? — он перевел взгляд. — Салют, Тимур….

Серафима поняла, что Балтышев уже некоторое время стоит позади нее, вслушиваясь в разговор. Вид у него был нахмуренный.

— Не помешал? — ехидно спросил он. — Гуляешь, Костян?

— Кто-нибудь выпил воду? — Серафима оглянулась на столовую.

— Не знаю. Кажется, со мной перестали разговаривать.

Альбинос переводил взгляд с одного на другого, как будто что-то соображая.

— Ну, ребята, я пошел. Мне сегодня надо до вечера дойти до одной прикольной горы. Представляете — с точки зрения физики никак не въеду, чего она, падла, стоит и не падает. Салют!

Он обернулся:

— А ты, Гофман, подожди, завтра вернусь, помогу тебе говно убрать. Одной тут не справиться.

— Ладно, — улыбнулась Серафима.

— Ну вот, и дружок у тебя нашелся, — неприязненно сощурился Тимур, глядя ему вслед.

— Ага, — она решила, что не будет обращать внимания на подковырку, — я так рада за него!

— Кстати, — Тимур неожиданно сменил тон, - Альбинос свое место в палатке освободил… Он у нас теперь на природе живет.

— И? — она сделала вид, что не понимает, к чему он клонит.

— Что «и»? Одна собираешься жить? — прямо спросил он. — Давай, переходи ко мне, ну, или я к тебе, если хочешь. Что мы, дети, что ли?

Серафима нахмурилась. Ей не нравился этот напор.

— Не время сейчас.

— Почему?

— Потому. Не сейчас. Это все испортит.

— Что испортит? Отношения с новым Костиком? — на его лице появилось такое знакомое с прежних времен выражение.

— Не будь идиотом, — прошептала она.

Из столовой вышли Элиза с Суреном и, не глядя на них, проследовали к своей палатке. В руках у Элизы были две бутылки виски. Следующей появилась Инна и намеревалась пройти мимо, но Серафима сделала шаг ей навстречу.

— Инн, можно поговорить?

— О чем?

— Пойдем со мной… к озеру.

— Зачем это?

— Да ладно тебе, удели пять минут, сложно, что ли?

— Ну, хорошо, — пожала плечами Инна.

Из столовой вылезла Костнер и, недовольно глянув на них, ушла. Серафима с Инной, а следом и неразлучная Майя, направились к озеру. Тимур остался в лагере. Серафима привела женщин прямо к своим заросшим грядкам.

— А, ну понятно, — изрекла Инна, вздохнув, — сейчас будешь попрекать, что ничего здесь не посадили, скажешь, мол, я же говорила…

— А смысл попрекать? Вы бы лучше помогли, а? Давайте еще раз попробуем. Семена-то остались?

— Семена-то остались…

— Ну, так давайте!

Инна молчала. Но поддержка пришла оттуда, откуда Серафима и не ждала.

— Инн, давай, правда, посадим здесь! Достало уже, жрать охота. Одни консервы, и те заканчиваются. Я уже картошки сто лет не ела нормальной, — заявила Майя.

— Ну-у… Давайте. Только для картошки этих грядок мало, надо новые делать, — Инна по-хозяйски огляделась. — Три здесь. И еще несколько с той стороны, где места побольше, да поположе.

— Когда, завтра? — Серафима старалась разговаривать по-деловому, не выдавая радость.

— Угу, после завтрака — сбор здесь, — командным голосом заключила Инна.

Майя кивнула. Серафиме очень хотелось спросить, выпили ли они воду, но она сдержалась. Вернулись вместе. Серафима сразу отправилась в столовую, чтобы убраться. Один стакан пустой — очевидно, Тимура. И только еще один — неизвестно, чей, немного отпит. Инна, наверное, все-таки отхлебнула. А, может, как раз Майя? Ладно, если будут работать у Источника, может, и станут пить.

Она возвращалась в лагерь, отставая от биологичек на несколько шагов. «Солнце» уже покраснело и осветило легкие сиреневые облака, сливавшиеся на горизонте с темной лесной полосой. Иклона готовила своим гостям необыкновенный закат. Интересно, где гуляет сейчас Альбинос? Повинуясь непонятному порыву, Серафима оглянулась на озеро. Слева, недалеко от крутого спуска, метрах в ста от их грядок, из пружинистых кустиков торчало что-то совсем не похожее на растительность — как будто рюкзак или брезентовая куртка.

— Инн, постой, — крикнула она.

Инна оглянулась, и обе женщины остановились. Серафима уже четко различала лежащую на земле фигуру. Сердце тревожно забилось — она кинулась к берегу. Это был действительно он, Альбинос. Лежал на спине, с неловко подвернутой рукой, и смотрел в закатное небо открытыми глазами. Первой мыслью было, что он умер. Однако в ту же секунду она поняла, что тот моргает.

— Костя! Ты чего?

Он перевел на нее глаза, не поворачивая головы. Вот тугодумка! Да ведь Альбинос попросту подхватил местную болезнь! Значит, можно кричать «ура».

Биологички тоже подошли поближе.

— Сможем притащить его в лагерь? — спросила Серафима.

— Надо позвать Тимура или Сурена, — ответила Инна.

Ни ей, ни Майе не улыбалось тащить Альбиноса на себе.

Майя сбегала в лагерь и вернулась с Тимуром. Рассказала, что Сурен придти отказался, заявив, что Альбинос сам мечтал пожить среди природы. Общими усилиями дотащили Альбиноса до палатки и уложили на постель.

— В первый раз это долго бывает, не меньше недели, — тихо сказала Серафима, глядя на Балтышева.

Вместе с Инной и Майей она вышла из палатки и направилась к себе. Впрочем, дальнейшее было предсказуемо. Буквально через пару минут Тимур появился у нее на пороге и плюхнулся на пол напротив нее.

— Не могу я там. Лежит, не шевелится, ничего не говорит, смотрит в потолок.

— Ну, а что делать? И я так лежала…

— Нет, я к тебе перебираюсь, — голос его звучал, как всегда, насмешливо, но глаза смотрели вопросительно.

Она попыталась ответить как можно ласковее.

— Мне кажется, пока не надо… Пожалуйста. Лучше пока делать вид, что между нами ничего нет.

— Я так не смогу.

— Сможешь, это ведь временно, — возразила она. — Нам надо помочь остальным, а не заниматься друг другом… Подождем.

— Думаешь, никто не догадался? Элиза, а значит, и Сурен давно в курсе.

— Дело не в том… Мне нужна твоя помощь, твое авторитетное мнение. А так они скажут, что ты просто мне подпеваешь.

— Они и так скажут, — упрямо твердил Тимур. — И кое для кого я здесь уже не авторитет.

Она молчала, но молчала «отрицательно».

— Ясно, будешь ждать, пока поправится Костик.

Серафима расстроено покачала головой:

— Ты как маленький… И живешь только своими желаниями — хочу, не хочу…

— Да ладно, — он помрачнел, — я и так знаю, что весь в дерьме, а ты для меня слишком хороша, и все такое…

Серафима резким движением встала.

— Прекрати, Тимур, пожалуйста… Разве не понимаешь? Бывают такие дела… чести. И не хочется, не по душе, а что делать? Ну, можешь обижаться, раз тебе нравится!

Но он не встал и не ушел.

— Ты ведь была замужем? — задумчиво спросил он. — Я читал твое досье перед походом.

— Я — была. А он — был свободен, — Серафима не понимала, к чему он клонит.

— Он тебя бросил?

— Бросил бы, но я сделала это раньше. Не стала дожидаться, когда предатель еще и унизит.

— Он идиот, — серьезно произнес Тимур.

Она рассмеялась.

— Я привык — напролом. Забудь. Пусть будет по-твоему, — он встал и направился к выходу.

— Подожди, — не выдержала она.

Тимур остановился. Серафима подошла к нему и посмотрела в глаза, потом обняла за шею, наклонила его голову к себе и тихонько поцеловала в губы. Он тут же обхватил ее и поцеловал сам — страстно и нервно. Потом порывисто потянул на себя, но она выскользнула из объятий, помотав головой.

— Ну ты зараза! — рявкнул Тимур и выскочил из палатки.

Серафима, задыхаясь, села, спрятав лицо руками. Прошло несколько минут.

Так, а что же она сидит? Надо сходить за водой. В столовой всегда должна быть вода, а вдруг кто решится?

***

Несколько дней прошли совершенно одинаково. Она приносила воду в столовую дважды в день, но при ней выпивал ее только Тимур, однако с Серафимой он практически не разговаривал, дулся. Она старалась не переживать по этому поводу, откуда-то зная, что с ним все будет хорошо. Потом в компании биологичек шла к грядкам. Воду, хотя и с неохотой, женщины пили, чтобы избавиться от жажды и не тащиться обратно в лагерь за колой.

Разговорились понемногу. Майя больше молчала, а Инна постепенно, от случая к случаю, рассказала про их земное прошлое. Подруги познакомились еще в школе. На биологический тоже поступали вместе, а там еще и вышли замуж за близнецов. Жили в одном большом доме, сначала все было замечательно. А потом муж Майи ввязался в некрасивую историю, перешел дорожку кому не надо… и — якобы несчастный случай. А Майя осталась жить в семье. Вместе растили сына Инны. Но парень вырос эгоистичным и черствым. В семнадцать лет уехал со своей подружкой на заработки, да так за три года ни разу не вспомнил про своих «мам», только деньги регулярно списывал с родительского счета. Муж Инны практически одновременно нашел себе молодую жену и ушел из семьи. Подруги остались одни в огромном доме. Начали ругаться, забросили хозяйство. А потом им предложили лететь на Иклону. Согласились с радостью — на Земле их больше ничего не держало.

После работы женщины шли на обед, а Серафима оставалась на берегу, просто сидела в тишине и наслаждалась. Потом возвращалась в лагерь, навещала лежащего без движения Альбиноса. Постепенно уничтожила мусорную свалку посередине лагеря. Когда все покидали столовую, убиралась там. Один стакан, кроме стакана Тимура, неизменно оказывался пуст.

А потом произошло сразу несколько событий. Во-первых, пришел в себя Альбинос и, еще очень слабый, явился к озеру и сел, наблюдая, как они занимаются грядками. А на грядках-то уже показались первые ростки. «Как на дрожжах», — отметила Инна.

Следом за Альбиносом появился Тимур и тоже сел неподалеку. Серафима только улыбнулась про себя. Она-то точно знала, что со стороны Костика опасность Балтышеву не

угрожает, и даже заметила, что Альбинос с удовольствием наблюдает за ловкими движениями маленькой худенькой Майи.

Третьим посетителем стала Косточка. В лагере, таким образом, остались только Сурен с Элизой.

Косточка хмуро и нерешительно приблизилась к ним, чуть постояла, глядя на пробивающуюся морковку и уже прилично выросший салат, потом сплюнула и отправилась восвояси. Серафима, сочинив на ходу, что ей надо что-то забрать из лагеря, двинулась следом и, догнав на полпути, пошла рядом. С минуту обе молчали, потом Костнер резко остановилась.

— Эта… Гофман… Короче, не знаю, чё там надо — прощения что ли просить у тебя или как? — вызывающе начала она. — Только… В общем, я остаться хочу. Что скажешь для этого сделать, то и сделаю. Зарази меня, что ли, болезнью этой вашей сраной…

Косточка еще раз смачно плюнула и продолжала:

— Блин, Элька и сама не ам, и вам не дам. А почему я должна с ней пропадать? У нее хоть мужик есть. А мой меня в космос выкинул. Ни одного сообщения — прикинь, с тех пор как улетела. Да ясно с ним все, с козлом.

Серафима кивнула. Она помнила свой «сон» — козел, это точно.

— Ладно, я на тебя тоже наезжала, прости, — продолжала та, — но это все Элька, это она на тебя взъелась, а мне-то что… Шаху, конечно, из-за тебя угрохали, да он тоже был урод. Ну, не везет мне с мужиками. А кому здесь везет? Все мы, бабы, от этого и бесимся. Я только-только въехала, что Элька тебя к Балтышеву ревнует. Вот уж не подумала бы… И чего он в тебе нашел? Вроде он мужик-то совсем другой, конкретный. Ладно, короче… чё делать-то надо? Воду пить? Я уже пила. И дальше что?

А, вот, значит, кто опустошал единственный стакан. Довольно неожиданно. Хотя… Ничего неудивительного.

Косточка, видимо, никогда так долго никому о себе не говорила, и тут уже не могла остановиться.

— А ты ведь — как на больную мозоль наступила… Тогда, как сказала мне: нравится тебе такая жизнь? Я и думаю… Ну что у тебя, Танечка, хорошего-то было? Ни здесь, ни там… А здесь можно жить… Я смогу здесь жить. Ты меня только подлечи. То есть, наоборот, зарази… Или все еще дуешься на меня?

Серафима энергично покачала головой.

— Нет, не дуюсь, — серьезно ответила она, — я ведь честно хочу помочь. Ты не думай, вообще не дуюсь. Да и за что… Ты мне хамила, я — тебе… Забыли, короче. То, что ты воду пьешь — это здорово. Ты только специально не думай как бы заболеть. Все само будет. Просто попробуй… Как бы тебе объяснить… ну, наслаждаться здесь. Вот, смотри, какое небо красивое, вода, воздух, просто получай удовольствие от жизни. И за собой убирай. Вот пока и все. Я ведь сама точно не знаю, что надо. Но знаю — захочешь, так останешься.

— Так ведь месяц всего нам дали! А вдруг не успею? — с тревогой поинтересовалась Татьяна.

— Это не важно. Они ничего не решают. Раз ты хочешь остаться, то останешься.

Косточка посмотрела на нее с легким подозрением.

— А как ты это делаешь? Ну, Элька говорила, что зараженные с Иклоной «вась-вась», типа колдовства какого. И как будто все про всех знать будете и управлять нами сможете.

— Не беспокойся, — Серафима серьезно покачала головой, - никаких особых способностей у меня нет, порчу наводить не умею. Просто делюсь с тобой тем, что знаю. А откуда — ну, тут правда твоя, наверное, после болезни что-то понимаю. И ты поймешь.

— Элиза тебя боится… Ладно, ладно, мне по фигу, лишь бы остаться. Так что, говоришь, делать надо? — Костнер сосредоточилась, лицо выражало предельную степень внимания.

С таким видом она сидела в институте, пытаясь понять хоть что-то из сказанного профессором. Серафима решила, что точные указания будут ей понятней.

— Давай так. Мы в огороде сами разберемся, может, ты по столовой займешься? Если честно, сил нет уже убирать там за вами. И мусор жечь. И спиртное пить нельзя, поняла?

— Да мне и неохота последнее время, какая-то изжога напала. Мне на стоянке сидеть скучно… Нет, я уберу конечно… Но лаборатория моя не особо нужна — почва, вода, все уже давно исследовала.

— А воду из источника? — с любопытством спросила Серафима.

— Ага, еще давно. Ничего особенного, только содержание серебра чуть выше обычного. Но такое и на земле встречается.

— Значит, правда, дело не в химсоставе…

— Слушай, а куда все Костик ходит? Может, и я с ним? Мне скучно в лагере. Да и Элька на меня злится…

Серафима грустно улыбнулась: Тане был необходим спутник жизни, и с этим ничего не поделаешь. Впрочем, не ей одной, просто она говорит об этом прямо. Эх, а Альбинос-то уже, кажется, положил глаз на Майю… Жалко Костнер.

— Поговори с ним, я ему не начальник…

Майя с Инной отправились на обед, прошли мимо них. Потом, не глядя, прошел и Тимур. Альбинос, кажется, остался у озера один. Вычислив ситуацию, Костнер двинулась в обратную сторону — к грядкам.

А Серафима, задумавшись, побрела зачем-то в «столовую».

Но дойти не успела. Внезапно раздался крик, и она заметила странное движение впереди, за высокими, загораживающими поляну кустами. Рванув туда, догнала остальных и увидела, что прямо на них движется что-то темное и огромное — против солнца она не сразу смогла разглядеть, что это. Девушка остолбенела от неожиданности — до этого момента она не видела на планете ни одного существа крупнее маленькой птички.

«Вот тебе и минимализм Иклоны!» — пронеслось в мыслях.

Но испуга не было. Не взирая на размеры, животное казалось мирным и даже немного комичным. Оно застыло на месте, словно в раздумьях, позволяя себя разглядеть. Серафима сделала вывод, что это — всего лишь детеныш.

Кричала, похоже, Майя — биологички ничего забавного в странном госте не находили. Застыв, женщины с ужасом взирали на глазастое и ушастое создание. А оно вдруг принялось разминать толстенные ноги, неожиданно легко подпрыгивая на пружинистом мху. Земля при этом заметно сотрясалась. Нет, тут было на что посмотреть! Серафиме сразу припомнился разговор о слонах, который вели на экспериментальной стоянке Ивар с Андреем. Существо представляло собой чудной гибрид слона, бегемота и Чебурашки. И цвет у него был для зверя немыслимый — яркий, переливчато-синий.

Несмотря на убеждение, что создание вполне безобидно, риск оказаться затоптанной был велик. Повинуясь инстинкту, она сделала несколько шагов назад.

— Стойте, не шевелитесь, — услышала она предостерегающий голос Тимура, — он сам сейчас уйдет.

Майя взвизгнула еще раз. Животное перестало прыгать и заметило, наконец, людей. Вид у него стал озадаченный. Огромные, почти во всю морду глаза уставились на биологичек, стоявших к нему ближе других. Отступать дальше женщинам было некуда: с одной стороны — обрыв над небольшим ручьем, с другой — большой розовый камень.

Существо, ясное дело, раньше никого подобного не встречало и, очевидно, решило выяснить, кто же это тут бегает и шумит. Недолго думая, представитель местной фауны наивно потянулся к стоявшей ближе всех Майе, кажется, принюхиваясь — нос у него был крохотный и ничем не примечательный. Этим движением он вызвал у нее очередной истошный крик. Отпрянув, существо неуклюже развернулось и бросилось в сторону лагеря. Тимур кинулся следом. Остальные — за ним.

— Все из палаток! — заорал он.

И вовремя. Задев задней ногой, животное одним махом снесло лабораторию, та рухнула, и Сурен с Элизой едва успели отбежать в сторону. Однако психолог не растерялся: он бросился в свою палатку и через мгновенье выскочил оттуда с лазерным пистолетом наизготовку.

Существо, не замечая опасности, тем временем остановилось, с любопытством разглядывая новых персонажей.

— Сурен! Не стреляй! — крикнул, подбегая, Тимур.

Но тот как будто не слышал. Он прицелился, и сердце у Серафимы замерло — попасть в такую мишень мог даже слепой.

— Нет! — неистово заорала она. — Не смей!

Тимур успел перехватить руку Сурена и резко дернул вверх. Лазерный луч прочертил кривую линию у них над головами. Психолог вывернулся, ловко подсек Тимура, не выпуская оружия. Тимур удержался на ногах, но невольно ослабил хватку, и тот снова вскинул пистолет.

Но тут же охнул и скорчился. Неизвестно откуда взявшийся Костик на лету перехватил выпавший «лазер» — Серафима впервые увидела спецназовца в действии. Альбинос спокойно смотрел на скрученного, стонущего Сурена, продолжая держать его за вывернутую за спину руку.

— Отпусти его, — буркнул Тимур.

Костик послушно отступил от разоруженного психолога.

Тем временем окончательно перепуганный «гость», сметая все на своем пути, ломанулся обратно, к озеру.

Навстречу ему попалась ошеломленная Косточка, да так и осталась стоять на полпути к лагерю. Испуганный «малыш» ее, кажется, не заметил, и продолжал двигаться прямиком на нее. Тимур рванулся вперед и вовремя оказался между зверем и Костнер, размахивая руками и привлекая к себе внимание. Неуклюже задирая ноги, существо резко сменило траекторию, рванув от них через кусты. Косточка, так и оставшись с вытаращенными глазами, хрипло и от души выматерилась.

Выйдя из оцепенения, Серафима, Тимур, Костик и даже перетрусившие «биологички» осторожно продрались следом и наблюдали, как добравшись до воды, животное без раздумий бросилось в нее и почти до середины реки продолжало бежать, пока глубина не стала слишком большой даже для его роста. Серафима поразилась, насколько грациозно плыло неуклюжее на суше синее существо. Да и выглядело это купание красиво: шерсть отливала лазурно-синим, гармонируя с изумрудным цветом воды. В одно мгновенье оказавшись на той стороне озера, животное отряхнулось, обернулось взглянуть на своих обидчиков и, прижав уши, заспешило прочь и скрылось в высоких кустах.

Люди, обсуждая происшествие, вернулись в лагерь.

— Ну и на кой хрен ты тут «лазером» махал? — мрачно сплюнул Тимур, глядя на Сурена, как ни в чем ни бывало спокойно попивавшего из горла початой бутылки.

— Он был опасен. А ты должен защищать лагерь, а не инопланетных уродов, — ничуть не стушевавшись, ответил тот.

— А ты должен выполнять приказ! И не должен иметь при себе запрещенное оружие! На крайняк у тебя есть пугач!

— Он мог растоптать весь лагерь! — возмущенно вмешалась Элиза. — А ты бы смотрел и умилялся?

— Ну не растоптал же! — Альбинос машинально вертел в руках «лазер». — Это просто детеныш, в Африке я таких много видел. Нельзя убивать без крайней нужды, — он помрачнел, погрузившись в свои мысли.

— Меры мы примем, не дергайтесь, — глядя на Сурена в упор суженными глазами, заявил Тимур. — Сегодня же расположим по периметру лагеря датчики, а от зверей натянем сигнальные веревки.

— Что же ты раньше этого не сделал? — не унималась Элиза.

— Интересно, откуда он взялся? — задумчиво проговорила Инна. — Ведь никаких данных о них нет… А на экспериментальной стоянке про них знают?

— Нет. Это… мне кажется, нас испытывали… — Серафима все еще не могла придти в себя. — Да поймите, поймите же — здесь вообще нельзя убивать! Это будет катастрофа для нас!

— А как же Шаха? Уродца жальче, чем человека, да? — с сарказмом отозвался психолог.

— Речь не о жалости, — отрезал шеф. — Шаха был опасен, детеныш — нет.

— Ну да, конечно, — ехидно протянула Элиза, — опасен, еще как опасен, верно, Тимур?

— Что с этим делать? — поинтересовался Костик, кивнув на пистолет.

Он не обратил внимания на то, что Сурен сделал попытку забрать свое оружие, и отдал его, только когда руку протянул Тимур.

— Если у кого-то еще есть незарегистрированное оружие, советую немедленно признаться, — сухо произнес Балтышев.

Все промолчали.

— Тимур, а лаборатория? У меня все побилось, — вздохнула Косточка.

— Сегодня до темноты не успеем, а завтра — восстановим.

— Ну, кто как, а я — кушать хочу, — заявил вдруг Сурен полным достоинства голосом.

Отвернулся от них и отправился в сторону чудом устоявшей столовой. Остальные переглянулись, а потом, как ни в чем не бывало потянулись за ним.

***

Серафима села за стол с остальными, подперев рукой голову. Тимур держался обособленно. Сурен куда-то девался, биологички лениво переговаривались. Только Элиза всем своим видом показывала, что не собирается есть в ее присутствии. Эпизод со «слоненком», видимо, сильно ее завел. Резким движением она отодвинула от себя тарелку, рассыпав еду по столу, на пол полетела бутылка с газировкой.

Тимур мрачно стряхнул со штанов тушенку.

— Эй, хорош свинячить. Убирай за собой сама.

— И правда, Элиз, ты же медик, — заметила Инна, — а вечно такую грязь разводишь, как будто специально. Ты должна бороться с вредными микробами.

— Где вы тут вредных микробов нашли? — деланно ленивым тоном протянула та. — Я, например, знаю только одного… Точнее, одну…

Элиза явно нарывалась. Внутри Серафимы все клокотало от злости. Она едва сдерживалась от язвительного ответа. «Вспомни, это несчастный человек, нелюбимая женщина», — повторяла она себе, сжав зубы, пока Элиза, плеснув себе виски, отправляла по очереди в окошко пустую консервную банку, пластиковый стакан и наполовину полную тарелку.

Тимур переводил насмешливый взгляд с одной женщины на другую. Серафима усмехнулась. Ну уж нет, господин Балтышев! Элиза хочет скандала, да и ты, кажется, не против. Обломайтесь, господа.

— Приятного всем аппетита, — улыбнулась Серафима и встала.

И у выхода наткнулась на Альбиноса.

— О, Сим, я как раз тебя ищу, — безмятежно заявил Костик, — надо поговорить.

Она затылком почувствовала испепеляющий взгляд Тимура, но кивнула и вышла вслед за Альбиносом.

— Слушай, я в свою палатку завернул, то есть в нашу с Тимуром. Там связь сработала, тебя спрашивали… Ждать не стали, через час будет повторная. Я не хотел при всех говорить, слышал уже, что Элиза тебя шпионкой кличет, ну и…

— Ну и теперь у нас два шпиона.

Снова вальяжный голос Сурена! Ничего не отвечая, она повернулась к нему спиной и ушла к себе. Связь… Кто это может быть? Месяц еще не истек, Бастуров не смеет выгонять ее раньше. Кристина? Как быть? Не караулить же у палатки Тимура! Надо попросить его, чтобы позвал…

С улицы донеслись непонятные вопли. Серафима бросилась из палатки. Картинка, прямо скажем...

Элиза, полусогнутая, с бутылкой в руке, истошно орала. И было, от чего. Сурен крепко держал ее одной рукой за волосы, и буквально таскал из стороны в сторону. Лицо его при этом оставалось невозмутимым, словно он проводил сеанс психотерапии, только слова звучали отрывисто.

— Достала. Пьяная. Злобная. Тварь.

С разных сторон появились Тимур, биологички и Костнер.

А у Серафимы перед глазами всплыла картинка: умненькая одетая с иголочки девочка в кабинете директора... Вот и доучилась в своих университетах! А этот подонок — отыгрывается на ней, что ли?

— Ты, мразь, отпусти ее, — Тимур сделал шаг вперед.

Не дожидаясь, пока тот приблизится, Сурен со словами, прозвучавшими до абсурда по-будничному: «Пошла вон к своему козлу», — бросил Элизу прямо на Балтышева.

Серафима, не отрываясь, во все глаза смотрела на Сурена. Но то, что она увидела, потрясло ее не меньше, чем таскание Элизы за волосы. Он улыбнулся своей широкой, ничего не означающей улыбкой, глядя прямо в глаза Серафиме, и вдруг... многозначительно подмигнул. Это было так страшно, как если бы сам черт улыбнулся и подмигнул ей. А потом — неспешно, вразвалочку, — ушел к себе в палатку.

Она перевела взгляд на Тимура. Элиза упала прямо в его объятья и вцепилась в него, рыдая. Серафима не смогла понять выражение его лица. Он не отстранил Элизу, напротив, прижал ее к себе и гладил по спине, голове, утешая, говорил что-то шепотом.

Серафима будто окаменела. Потом повернулась и тихо ушла в палатку. Легла лицом вниз и пролежала, не шевелясь, минут пятнадцать. Все внутри было натянуто, как струна. Она прислушивалась. Ей казалось, что Тимур вот-вот должен войти, что-то сказать. Но его не было, и она поняла, что он не придет. Тогда она села и уставилась перед собой.

Серафима больше не находила в душе ни следа жалости к Элизе. И не только к Элизе. Она вдруг поняла, что ничья судьба на стоянке ее не волнует. Отправят их на Землю, не отправят их на Землю... Какая ей, собственно, разница? Она никого не обязана спасать. И зачем она вообще сюда приперлась? Ей наплевать, на всех наплевать. А Элизу она ненавидит. Действительно, просто злобная тварь… Нет, какая же она дура, что поверила Тимуру! Она же ничего о нем не знает, ничего не знает об их отношениях! Элиза ему не чужая, и между ними давно… Ну и пускай… пускай…

Серафима немного успокоилась, вытерла слезы и постаралась привести мысли в порядок. Она привыкла быть откровенной с собой. Значит, все, чем она руководствовалась, споря с Бастуровым, — то, что она говорила про людей, Иклону, шанс, который им надо дать — все это было только из-за Тимура? А без него ей ничего не надо? Без него она никому помогать не станет?

Она поморщилась от презрения к самой себе. Ладно, так еще проще. Чем меньше на себя берешь… Хватит, она больше не в состоянии держать высокую планку благородства! Никакая она не благородная. Надо все бросить и попроситься обратно к Кристине. Пусть скажут: «Ну, мы же тебе говорили». Наплевать. Вот только стыдно перед Таней Костнер. Перед нею одной и стыдно. Дала ей понять, что может быть другая жизнь, а сама расклеилась — причем тоже из-за мужика.

Снаружи уже совсем стемнело. Серафима встала. Хотелось что-то делать, куда-то двигаться. Интересно, была уже связь или нет? Спрашивать она не пойдет — неизвестно, что сейчас у Тимура в палатке. А ведь она могла бы узнать… как увидеть своими глазами, — стоит только задать вопрос, просто мысленно. Из-за всех сил Серафима старалась вопрос этот не задавать, но соблазн был настолько велик, что ей пришлось впиться ногтями в ладони. Она не имеет права подглядывать! Серафима вылезла наружу и подняла голову к огромной, висящей прямо над головой звезде, стараясь не давать слезам вытекать из глаз.

И тут прямо на нее выскочил Альбинос.

— Быстрее, связь! — он схватил ее за руку и буквально втянул в палатку Тимура.

Элизы в палатке не было. Тимур сидел в глубине, и она не стала смотреть в его сторону. Схватила передатчик. Так она и думала — звонила Кристина.

Альбинос вышел, чтобы не мешать, но Тимур так и остался сидеть где-то сзади, слушая каждое слово.

Голос у Кристины был, как всегда, спокойным и ласковым, вот только очень грустным.

— Симочка, детка... Я улетаю. Мы все улетаем.

— Как?! Почему?!

— Мы заболотились. Бастуров закрыл эксперимент. Он сделал доклад, что проживание на планете невозможно. Все покидают Иклону.

— Со всех стоянок?

— А кроме нашей и вашей, почти никакого не осталось. Многих отправили на Землю еще раньше по программе Бастурова. Эксперимент по изоляции избранных не удался. Ты была права, это очевидно, но Бастуров никогда этого не признает.

— Значит? — мысли у Серафимы путались.

— Разрешено остаться тем, кто желает, но таких очень мало. Бастуров считает, пусть себе делают, что хотят. Если сумеют — пусть выживают, под собственную ответственность.

— Кто-то останется?

— Да. Из твоих знакомых остается Марина. Ивар улетает, Тоня — с Андреем, она слушает только его.

— Кто остается? Художник… Бывший вор…

— Да, угадала. Еще кое-кто, кажется. Лин с мужем улетают со мной, они очень законопослушны. Мы вам все оставим, запасы, лекарства, технику и воздушный катер тоже. Перевезете все, что вам понадобится, только не тяните, пока тут все не затопило. Ваша стоянка — единственная, которая не заболотилась до сих пор. Остальных — из тех немногих, которые оставались, — подтопило за несколько последних дней.

— Если честно, я и думать забыла про это болото…

— Может быть, у вас подходящая местность. А может, что-то иное, чего нам так и не удалось не понять.

— А может, так просто хочет Иклона… — пробормотала Серафима.

— Симочка, что сейчас спорить? Честно скажу тебе, я рада хотя бы тому, что Бастуров не принял решение всех переместить на твою стоянку, а вас отправить на Землю. Гордыня помешала. И знаешь… — Кристина помолчала, — многих задело именно это… самые активные с экспериментальной стоянки лишились своих способностей. Бастуров не стал разбираться, кто и почему, просто свернул программу.

— И он что — тоже?..

— Не знаю, но... я их лишилась. Наверное, мы действительно превысили свои права…

— Кристина, я думаю, это не важно. Способности — это не главное. Пожалуйста, приезжай… Ты так нужна мне здесь!

— Нет, дорогая, я улетаю.

— Но почему, почему?! Тебе ведь не мешает никакая гордыня!

— Сима, я человек подначальный, обязана выполнять приказы.

— Ничего ты не обязана!

— И еще — мне стыдно перед людьми. Я подвела их.

— Так может, поэтому и надо остаться? С этими людьми?

— Сима, я больше никого не поведу за собой. И к тебе не приведу того, кто не разделяет твоих убеждений.

— Какие еще убеждения! Кристина, я не знаю, как быть… Я одна, Кристина. Мне некому помочь!

Сейчас ей было все равно, что Тимур ее слушает. Она боялась только одного — остаться одной. Одиночество на Иклоне.

Или… нет, если прислушаться к себе — нет, не правда. Она не боится. Почему-то больше невозможно бояться. Она не вернется на Землю. Она не предаст Иклону… Даже, если Тимур предпочтет Элизу? Да, вдруг поняла она. Даже если так.

— Сима, прощай. Если кто из вас захочет улететь — последний корабль через неделю. К вам завтра прилетят два катера, один привезет к вам желающих остаться, другой заберет от вас тех, кто соберется на Землю. И еще… Я желаю тебе и дальше жить в мире с собой, по своим убеждениям. У тебя получается. А для меня это всегда было проблемой.

Связь прервалась. Серафима медленно опустила передатчик на базу.

— Ну, что там? — из угла раздался глухой голос Тимура.

— Не беспокойся, ты остаешься на Иклоне. Никого не отправят насильно, — устало ответила она. — Да, знаешь, собери всех, пожалуйста. Надо им рассказать.

Через полчаса все сидели на поляне перед зажженным костром. Его свет выхватывал из темноты людей, отражался в глазах, странно меняя выражения лиц. Элиза села рядом с Тимуром, и Серафима старалась не смотреть в их сторону.

Она только что закончила рассказ словами о последнем катере и о том, что на стоянку прибудут новые люди.

— Я, разумеется, остаюсь, — первым заявил Альбинос.

— Я тоже, — робко заявила Костнер.

— Значит, теперь нас не выселяют насильно, теперь нам предлагают выбор, это прогресс, — раздался басок Сурена. — Лично мне надоело играть в их игры. И здесь основательно надоело. И вы все, милые мои дамы и господа — ну до чертиков надоели. Пора и домой. Диссертация моя вполне готова. Имен обещаю не называть, забавные вы мои персонажи.

— Я тоже улетаю, — глухо произнесла Элиза. — Эта планета для таких, как Гофман. Которые получают все сразу и ни за что, а потом изображают, что лучше других. Да еще остальных «избранных» сюда привезут, вот спасибо! Хотя и на Земле их навалом, но там хотя бы народу побольше, можно каждый день не лицезреть.

— Мы остаемся, — заявила Инна, как всегда, за себя и за Майю.

— Что вы тут делать-то будете? — презрительно хмыкнула Элиза. — Науки тут никакой… Скукотища. Растительное существование.

Серафима хотела сказать, что, если каждый день пить виски и швыряться огрызками, то это уже даже не растительное существование, а свинство. Но решила промолчать.

— Плевать на науку, — отрезала Инна. — Я здесь… отдыхаю… последнее время. Почему-то стало легко и спокойно.

— Можно дышать, — подтвердила Майя. — И… не так мучительно страшно, как на Земле.

— Здесь совсем не страшно, — раздался радостный голос Альбиноса, — здесь нет страха, чуете? Да и изучать Иклону — дохлый номер. Не из*у*чите… Ее можно… эх, как бы сказать-то…

— Познавать? — вырвалось у Серафимы.

Что-то странное витало в воздух. Звучали откровенные слова. Потому ли, что в темноте почти не видно друг друга? Или каждому пора в чем-то признаться?

— А зачем два катера-то? Один бы прилетел и отвез обратно… — недоуменно спросила Татьяна.

— А потом сам бы вернулся, на автопилоте, что ли? Говорят же, один катер отдают нам, — объяснила Инна.

Молчал только Тимур, и от этого молчания все сжималось внутри Серафимы — от страха, которого здесь нет. Но не только она ждала его решения.

— Тимур, а ты? — голос Элизы стал непривычно тихим.

— Мне нельзя на Землю, — коротко ответил он, и Серафима больше почувствовала, чем услышала короткий вздох Элизы.

А её сердце радостно забилось. Элиза уедет, он останется, он останется, а она уедет! Да чему ты радуешься, дурочка? Он останется только потому, что на Земле его ждет тюрьма. И Элиза, кстати, может еще передумать.

Нет, не просто может передумать, заявил мерзкий, противный голос внутри Серафимы. Нет, дорогая, это ты пойдешь и заставишь ее передумать. А иначе для чего ты подсматривала чужую жизнь? Для чего тебе это доверили — для твоего удобства? Серафима закрыла лицо руками. Ну почему она постоянно кому-то что-то должна? Почему она? Ведь в ее сердце нет ни малейшего благородного отзвука на этот призыв! И все-таки она знала, что потащится к ненавистной Элизе. Ох...

А кстати, где теперь ночует Элиза? Поменяются местами с Альбиносом, перейдет к Тимуру?

— Ну всё, что сидеть? — он поднялся и направился к палатке. Элиза неуверенно проследила за ним взглядом, приподнялась, словно сделала стойку в ожидании — позовет ли хозяин.

— Костик, ты идешь? А то потом припрешься, разбудишь… — бросил Балтышев.

Элиза обреченно села обратно.

— Сладких снов, родные! — пробасил Сурен и тоже ушел.

Все разошлись, и только Элиза осталась у костра, не зная, куда ей направиться. Не в палатку же к Сурену.

Серафима встала, не слишком задумываясь над тем, что делает и говорит, подошла к Элизе.

— У меня свободное место в палатке, идем спать.

Даже в темноте Серафима почувствовала исходящую от Элизы ярость.

— Да я лучше здесь всю ночь просижу, добренькая ты наша! — вскинулась та.

— Не хочешь нормально поговорить?

— С тобой — нет, — отрезала Элиза.

— Только не думай, что я к тебе набиваюсь. У нас все взаимно, — не выдержала Серафима.

— Ну и вали давай, чего тебе надо?

— Да мне ничего… Я должна передать тебе информацию.

— От кого?

— Не знаю. От Иклоны, наверное.

— Бредишь?

— А разве не ты всем внушала, что такие, как я, заодно с планетой, и так далее?

Элиза молчала, всем своим видом показывая, что презирает и Серафиму, и Иклону.

— А информация такая, — продолжала Серафима, — ты должна остаться. На Земле тебе будет хуже. Да и куда ты вернешься? В жуткую свою лабораторию? Расчленять младенцев? Ты с ума там сойдешь, ты должна быть здесь, здесь ты вылечишься.

Серафима знала, что имеет право говорить сейчас откровенно.

— Я так и думала, — прошипела Элиза, — узнала все про меня, да? И теперь используешь? Тимуру, наверное, уже рассказала? Чтобы отворачивался от меня, как от прокаженной…

— Никому и ничего я не рассказывала и никогда не расскажу. Не надо судить по себе. И Балтышев тут вообще ни при чем.

— Еще как при чем!

Обе замолчали.

— Для чего это я, интересно, понадобилась твоей Иклоне? Разве она не предпочитает таких, как ты — чистеньких? Ненавижу чистеньких!

Наверное, не стоило спрашивать у Элизы, что она подразумевает под «чистенькими».

— По-моему, Иклоне нужен каждый. Завтра на стоянку прибудет бывший вор, много лет просидевший в тюрьме. Странно… ты презираешь других, но при этом сама решила, что чем-то их хуже. Попробуй остаться и отдохнуть — в первую очередь от себя, и от ненависти к себе.

— Да ты что, дура? — заорала Элиза. — Я бы сто раз осталась и была счастлива, если бы могла отдохнуть от тебя, не видеть тебя! Я из-за твоей рожи уезжаю! Все из-за тебя! Не считаю я, что ты лучше, не надейся! Ты сломала всю мою жизнь, отобрала Балтышева! Тебе-то что от меня надо, зачем тебе надо, чтобы я осталась? Добренькая? Жалко меня? Тогда уж иди до конца — улетай сама! Я тогда останусь, обещаю тебе!

Нет, ну почему она должна ее уговаривать? Серафиму затрясло, кровь прилила к голове.

— Да ты все неудачи мне приписала? Нашла такой собирательный образ всем бедам — Гофман, да? — Серафима тоже орала, и, наверное, их крик был слышен в палатках, но никто не выходил. — Имей в виду, Балтышеву ты не нужна была и до прилета сюда, тут уж вина не моя!

— Ах ты, тварь! — Элиза сжала кулаки.

Теперь обе стояли, дыша друг другу в лицо. Еще чуть-чуть — и Элиза вцепится в нее ногтями.

«Да помоги же мне, Иклона… С каждым словом я делаю только хуже…» Серафиме хотелось отступить в темноту, прочь от Элизы. Или нет, стукнуть ее как следует кулаком, прямо в эту красную лисью морду! Но вместо этого она провела ладонью по глазам, пытаясь прийти в себя. Сказала как можно тише:

— Я не уеду с Иклоны, ты это знаешь… Мне нет нужды тебя упрашивать. Уедешь — камень с плеч. Просто подумай, почему Иклона заставляет меня тебя уговаривать. Наверное, это надо в первую очередь тебе. Попробуй не думать обо мне или Тимуре. Подумай о себе, как лучше для тебя.

Ответ был коротким.

— Да пошла ты! — презрительно бросила Элиза и, развернувшись, ушла в темноту.

Серафима села на землю и разревелась. Ничего у нее не получилось, да и не могло получиться. Совсем не то орудие выбрала Иклона… Или она опять все сделала не так? А кто мог бы сделать иначе? Ответ пришел сам — то ли от Иклоны, то ли из глубины души. Уговорить Элизу мог только один человек.

Услышав шаги, она резко подняла голову.

— Ба, да ты еще здесь, милая? Не расцарапала тебе Эля личико? Но до слез довела, довела… Это она может.

Сурен? Для чего он вернулся?

— Не спится, — радостно улыбнулся психолог, как будто в ответ на ее вопрос, — да и ваши вопли заснуть не дают. Ты ее зря агитировать взялась — у нее на тебя аллергия. Но, заметь, не только у нее.

— А тебе-то я что сделала? — Серафиме было так плохо, что она больше не сдерживалась. — Что я лично тебе, Сурен, сделала плохого? Ладно, Элиза считает меня виноватой во всех своих бедах. А у тебя-то какие беды из-за меня?

— Да никаких, — безмятежно ответил Сурен, — у меня все прекрасно. Просто у тебя такой психотип, который людей раздражает. Везде тебе надо влезть, всех достать… А для

меня ты — просто объект наблюдения. Впрочем, не слишком интересный… Все вы здесь примитивные психотипы, ничего нового. Алкоголик, начавший новую жизнь, рефлексирующий убийца, незамужние истерички, шлюшка, плохо учившаяся в школе… И ты — спаситель человечества, правда, в лице одного Тимура Балтышева. На лбу написано, что тоже с мужиком на Земле не повезло, да?

Почти все, что говорил Сурен, было правдой, но правда эта была какая-то мерзкая, искаженная.

— А ты? — вдруг спросила Серафима. Слезы высохли, и она с напряжением всматривалась в бородатое, спокойное лицо Сурена. — Ты — какой психотип? Сверхчеловек, который может разложить всех по полочкам? По какому праву ты всех презираешь?

Но Сурена было этим не пронять.

— По праву умнейшего, — снисходительно объяснил он, — по праву опыта наработанного. Это вам кажется, что вы такие уникальные все, а я все это видел сотни раз.

— Ну, хорошо, допустим. А ты сам — во что в жизни ты веришь? Что-то святое у тебя есть, не один же цинизм? Ну, не знаю, может быть, мама? Бабушка? Девочка из школы, старый друг?

Ее на самом деле разбирало любопытство: откуда в нем такая невероятная гордыня, без капли сомнения. Или это лишь маска, самозащита?

— Ух ты, молодец! – хмыкнул Сурен. - Уверен, ты была лучшей ученицей у себя на курсе. Вы, кстати, с Элькой чем-то похожи, не замечала?

Но она уже поняла, что он не хочет говорить о себе.

— Ты мне тоже кое-кого напомнил… — ответила она задумчиво. — Был у нас в классе мальчик. Шут гороховый, так его звали. Он никогда ни с кем не говорил искренне и серьезно. Передразнивал учителей, разыгрывал родителей… Все ржали, а мне всегда казалось, что он какой-то несчастный. Как будто боится, что никто не воспримет его, если вдруг узнают, какой он есть на самом деле.

В его расслабленно-снисходительном взгляде впервые на ее памяти появилась напряженная точка.

— Так вот, скажи, Сурен, как мне пробиться к тебе? Скажи, пусть все мы ничтожества, не стоим твоего мизинца. Но ты сам появись перед нами, какой ты есть настоящий. Тебе же все равно, что я о тебе подумаю. Тогда не играй эту роль. Скажи хоть что-нибудь от души. Скажи, что ненавидишь всех, кто не считает, что ты — самый лучший. Что презираешь отчима и обижаешься на мать… Чувствуешь ли что-нибудь к Элизе? Ревнуешь ее к Тимуру? Ну, хоть что-то, хоть слово - искренне! Вылези из клоунского наряда, покажи хоть раз лицо. Где ты, ау!

— Милочка, — Сурен нарочито расхохотался, но точка в его глазах осталась по-прежнему, — да ты все забавнее и забавнее! Все человеческие стремления — это подсознательные сексуальные желания. И даже твоя жажда справедливости. Все от неудовлетворенности. А у меня все желания удовлетворены. У меня нет комплексов. Мне не нужны рефлексии. Я не притворяюсь, а делаю все на свою пользу, вот и весь сказ. Я очень последователен.

— Ты действительно не хочешь остаться на Иклоне? Тебе здесь совсем не нравится?

— Нравится-не нравится… Да такая же помойка, как и везде, чуть больше солнышка и чуть меньше загажено. Еще загадите, если останетесь. Или ваши детки с Балтышевым загадят. Только знаешь, скажу тебе, как профессионал: не подходишь ты Тимурчику . Он к тебе тянется, как к противоположности, но Элька ему куда больше подходит, они — два сапога пара. Так что хорошего не жди. Смотри-ка, уже светает! Ну, пойду, шмотки соберу. Чао, радость моя!

Серафима смотрела ему вслед: а ведь просто сбегал от нее. Гордыня сильнее радости, и этого никак не переломишь. Но еще остается Элиза и последний шанс.

Серафима встала и решительно отправилась к Тимуру. Постучала, никто не ответил, но она все равно вошла. Свет уже проник в их палатку. Альбинос свернулся калачиком и похрапывал на своем покрывале. Тимур лежал на спине одетый и тоже спал, раскинув руки. Она подошла к нему и слегка подергала за рукав. Он вздрогнул и моментально сел.

— Ты? — Тимур перехватил ее руку, напряженно вглядываясь ей лицо.

— Выйдем, надо поговорить, — не дожидаясь ответа, она выскользнула, и он вылез следом, поеживаясь от холода.

Серафима направилась к себе палатку, подождала его, пропуская. Они сели напротив друг друга. Она посмотрела ему в глаза.

— Я говорила с Элизой, когда все разошлись. Это было… громко. Ты, наверное, слышал?

— Слушай, хорошо, что ты пришла... я хотел сказать тебе…

— Потом, — перебила она. — Так вот. Я попыталась уговорить Элизу остаться. Вышло… плохо. Она слишком меня ненавидит. А я - ее…

— И зачем? Зачем ты уговаривала ее остаться?

— Как? Не понимаешь? Тебе ведь не наплевать, что с нею будет?

— Нет… не наплевать. Мне жалко Эльку. Но я не понимаю, для чего это тебе.

— Мне — не для чего. Мне без нее только легче. Она мне поставила условие, что-то типа — я или она. Останется, если я улечу.

Тимур чуть не подскочил на месте.

— Надеюсь, ты и не подумаешь… Чушь собачья. Не вздумай!

— Предпочитаешь, чтобы улетела она? — не удержалась Серафима.

— Разумеется, — буркнул Тимур.

У нее сразу отлегло от сердца, но тут же стало совестно.

— Ты знаешь, а Иклоне надо, чтобы остались мы обе. И никакого выбора.

— То есть, ты остаешься, — тревожно уточнил Тимур.

— Ты понимаешь, что тебе говорят, или нет? Я не собираюсь улетать на радость Элизе. Но единственный человек… В общем, только ты можешь ее отговорить.

— Я? А почему я должен ее отговаривать?

— Потому что! Потому что ты виноват перед ней.

— В чем же? — прищурился Тимур.

— В том, что дал ей надежду на Земле, а потом использовал и бросил. В том, что снова подал ей надежду вчера.

— Какую еще надежду? Не, ну мне действительно было ее жалко, может, несколько переборщил с сочувствием… чтобы тебя разозлить. Но ты тоже… Носишься с Костиком, а со мной, видишь ли, подождать надо…

— Ты… я не знаю, как это назвать! Как так можно — с людьми? У меня просто слов не находится!

— Ну, прости меня, идиота… ты же знаешь, как я к тебе…

— Действительно, идиот! Я не про себя! Как ты мог так — с ней? — Серафима в ужасе качала головой. — Ну, все! Мы все испортили! Она не останется… И будет ненавидеть до бесконечности. Вот что ты натворил!

— Ты ничего не знаешь, — нахмурился Тимур, — ничего я ей на Земле не обещал. Мне было плохо, ужасно плохо. Ей тоже. Просто надо было к кому-то прислониться. Я никогда не считал ее близким человеком, никогда не любил.

— Зато она тебя любила. И ты должен был это видеть.

— Ерунда. Просто нам обоим надо было улететь. А ты что, снова смотрела эти свои сны — про нас? — лицо его стало жестким. — Не поверила мне?

— Я смотрела только Элизу, — отрезала Серафима. — И поверь, ей было тогда хуже, чем тебе.

Оба замолчали.

— Что мне делать, чтобы ты простила?

— Да не мое прощение тебе сейчас нужно.

— Что мне делать? — упрямо повторил он.

— Поговори с ней, уговори остаться.

— Это обязательно?

— Да.

— Хорошо… Если ***ты*** так хочешь, — он в упор смотрел на нее.

— Ага… мечтаю! — взорвалась Серафима. — Света, Элиза… просто кайф ловлю.

— Ну а Света-то при чем? — нахмурился он.

— При том. Ты ведь никогда ее не забудешь, — зло усмехнулась Серафима.

Тимур спокойно смотрел на нее.

— Света... — задумчиво повторил он. — Хочешь — верь, хочешь — нет… Я про нее почти и не помню. Болезнь прошла и наваждения нет. Мне нужна ты.

Тон его сменился, голос стал мягким, а в глазах появилась нежность.

— Что-то мне неохота быть лекарством от этой болезни, — проворчала Серафима.

Настроение у нее было отвратительным. Она тоже не железная, хватит! Упрашивать его, чтобы он уговорил Элизу, бред!

— Я люблю тебя, — тихо, но твердо произнес Тимур, — и если я это сказал, можешь верить. А... ты? Ты мне ни разу... Подожди, что это? — вдруг встрепенулся он.

Раздался душераздирающий женский крик, всего несколько слов, тягостно повисшие в воздухе:

— Нет, нет, пусти меня, не сейчас, прошу, не надо!

— Господи, опять! — она вскочила.

Оба вылетели наружу в полной уверенности, что Сурен снова взялся за свое. Бородач тоже вышел из палатки, разводя руками.

— Да ты совсем одурел, сволочь! — Тимур схватил его за грудки.

— Потише, потише, — Сурен зевнул ему прямо в лицо. — Я не виноват, что Эле снятся кошмары. Скорее, это твоя заслуга.

— Она что, спит? — ошарашено спросила Серафима.

— По крайней мере, несколько минут назад спала.

Сурен задрал голову к небу, Серафима невольно проследила за его взглядом. Из-за горы показались две черные точки, а в воздухе усиливался характерный, знакомый рокот.

— Ага, пора и отчаливать, — удовлетворенно произнес Сурен, — пойду, разбужу, пока она не натворила делов во сне.

— Это уже катер? Так рано? Мы ничего не успели…— всплеснула руками она.

Оба катера плавно приземлились на поляне. Из одного вылезли трое — Ивар, Художник, как его окрестила Серафима, и бывший вор. Из другого — Марина с целым мешком саженцев и семян. Ей с энтузиазмом помогал незнакомый парень, пилот второго катера.

Кто-то толкнул Серафиму в бок:

— Смотри, мужики новые прибыли!

В прокуренном голосе Костнер звучала простая и вечная надежда.

Серафима подошла поздороваться, радостно улыбнулась Марине, повернулась к Ивару:

— Здорово, что ты решил остаться!

— Я не остаюсь, — Ивар не ответил на ее улыбку, — заберу тех, кто улетает. Останется он.

Ивар кивнул на второго пилота.

— Почему? — можно было не спрашивать, но она спросила.

— Иклона решила, что мы ей не подходим. Если хочешь знать, у меня больше нет способностей. В общем, насильно мил не будешь.

Эта фраза, очевидно, относилась не только к Иклоне. Эх, Ивар… Вот и еще один человек, из-за которого она чувствует вину.

— А может, Иклона забрала у вас дар, потому что он вам больше не нужен, или потому, что вы неправильно его использовали? Или Иклона его потом и у остальных заберет? А может, наоборот, вернет? А может, людям не обязателен этот дар, чтобы жить на планете. Самолюбие — не причина уезжать… — она смотрела на него просительно.

— Нам не стоит ждать милости от Иклоны, — невесело усмехнулся Ивар, отвернулся и неожиданно спросил:

— А с ней-то что? Больна, что ли?

Серафима не сразу поняла, о ком он. К катеру подходили Сурен и Элиза. Держались вместе, как ни в чем не бывало. Ей не показалось, что у Элизы был какой-то особенно болезненный вид. Как обычно, бледная, с синевой под глазами, не более того.

Сурен обходительно подал своей спутнице руку и помог забросить мешок. Серафима умоляюще взглянула на Тимура. Тот кивнул и окрикнул:

— Эль, подожди.

Та резко обернулась.

— Чего тебе?

— Не хочешь остаться?

Нет, ну что он делает… Как это все неумело… при всех…

Элиза спрыгнула со ступеньки и теперь внимательно вглядывалась в его лицо.

— Зависит от тебя, — наконец, медленно произнесла она.

Все молча наблюдали за этой сценой.

— А, по-моему, только от тебя, — произнес Тимур. — Что касается меня, я считаю, ты должна остаться. Ну, чего ты дурака валяешь?

— Не притворяйся, — Элиза медленно подошла к нему, — ты прекрасно знаешь, что должен сказать, чтобы я осталась.

Она повернулась к Серафиме.

— Ну-ка, подойди сюда, Гофман!

— Ты забыла волшебное слово, — Серафима чувствовала исходящую от Элизы ненависть, и сама ненавидела ее всем сердцем.

Но сделала усилие и подошла.

— Скажи при ней! Что я нужна тебе. Я — а не она! Тогда — не полечу.

Тимур нахмурил брови, взгляд его стал тяжелым.

— Сказать то, что ты просишь, значит — соврать, — ответил он твердо. — Тебе нужна ложь?

Элиза откинула голову назад и на секунду закрыла глаза.

— Нет, мне не нужна твоя ложь, — сквозь зубы произнесла она, — мне нужно, чтобы вы оба сдохли.

Она развернулась и твердым шагом направилась к катеру. Перед самым входом помедлила, всего одну секунду. И скрылась в проеме. Серафима невольно восхитилась ее самообладанием. Ивар и Сурен залезли следом. Ивар закрыл за собою дверь.

Сама она испытывала противоречивые чувства. Основным из них было облегчение, огромное облегчение. И ей было стыдно за это облегчение. Сурена ей было не жаль - это его выбор. А вот Элиза… По ее жизни снова проехал танк. Интересно, что будет с ней на Земле? Если Сурен не выкинет ее, то будет мучить…

Воздушный катер поднялся и завис над поляной. Серафима растерянно обернулась. Все вокруг уже занялись своими делами — кто-то ставил палатки, кто-то отправился в столовую. Только Тимур остался возле нее. И вдруг в сознании Серафимы случилось странное. Небо Иклоны померкло, и она как будто снова очутилась во сне — в запутанном белом коридоре роддома, только не Элиза, а она сама металась по вестибюлю и громко орала:

— Постой, постой, нет, не надо, стой!

И очнулась на земле, видимо, споткнулась и упала на спружинивший мох. Наверное, она действительно орала вслух, потому что Тимур тряс ее за плечи, а воздушный катер плавно приземлялся обратно.

Дверь открылась и вывалился испуганный Ивар.

— Что это с ней? Я не знаю, что делать… Может, эпилепсия? Кричала, билась, а теперь не шевелится...

Это он про кого — про нее, Серафиму? Она неловко поднялась, отряхивая ниточки мха. Но Ивар показывал внутрь катера. Тимур и Альбинос взлетели по ступенькам и, вытащив наружу Элизу, уложили ее на землю. Она не шевелилась, только моргала и смотрела на них испуганными синими глазами. Рыжие волосы разметались по сиреневой земле, бесчувственные длинные пальцы лежали на груди, как будто в молящем жесте. И лицо ее, расслабленное, не сведенное мышцами в привычную злобную гримасу, казалось тонким, фарфоровым и беззащитным. Ивар присел возле нее на корточки, не в силах оторвать взгляд. Серафима переглянулась с Тимуром.

— Элиза остается, — коротко сказала она. — Кость, помоги Тимуру, отнесите ее в палатку.

Тимур смотрел на нее с недоумением.

— Но ты же сама говорила — нельзя против воли. Чтобы планета приняла, она должна захотеть и все такое…

— А Иклона ее приняла — не видишь? Она просилась, очень просилась. Только сама себя не пускала. И Иклона ей помогла. Так что насилие будет только над телом. Элиза не может вернуться на Землю, как ты не понимаешь? Для нее это — гибель.

— Теперь тоже с неделю проваляется, — задумчиво произнес Альбинос.

— Хочешь сказать — это та самая ваша болезнь? — удивился Тимур.

— Конечно. А что она кричала? — спросила Серафима у Ивара, который так и сидел, глядя Элизе в лицо.

— Просила остановиться, кажется… — пробормотал он.

— Ну вот!

Серафима слегка покривила душой. Она знала, что слова Элизы были из того самого воспоминания… Не важно! Суть все равно одна.

— Да ведь и ты орала что-то в этом духе? Почему? — нахмурился Тимур.

— Отнесите ее в палатку, незачем ей лежать на земле, — Серафиме не хотелось ему отвечать.

— Шеф! Мы летим или нет? — раздался вдруг бархатный голос Сурена. — Время не ждет.

Все только сейчас вспомнили про него. С удивлением Серафима подумала, что психолог даже не подумал выйти из катера, чтобы посмотреть, что с Элизой. Впрочем, он необычайно умен - все сразу понял.

— Я остаюсь, — глухо произнес Ивар.

Никто не стал спрашивать, почему. Тимур коротко кивнул, и они с Костиком подхватили Элизу.

Серафима радостно бросилась к Ивару.

—Ты без вещей? Да и ладно, найдем тебе что-нибудь…

— Прекрасненько, — Сурен улыбался. — Вообще-то ты обязан меня отвезти, но я и сам могу управляться с этой штуковиной. Какие координаты стоянки?

— Триста пятьдесят шесть и восемьдесят восемь, — растерянно ответил Ивар.

— Сурен! Оставайся и ты, — Серафима подошла к самому катеру.

— И, правда, Сурен, чего ты? — раздался голос Инны. — Все остаются!

— Я — не все, — снова широко улыбнулся Сурен, — и массовому гипнозу не подвержен. Что я буду тут делать у вас, скажите на милость? Грядки полоть, рыбку ловить? Или на лопухах диссертацию писать? — голос его звучал как всегда издевательски, но Серафима уловила нотки раздражения и заметила, что глаз у Сурена дергается.

— Да к черту твою диссертацию, — высказалась Майя, как и ночью про науку.

— К черту вас всех, — неожиданно рявкнул Сурен и бросился в катер, с грохотом захлопнув за собой дверь.

«Не сдержался-таки под конец», — подумала Серафима. Катер поднялся в воздух и полетел в сторону гор, на глазах уменьшаясь в размерах.

— Двенадцать человек и огромная планета. Не слишком ли жирно для нас, как считаешь? — усмехаясь, спросил Тимур. Он уже вернулся из палатки Элизы.

— Все зависит от нас… — Серафима все еще смотрела в то место на небе, где только что пропала черная точка.

— Может, со временем лагерь расширить? Исследовать другие места?

— Конечно. Но пока лучше жить друг к другу поближе.

— Ну, а раз так, — произнес он с открытой улыбкой, — значит, я могу, наконец, перебраться к тебе?